9(47)
3-32.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

ЗАПИСКИ
11

История и археология

МОРДОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК—1949

9(47)
3-32.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

57

29246.

ЗАПИСКИ
11

История и археология

Проверено
1983 г.

БИБЛИОТЕКА
№ _____
научно-иссл. ин-та
1977

МОРДОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК—1949

И. М. Корсаков, А. И. Куркин.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ТРУДЯЩИХСЯ МОРДОВИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ.

В продолжение многих веков своей истории мордовский народ связан тесными узами со своим старшим братом, с великим русским народом.

Трудящиеся массы русского и мордовского народа всегда стремились к объединению в одну братскую семью в борьбе против внешних врагов и внутренних эксплоататорских классов. Межнациональная борьба не была в интересах трудящихся, — национальную рознь сеяли только господствующие классы в интересах наживы и порабощения.

Мордовский народ под руководством русского народа вёл беспрерывную борьбу за освобождение своей родины от иноземного ига: татаро-монгольских орд, польских интервентов в начале XVII века, наполеоновских полчищ в 1812—1813 гг., иностранных интервентов в 1917—1922 гг.

На протяжении столетий мордовский народ под руководством великого русского народа выступал против угнетения и несправедливости. Мордовский народ принимал активное участие в борьбе против крепостнического гнёта в крестьянских восстаниях под руководством Болотникова, Разина, Пугачёва.

В ожесточённой совместной борьбе против иноземного ига и эксплоататорских классов внутри страны выковывалась дружба мордовского народа с великим русским народом и с другими народами СССР.

До Великой Октябрьской социалистической революции мордва была угнетённой царизмом. Как и другие национальные меньшинства, входившие в царскую Россию, мордву официально относили к «инородцам». Кроме социального угнетения мордовский народ подвергался национальному угнетению. Проводя политику обрусения, царизм всячески по-

давлял национальную культуру, запрещал обучать детей в школах на родном языке. Мордва держалась в темноте и невежестве, не имела своей письменности, в силу чего, как и другие неравноправные нации, была отсталой народностью.

Великая Октябрьская социалистическая революция, совершённая рабочим классом России под руководством партии Ленина—Сталина, решительно изменила всю жизнь народов России.

Октябрьская революция навсегда разбила оковы национального угнетения и обеспечила условия для полного равноправия и дружбы всех народов страны. Мордовский народ стал равноправным народом наряду со всеми народами Советской России.

«...Октябрьская революция,—говорил товарищ Сталин,—порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забитых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие»[1].

Когда полчища интервентов и контрреволюционных банд напали на молодую Советскую Россию, мордовский народ со всеми братскими народами, под руководством партии Ленина—Сталина встал на защиту своего отечества—Советского государства. Тысячи рабочих и крестьян Мордовии — лучшие сыны мордовского народа — уходили добровольцами на борьбу с врагами советской Родины. С 21 июня по 21 ноября 1918 года один только Темниковский уезд дал около тысячи добровольцев в Красную Армию. Немало дали добровольцев и другие уезды, вошедшие ныне в Мордовию. Добровольцы давали клятву грудью защищать завоевания Великого Октября. А. Г. Сабуров из деревни Н.-Михайловка, Саранского уезда, в своём заявлении на имя уездного исполкома писал: «Покорнейше прошу Вашего разрешения на право поступления в ряды Красной Армии. Я, как сын трудового крестьянина, считаю долгом защищать добытую кровью свободу и советскую власть»[2].

С полной готовностью беззаветно защищать советскую власть шли и мобилизованные в Красную Армию трудящиеся Мордовии. Об этом ярко говорит доклад ардатовского уездного военного комиссара:

«12 августа 1918 года при объявлении мобилизации некоторые волости, а в первую очередь Ардатовская, из семи

1. *Сталин*, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 158.
2. Госархив МАССР, ф. 37, д. 27, л. 790.

деревень пришли с красными знамёнами... некоторые волости шли без знамён, но во время приёма комиссии шли без всякого осмотра, все заявляли, что они здоровы».

Сыны и дочери Мордовии, вступая в красногвардейские отряды, организованные из рабочих и крестьянской бедноты под руководством большевиков, героически дрались с чехословацкими мятежниками. Они участвовали в боях за освобождение Кузнецка, Пензы, Казани, Симбирска, Самары от чехословаков, а также в подавлении кулацких восстаний на территории Мордовии.

В 1919 году трудящиеся Мордовии принимали активное участие в разгроме белогвардейской банды Миронова — ставленника кулацкой верхушки, поддерживаемого врагами народа — меньшевиками и эсерами.

В связи с оккупацией Украины, Сибири и других хлебных районов Советской России интервентами Антанты и контрреволюционными белыми армиями, районы Поволжья, в том числе и Мордовии, приобрели большое значение для снабжения Красной Армии продуктами питания и пополнения её воинами.

В г. Саранске был размещён мобилизационный отдел 1-й армии Восточного фронта, формировавшегося в городах Тамбове, Саратове, Инзе, Саранске, Балашове. В г. Рузаевке помещался штаб центральной базы снабжения Восточного фронта.

Трудящиеся Саранска и всех районов Мордовии отдали много старания и сил делу организации пополнения Первой революционной Красной Армии Восточного фронта, которая сыграла большую роль в разгроме врагов советской власти. В городах Мордовии были созданы курсы пулемётчиков, бомбомётчиков, миномётчиков и школы по подготовке командного состава. Трудящиеся Мордовии выделили в славную 1-ю революционную Красную Армию Восточного фронта не одну тысячу своих сынов[1].

Вся деятельность рабочих, трудового крестьянства и интеллигенции Мордовии в годы гражданской войны была подчинена интересам фронта. Так, рабочие 7-го участка службы пути ст. Рузаевка на собрании 10/X—1918 года постановили:

1. Стенографический отчёт третьей юбилейной сессии Верховного Совета МАССР, стр. 19—20. Издание Верховного Совета МАССР, 1940 год.

«Мы, рабочие, как один человек, отдадим все свои силы производству, ибо каждый лишний паровоз, отремонтированный нами, усилит нашу Красную Армию, и в любой момент, если потребуется, выступим с оружием в руках для защиты нашего социалистического отечества» [1].

Своё обещание рузаевские железнодорожники выполнили с честью.

По призыву партии и советского правительства трудящиеся Мордовии организовали большую помощь Красной Армии личными средствами. Тысячи субботников провели они на оборону страны. Крестьяне Салминской волости Саранского уезда обязались:

«Не на словах, а на деле всеми мерами поддерживать нашу доблестную Красную Армию как живой силой, а равно и материально... чтобы Красная Армия имела возможность хорошо снабжаться и с твёрдой верой в нас, крестьян и рабочих, побеждать контрреволюционные банды Колчака, Деникина и Юденича».

Трудящиеся Ромодановской волости на нужды армии внесли 22 тысячи рублей деньгами, много хлеба, одежды и холста. Сбор средств в помощь Красной Армии проводили и все другие волости Мордовии.

Комитет почтово-телеграфных служащих г. Саранска на собрании в честь 1-й годовщины Октября постановил:

«Образовать фонд на культурные и другие потребности красноармейцев, из своих средств ассигновать 5000 р. Кроме того, организовать сбор, к участию в каковом пригласить всех работников почты, телеграфа и телефона». Трудящиеся города Саранска, поддержав инициативу работников почты, передали для бойцов Красной Армии десятки тысяч рублей [2].

Благодаря Великой Октябрьской социалистической революции за 30 лет существования советской власти жизнь мордовского народа, как и всех братских народов нашей великой Родины, в корне преобразилась.

В дореволюционной Мордовии почти не было промышленности. Промышленные предприятия были мелкого полукустарного типа. Более или менее крупными были 4 предприятия, на каждом из которых было до 100 рабочих. На всех предприятиях работало 2352 рабочих. Валовая продукция всей промышленности в 1913 году равнялась 9663,6 т. р. [1].

1. „Красная Мордовия" от 1/XI—1941 г. Статья „Всё для фронта".
2. Там же.

За годы советской власти промышленность Мордовии достигла большого развития. Построено много таких новых крупных заводов и фабрик, как консервный и пенько-джутовый комбинаты, завод «Дубитель», Саранская теплоэлектроцентраль и другие. В 1941 г. в Мордовии было 303 крупных и средних промышленных предприятия с 20 тыс. рабочих и с выработкой продукции на 109.872 т. р.

Сельское хозяйство Мордовии до Великой Октябрьской социалистической революции было отсталым. 47,1% всей земли принадлежало помещикам, казне, церквям и монастырям. Всюду царила нищета и бескультурье.

Советская власть дала крестьянам Мордовии новую, счастливую жизнь.

Старое раздробленное сельское хозяйство преобразовано в коллективное хозяйство, вооружённое передовой техникой. Свыше 4-х тысяч тракторов и комбайнов работают на социалистических полях республики.

На основе осуществления ленинско-сталинской национальной политики и победы социализма создалась мордовская, национальная по форме, социалистическая по содержанию, культура.

За годы советской власти построено заново более 400 школ, 6 педагогических училищ, школам передано более 600 зданий, ранее принадлежавших помещикам, купцам и другим капиталистам.

Теперь в Мордовии работают четыре института, 8 педучилищ, 4 сельхозтехникума, автотракторные школы, торгово-кооперативная школа, партийная школа, политпросветшкола, 1345 средних, семилетних и начальных школ с охватом 182.415 человек учащихся. В республике осуществлено всеобщее начальное обучение. Благодаря этому Мордовия стала республикой сплошной грамотности.

Трудящиеся Мордовии располагают 738 библиотеками, музеями, Домами культуры, избами-читальнями и сельскими клубами. На мордовском и русском языках издаются несколько десятков журналов, газет. Сотни тысяч экземпляров произведений классиков марксизма-ленинизма и другой политической, научной и художественной литературы издано Мордовским издательством.

1. *М. Бор* „Развитие социалистической промышленности МАССР", стр. 5, Саранск, 1941 г.

Выросла большая армия советской интеллигенции из мордовского народа, который выдвинул из своей среды тысячи высококвалифицированных специалистов — учителей, агрономов, инженеров, врачей, ныне честно работающих на благо Родины во всех областях народного хозяйства и культуры. Мордовский народ имеет теперь свою оригинальную художественную литературу, национальный театр, свои писательские и театральные кадры.

Царское правительство не заботилось о здоровье трудящихся. Население Мордовии под властью помещиков и буржуазии было по существу лишено самого необходимого медицинского обслуживания. В 1913 году на территории современной Мордовской республики имелось лишь 29 больниц на 584 койки, а в мордовских сёлах было только 7 больниц и амбулаторий с 39-ю койками [1].

До Октябрьской социалистической революции на территории Мордовии не было ни одного врача мордовской национальности, ни одного медицинского учебного заведения, рентгеновского кабинета.

Партия и советское правительство проявляют величайшую сталинскую заботу об охране здоровья трудящихся. За 30 лет социалистического строительства проведена огромная работа в этой области. Сеть здравоохранения Мордовской АССР выросла в несколько раз. На 1 ноября 1947 года в республике имеется 82 больницы, 3044 постоянных мест, 329 врачей и 2600 человек среднего медицинского персонала, 15 рентгеновских, 12 физиотерапевтических, 32 зубоврачебных кабинета и 26 клинико-диагностических лабораторий.

До установления советской власти на территории современной Мордовии не было ни одного детского и родовспомогательного медицинского учреждения. В настоящее время в Мордовской АССР имеются: 33 женско-детских консультации, 50 детских яслей, 3 Дома ребёнка, 38 родильных домов, 21 молочная кухня, 2 детских лечебных санатория и санитарно-авиационная станция.

Трудящиеся МАССР теперь обслуживаются квалифицированными медицинскими кадрами, имеют полную возможность получить достаточную медицинскую помощь.

В результате этих достижений Мордовия за годы советской власти под руководством большевистской партии и

1. Стенографический отчёт 3-й юбилейной сессии Верховного Совета МАССР, стр. 18, 1940 г.

её вождя товарища Сталина из отсталой, нищей, некультурной провинции царской России превратилась в цветущую, передовую социалистическую республику с развитой промышленностью, крупным механизированным социалистическим земледелием, развитой, национальной по форме, социалистической по содержанию, культурой. Под солнцем Сталинской Конституции мордовский народ возродился, стал равноправным в единой братской семье народов и зажил счастливой жизнью.

Всех этих великих завоеваний мордовский народ добился благодаря проводимой ленинско-сталинской национальной политике и личным заботам великого вождя и учителя товарища Сталина. Мордовский народ в своих песнях воспевает великого Сталина, приведшего трудящихся Мордовии к счастливой и радостной жизни:

«О, как много, много света
Разлилось вокруг.
Ой, как белыми цветами расцветает луг.
Или впрямь не стынет солнце
Белою зимой?
Это светит наше солнце —
Сталин наш родной.
Много, много в ярком солнце
Света и тепла.
Но когда лесной тропинкой
К нам придёт зима, —
Встанет в реках и озёрах
Светлая вода,
Солнце яркое остудят
Злые холода, —
Имя Сталина родного
Греет нас всегда...»

За годы советской власти мордовский народ сплотился в единую дружную семью со всеми народами СССР. Братское содружество мордовского народа с народами нашей страны спаяно кровью, пролитой в борьбе за установление и защиту советского строя, общими победами, общим трудом на благо Родины. С победой социализма в СССР дружба мордовского народа с народами нашей страны ещё более окрепла и стала нерушимой.

Великая Отечественная война против фашистских захватчиков явилась суровым испытанием для Советского Союза, его общественного и государственного строя, испытанием

силы и прочности дружбы народов СССР. И это испытание выдержано с честью.

22 июня 1941 года мирная созидательная работа народов Советского Союза была прервана вероломным нападением гитлеровской Германии. Немецко-фашистские захватчики рассчитывали, что им удастся одним ударом разбить Красную Армию, добиться расчленения Советского Союза и порабощения советского народа. Враг надеялся, что ему удастся посеять семена национальной розни среди народов СССР, что после первого же серьёзного удара и первых неудач Красной Армии между советскими народами начнётся драка и страна распадётся на составные части.

Все эти расчёты и надежды врага потерпели полный крах. Народы нашей великой многонациональной советской страны во главе с великим русским народом грудью встали на защиту Родины. Война против фашистской Германии стала всенародной войной. Все народы СССР проявили высокое, небывалое в истории сознание общенародных интересов.

Мордовский народ, как и все народы Советского Союза, ведя борьбу против немецких захватчиков, осознавал, что он отстаивает свою национальную свободу, счастливую жизнь, добытую при советской власти. Вместе с тем он ясно осознавал и то, что защищает честь, славу и независимость всего Советского Союза, великие завоевания всех трудящихся нашей Родины. Поэтому мордовский народ с первых же дней войны самоотверженно стал отдавать все свои силы для победы над фашистской Германией.

Организатором и руководителем борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков явилась партия Ленина — Сталина.

Товарищ Сталин говорит:

«Руководящей и направляющей силой советского народа как в годы мирного строительства, так и в дни войны явилась партия Ленина, партия большевиков. Ни одна партия не имела и не имеет такого авторитета среди народных масс, как наша большевистская партия. И это понятно. Под руководством партии большевиков рабочие, крестьяне и интеллигенция нашей страны завоевали себе свободу и построили социалистическое общество. В дни Отечественной войны партия предстала перед нами, как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков. Организаторская работа партии соединила воедино и направила к общей цели все усилия советских людей, подчинив все наши силы и средства делу разгрома врага. За время войны партия ещё более сроднилась с народом, ещё теснее связалась с широкими массами трудящихся.

В этом источник силы нашего государства»[1].

По призыву партии Ленина — Сталина весь советский народ, как один человек, поднялся против вероломно напавшего на СССР сильного и коварного врага — немецких захватчиков.

Партийная организация Мордовской республики, выполняя указание товарища Сталина, мобилизовала все силы на помощь фронту. Как и все народы Советского Союза, трудящиеся Мордовии проявили безграничную преданность делу партии Ленина—Сталина и своими славными подвигами на фронтах и самоотверженным трудом в тылу внесли свой вклад в дело разгрома врага.

Лозунг «Всё для фронта, всё для победы» стал законом жизни для каждого патриота.

Выступая на митинге паровозников в Рузаевском депо, слесарь тов. Гаврюшин говорил: «Товарищ Сталин призывает нас к Великой Отечественной войне. Поклянёмся же, товарищи, что выполним полностью указания любимого вождя, направленные на полное уничтожение фашистской нечисти»[2].

Рузаевские железнодорожники объявили себя мобилизованными и готовыми встать с оружием в руках на защиту великой страны социализма. Они заверили коммунистическую партию, советское правительство и вождя народов товарища Сталина, что будут честно и самоотверженно работать на дело обороны. Все цеха и участки железнодорожного узла, все рабочие и служащие предприятий и учреждений города Рузаевки взяли социалистические обязательства, направленные на охрану социалистической собственности, повышение производительности труда, досрочное выполнение производственных планов и обеспечение бесперебойного продвижения воинских частей и грузов на фронт.

Коллектив рабочих и служащих СарТЭЦ единогласно принял резолюцию: «Мы со всей ответственностью сознаём наш долг перед Родиной — честно трудиться на своём посту, а если нужно будет, по первому зову правительства с

1. *И. Сталин*, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946 г., стр. 105—106.
2. Газета „Красная Мордовия" от 12/VII—1941 года.

оружием в руках выступим на защиту своей Родины»[1]. Такие же обязательства перед Родиной приняли на своих митингах трудящиеся всех предприятий и учреждений городов и районов Мордовии.

Волнующие митинги прошли и по всем сёлам социалистической Мордовии. Колхозное крестьянство заверило партию и товарища Сталина, что все, как один, грудью станут на защиту своей социалистической Родины. Колхозники колхоза им. 3-го съезда Советов, Ладского района, в своём обращении ко всем трудящимся района писали:

«Мы, колхозники и колхозницы колхоза имени 3-го съезда Советов, собрались на митинг для того, чтобы выразить общее возмущение, ненависть и презрение к фашистским головорезам, напавшим на нашу мирную Родину, выразить наши стремления и готовность отдать всё, до последней капли крови, для защиты великой русской земли. Мы пошлём в Красную Армию лучших своих сыновей, мы дадим сильных коней, дадим всё, что только нужно для победы над кровожадным фашистским псом. Как вороне выше орла не летать, так и Гитлеру нашей земли не видать.

Русская земля была, есть и будет нашей.

Наш колхоз ежегодно снимает обильные урожаи, укрепляет своё общественное хозяйство. Наш колхоз — передовой колхоз в нашем районе, и сейчас, когда страна всколыхнулась, поднялась на борьбу с бандитской гитлеровской кликой, мы будем работать больше и лучше и дадим стране столько хлеба, сколько нужно. А если потребуется, мы готовы встать с винтовкой в руках в ряды славных защитников Родины. Мы победим. В этом мы не сомневаемся. При общей поддержке народа наша Красная Армия разгромит зарвавшихся извергов.

Да здравствует Сталин!

Да здравствует наше детище — Красная Армия!»[2].

С искренней любовью и преданностью выразила свои патриотические чувства своему вождю и учителю товарищу Сталину интеллигенция Мордовии. В своём письме товарищу Сталину интеллигенция города Саранска, выражая чувства и стремления интеллигенции всей Мордовии, писала:

1. „Красная Мордовия" от 23/VI—1941 года.
2. „Сталинский путь," газета Ладского РК ВКП(б) и райисполкома от 27/VI—41 г. № 26.

«Для каждого, в ком бьётся сердце советского патриота, нет более дорогого, чем интересы социалистической Родины, её честь, её свобода...»[1].

Мордовская народная сказительница Ф. И. Беззубова в своём открытом письме к товарищу Сталину, выражая любовь мордовского народа к своей Родине и любимому вождю, писала:

«Слышим тебя, Сталин, слышим, родной, как ты заботишься о своей родной семье—о семье народов нашей великой земли. Мы все свои силы положим за эту землю.

Мы под твоим руководством приобрели богатырскую силу, мы вырастили стаи орлов, богатыри стронут с места скалистую гору, а орлы подхватят её и поднимут до небес и бросят на людоеда Гитлера, уничтожат его следы и его род людоедов.

Отцы и матери богатырей, братья и сёстры орлов — все они идут по одному пути, все они, родной отец, встали вокруг тебя несокрушимой стеной».

Свою клятву и заверения мордовский народ доказал конкретными делами. Тысячи патриотов выехали на фронт добровольцами. Первыми добровольцами уходили на фронт коммунисты и комсомольцы. Только за первые дни войны из Мордовской областной комсомольской организации выехали добровольно на фронт 2500 комсомольцев. Только на одном комсомольском собрании Саранской фельдшерско-акушерской школы поступило более 70 заявлений о желании добровольно выехать на фронт. «В настоящее время нахожу интерес в жизни только в бою за Родину, в борьбе против оголтелого фашизма», — писал комсомолец Вычков В., добровольно ушедший на фронт. Комсомолец Вдовин (с. Мельцаны) писал в своём заявлении в РК ВЛКСМ: «Я ненавижу фашистских варваров, возмущён их гнусными действиями. Прошу РК ВЛКСМ послать меня добровольцем на фронт. Обязуюсь доверие комсомола оправдать на деле»[2].

Вслед за своими сыновьями добровольно шли на фронт их отцы.

«Мне 57 лет, — писал конюх Саранского тубдиспансера, — но я ещё крепкий физически, а главное — крепок патриотизмом, любовью к своей Родине, к своему народу и

1. „Красная Мордовия" от 9/VII—1941 г.
2. *В. Самаркин*, „Мордовский народ в борьбе за Родину". Саранск. Мордгиз, 1944 г., стр. 36.

великому Сталину. Сын мой там, на фронте, бьёт германских псов, я, как родитель, не могу больше терпеть наглого нападения на мою Родину. Наша Родина в опасности, прошу как можно скорее отправить меня на фронт, ждать больше нет мочи».

Таких заявлений поступали тысячи. Их писали люди разных возрастов, пола и профессий. Все они проникнуты одной великой мыслью — защитить Отечество и уничтожить гитлеровских бандитов.

Имеются тысячи семейств, из которых добровольно уходили на фронт по два и по три человека. Так, из семьи Нестерова Якова Макаровича (посёлок Ковылкино) пошли добровольцами: сам Яков Макарович в возрасте 49 лет, сын его, Иван Яковлевич, в возрасте 21 года и дочь, Мария Яковлевна, 22-х лет.

Тысячи трудящихся Мордовии вступали в народное ополчение, которое было организовано в городе Саранске.

По Указу советского правительства десятки тысяч лучших представителей трудящихся Мордовии были призваны в ряды Красной Армии. Мобилизация и отправка призванных на фронт, в действующую армию, проходила в атмосфере большого патриотического воодушевления. Трудящиеся, провожая своих сынов — бойцов и командиров — на фронт, давали им наказ доблестно защищать родную землю. Со своей стороны они обещали уходящим на фронт заменить их на производстве, неутомимым трудом в тылу ковать победу над врагом. Колхозники села Зиновки, Рузаевского района, М. Ф. и Н. Ф. Шинаревы, провожая на фронт своего сына, дали ему наказ: «Будь, Григорий, достойным сыном нашей любимой Родины... Мы надеемся, что ты будешь бесстрашным бойцом»[1].

Колхозник А. Н. Дудко (колхоз «Советская Украина», Лямбирского района), провожая на фронт 4-х сыновей, говорил им на прощанье: «Я прожил шестьдесят лет. Настоящую жизнь мне дала советская власть. Я сейчас богат, у нас есть поля, сады, стада. Знайте, что вы идёте защищать своё отечество, свой родной колхоз, своего отца и мать»[2].

Уезжающие на фронт бойцы и командиры выражали гордость тем, что им выпала великая честь защищать Родину от ненавистного врага, они торжественно клялись честно выполнить свой благородный долг перед Родиной, советским народом.

1. „Красная Мордовия" за 25/IX—1941 года.
2. „Красная Мордовия" за 31/VIII—1941 г.

Мобилизованные в ряды Красной Армии колхозники колхоза «Большевик», Зубово-Полянского района, на митинге, посвящённом их отъезду в армию, заявили своим остающимся односельчанам:

«Клянёмся вам, что мы будем стойко и самоотверженно защищать завоевания Великой Октябрьской революции»[1].

Повсюду в республике широко развернулось массовое овладение трудящимися военным делом.

Сотни патриотов и патриоток Мордовии вступили в ряды доноров и стали отдавать свою кровь на спасение жизни и здоровья бойцов Красной Армии.

По неполным данным, количество доноров по Мордовской АССР доходило (в первые же месяцы войны) до 860 человек. Некоторые из них, например, медсестра Гомалей отдала за время войны 15 литров крови[2].

Среди трудящихся началось движение по оказанию всемерной помощи Красной Армии из своих личных сбережений. Под руководством партийной организации вся хозяйственная жизнь Мордовской республики стала быстро перестраиваться на военный лад. В промышленности и сельском хозяйстве среди рабочих, колхозников и интеллигенции начался мощный производственный подъём, направленный на укрепление мощи Красной Армии в великой освободительной борьбе. На фабриках, заводах, на социалистических полях, в государственных и общественных организациях Мордовии закипела самоотверженная, горячая, полная трудового энтузиазма жизнь военного времени. Патриотический производственный подъём трудящихся Мордовской республики, начавшийся в первые дни войны, в дальнейшем все более и более усиливался и продолжал нарастать.

Пламенными советскими патриотами показали себя трудящиеся Мордовии, оставшиеся в тылу. Товарищ Сталин дал высокую оценку труженикам тыла: он назвал великим подвигом то, что было сделано народом для обеспечения победы над врагом. «Можно с полным основанием сказать, что самоотверженный труд советских людей в тылу войдёт в

1. „Красная Мордовия" за 2/XII—1941 года.
2. Рукописный фонд Мордовского научно-исследов. института, папка 4.

историю, наряду с героической борьбой Красной Армии, как беспримерный подвиг народа в защите Родины»[1].

Советские люди, оставшиеся в тылу, глубоко проникнись сознанием того, что от их работы зависит судьба государства. Поэтому все работали, не считаясь ни с временем, ни с материальными недостатками, ни с состоянием своего здоровья.

Вся деятельность промышленности, железнодорожного транспорта и сельского хозяйства Мордовии была подчинена интересам фронта.

Рабочие всех предприятий Мордовии были охвачены социалистическим соревнованием на сто процентов. Производительность труда на всех предприятиях была гораздо выше, чем в предвоенные годы.

Если взять, например, выпуск продукции Саранского консервного комбината 1941 г. за 100 %, то в 1942 г. он выработал продукции на 322,4%[2].

Такая же картина наблюдалась и на других фабриках и заводах. Высокие показатели давали также и предприятия местной промышленности. Ковылкинский райпромкомбинат в 1942 году дал продукции в 3,7 раза больше, чем в 1941 году, а Козловский райпромкомбинат—в 17,6 раза.

За 2-е полугодие 1941 года промышленность Мордовии (без промышленности промкооперации) выработала продукции на 8.585,2 тыс. руб. больше, чем в первом полугодии 1941 года.

«На Ширингушской суконной фабрике подавляющее большинство рабочих перевыполняет нормы. Ткачи обслуживают по 2—3 станка, показывая образцы стахановского труда. За последние два месяца фабрика получила около 300 тысяч рублей экономии. Консервный и мясной комбинаты освоили новый ассортимент продукции, необходимой для снабжения армии. Мясокомбинат уже дал продукции на 240 процентов больше, чем в прошлом году»[3].

1. *И. Сталин*, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 103.
2. Фонд Мордовского научно-исследовательского института, папка № 6. Материалы Совнина МАССР.
3. „Красная Мордовия" от 7/XI—1941 года.

Предприятия треста «Мордовстройлес» во все военные годы перевыполняли свои производственные планы. В 1941 году дали они сверхплановой продукции на 578 тыс. руб., а в 1942 году на 3759 тыс. руб. В 1943 году предприятия треста выполнили план на 102,9% и дали продукции на 187,2 тыс. руб. больше, чем в 1942 году.

Первое место среди заводов «Мордовстройлеса» занял Умётский деревообделочный комбинат. В 1941 г. им было выпущено продукции сверх плана на 1104,7 тыс. руб., а в 1942 году—на 2465 тыс. руб. В 1941 году он выпустил продукции на 1731 тыс. руб. больше, чем в 1940 году, в 1942 году — на 2023,3 тыс. руб. больше, чем в 1941 году. План 1942 года по производительности труда он выполнил на 160,2%, увеличив её по сравнению с 1941 годом на 18%. В 1943 году он также перевыполнил свой годовой план и произвёл валовой продукции сверх плана на 2611,5 тыс. руб., дав продукции на 331,5 тыс. руб. больше, чем в 1942 году. Комбинат добился больших результатов и в деле снижения себестоимости: коммерческая себестоимость всей товарной продукции по комбинату была снижена на 621 тыс. руб., и получено чистой прибыли 330,9% к плану накопления[1].

Президиум Верховного Совета СССР Указом от 15/XI—1942 года за достигнутые успехи наградил управляющего трестом «Мордовстройлес» тов. Гавзман орденом «Знак почёта», директора Умётского ДОК'а тов. Тюркина В. М. медалью «За трудовую доблесть». Награждены орденами, медалями и денежными премиями лучшие стахановцы.

Большую работу проделали в военное время спиртозаводы Мордовии. В 1942 году продукция спиртозаводов превысила плановое задание на 1110,8 тыс. руб., дав продукции на 2212,6 тыс. руб. больше, чем в 1941 году.

Успешно справлялась со своими задачами в 1941 и в 1942 гг. Саранская махорочная фабрика. В эти годы она дала сверхплановой продукции на 120,7 тыс. руб. и снизила коммерческую себестоимость всей товарной продукции на 43 тыс. руб.[2].

Коллектив рабочих и служащих Саранского хлебокомбината в период Отечественной войны ежегодно повышал производство продукции и перевыполнял производственные пла-

1. Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института (МНИИ), папка № 6, рукопись тов. Никорова.
2. Там же.

БИБЛИОТЕКА 29246

ны. В 1941 году по сравнению с предыдущим годом хлебокомбинат выпустил продукции больше на 1068 тыс. руб. За 1941—1943 гг. комбинатом дано продукции на 1905,4 тыс. руб. больше, чем было намечено планом[1]. Саранская швейная фабрика в 1941 году выпустила продукции сверх плана на 108,1 тыс. руб., дала продукции на 509,7 тыс. руб. больше, чем в 1940 г., увеличила производительность труда по сравнению с 1940 г. на 14,8%. В 1942 г. валовая продукция фабрики возросла по отношению к предшествующему году на 1986,8 тыс. руб., а производительность труда на 50,1%. В 1943 г. швейной фабрикой было выпущено продукции больше, чем в 1942 г., на 395 тыс. руб.[2].

За время войны большое значение имела местная районная промышленность. В 1942 году она выработала продукции на 1338,3 тыс. руб. больше, чем в 1940 г., и на 278,8 тыс. руб. больше, чем в 1941 г. В 1943 г. местная промышленность дала продукции на 1428 тыс. руб. больше, чем в 1942 году, перевыполнив план на 423,8 тыс. руб.

Следующая таблица показывает работу отдельных передовых предприятий местной промышленности:

№№ п/п.	Наименование райпромкомбинатов	Выполн. годов. плана 1942 г. в % к 1941 г.	Выпол. годов. плана 1943 г. в % к 1942 г.
1	Зубово-Полянский	238,9	177,0
2	Кадошкинский	214,7	130,5
3	Краснослободский	145,8	159,1
4	Ковылкинский	418,8	212,4
5	Козловский	1758,8	190,9
6	Инсарский	174,6	110,2
7	Саранский горпромкомбинат	131,2	143,2
8	Рузаевский	209,8	350,7
9	Торбеевский	198,4	171,6
10	Чамзинский	214,7	286,3

1. Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института, папка № 6, рукопись т. Викторова В. А.
2. Там же.

Больших успехов за период Отечественной войны добились коллективы рабочих торфопредприятий Мордовии, о чём можно судить по следующей таблице[1]:

№№ п/п	Наименование торфопредприятий	Выпол. годового плана 1942 г. (в проц.)	Выпол. плана 1942 г. в % к 1941 г.	Выпол. годового плана 1943 г. (в проц.)	Выполнен. плана 1943 г. в % к 1942 г.
1	Красное	111,9	108,2	101,8	105,0
2	Александровское	141,6	133,8	124,1	
3	Чамзинское	152,8	154,6	135,7	
4	Кочкуровское	117,2	256,6	152,3	160,1
5	Краснослободское	113,2	218,2	106,4	127,4
6	Ковылкинское	151,9	404,3	130,8	130,8
7	Ладское	128,8	100,6	108,1	111,7

Также самоотверженно работали коллективы рабочих промартелей МАССР. О работе отдельных промартелей ярко говорит нижеследующая таблица:

№№ п/п	Наименование промартелей	Выпол. годов. плана 1941 г. в % к 1940 г.	Выпол. годов. плана 1942 г. в % к 1941 г.	Выпол. годов. плана 1943 г. в % к 1942 г.
1	Им. Зои Космодемьянской	—	116,1	181,8
2	Троицкая	—	120,4	288,6
3	Симкинская	172,3	122,5	174,9
4	Дубёнская	118,4	117,5	180,8
5	Пурдошанская	127,2	132,0	—
6	Шишкеевская	335,6	143,9	304,6
7	„Луч"	—	102,0	206,1
8	„Металлист"	130,0	165,3	226,3
9	„Красный кожевник"	175,7	154,6	111,9

1. Рукописный фонд МНИИ, папка № 6, рукопись т. Викторова.

Промышленность Мордовии в 1943 г. дала продукции на 2286,5 тыс. руб. больше, чем в 1942 г., а кооперативная промышленность за это же время выработала продукции на 1696,8 тыс. руб. сверх плана и на 6288,9 тыс. руб. больше, чем в 1942 году.

В развернувшемся Всесоюзном социалистическом соревновании многие предприятия Мордовии одержали блестящие победы. Паровозное депо Рузаевского железнодорожного узла к 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции заняло первое место по Куйбышевской железной дороге и завоевало переходящее Красное Знамя Управления дороги. В 1942 г. Рузаевское железнодорожное училище также завоевало переходящее Красное Знамя. Рабочие Инсарского пенькозавода в июле 1942 г. завоевали во Всесоюзном соревновании 3-е место и получили премию в 110 тыс. руб. За перевыполнение производственного задания в мае 1943 года заводу было присуждено переходящее Красное Знамя ВЦСПС и Наркомтекстиля СССР.

В июле 1943 года Инсарский пенькозавод занял ещё раз второе место во Всесоюзном соревновании. Коллективу рабочих и служащих Атяшевского пенькозавода решением НКТП СССР и ВЦСПС в августе месяце 1942 г. было присуждено второе место. Рабочие завода получили Всесоюзную премию в 100 тыс. руб. Этим же постановлением была отмечена хорошая работа остальных заводов Саранского пенькотреста. Коллектив рабочих Чамзинского пенькозавода в сентябре 1942 г. завоевал во Всесоюзном социалистическом соревновании второе место и получил премию в 100 тыс. руб. Краснослободский пенькозавод в октябре 1942 г. занял второе место во Всесоюзном соцсоревновании и получил премию в 30 тыс. руб. В феврале месяце 1943 г. этому же заводу решением ВЦСПС и Наркомтекстиля присуждено 3-е место. Умётскому комбинату в октябре месяце 1942 года было присуждено Красное Знамя ВЦСПС и Наркомата промышленности стройматериалов Союза и премия в 100 тыс. руб. Коллектив Ичалковского лесокомбината во Всесоюзном соцсоревновании в ноябре 1942 г. занял 3-е место. Завод «Дубитель» за перевыполнение программы в январе 1943 г. получил переходящее Красное Знамя ВЦСПС и Наркомата лёгкой промышленности Союза. В 1944 году завод «Дубитель» занял первенство среди предприятий дубильно-экстрактной промышленности и получил переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны. Коллектив рабочих Саранского консервного комбината за перевыполнение производственного плана 1-го квартала 1943 года получил вторую премию и занял второе место во Всесоюзном социалистическом соревновании предприятий Наркомпищепрома СССР.

В июле 1943 года пеньковые заводы Мордовии заняли второе место во Всесоюзном социалистическом соревновании текстильщиков. В августе этого же года им были присуждены ВЦСПС и Наркоматом текстильной промышленности СССР переходящее Красное Знамя и первая премия [1].

В октябре 1943 г. коллективу движенцев Рузаевского отделения, победившему во Всесоюзном социалистическом соревновании, было вручено переходящее Красное Знамя Народного Комиссариата путей сообщения и ВЦСПС [2].

В 1944 году рузаевские железнодорожники завоевали 6 раз переходящие Красные Знамёна ВЦСПС и НКПС, а также Управления Куйбышевской дороги. В сентябре 1944 г. железнодорожники службы движения перевыполнили все свои планы и заняли первое место среди дорог СССР.

Ряд других предприятий МАССР также заняли почётные места среди соревнующихся предприятий Советского Союза.

Все эти достижения завоёваны благодаря самоотверженному труду рабочих заводов, фабрик и транспорта. Кадры стахановцев и ударников в военное время умножились в несколько раз. Возникло много фронтовых стахановских бригад.

Машинисты железнодорожного депо Рузаевки в начале 1942 г. организовали паровозную колонну им. Государственного Комитета Обороны. В состав колонны вошли лучшие машинисты: Лескин, Волынов, Инюткин, Вильянов, Зуборыкин, Алферин, Спирин. Эта колонна с честью оправдала своё назначение [3].

На Саранском консервном комбинате фронтовая бригада тов. Енашевской ежедневно вырабатывала не ниже 300% нормы.

На предприятиях Мордовии усилилась и творческая изобретательская мысль. Так, например, слесарь тов. Кур-

1. Рукописный фонд МНИИ, папка № 6, рукопись т. Викторова и „Красная Мордовия" за 27/IX, 3/XII—42 г. и за 1/I, 18/IV, 3/VII, 23/XII, 7/IX, 22/IX—1943 г.
2. „Красная Мордовия" за 13/XI—1943 года.
3. „Красная Мордовия" за 18/II—1942 г.

шин Г. М. изобрёл и смонтировал станок-автомат, который увеличил производительность труда в 2—3 раза. Стахановец Авраменко дал 16 рационализаторских предложений, переоборудовал станки, благодаря чему упростил работу и обеспечил увеличение производительности труда на 40—50%. По его же предложению и методу вместо токарной обработки букс стали применять штамповку букс, что улучшило качество выпускаемой продукции и в 10—15 раз увеличило производительность труда [1].

Рабочие Саранского пенькокомбината — Герасимов, Касаткин и механик Смирнов—изобрели приспособление, давшее возможность ранее выбрасываемый вместе с кострой тёплый воздух использовать для обогревания кардного и угарного цехов, что дало комбинату 106 тыс. руб. экономии [2].

Главный механик Ширингушской суконной фабрики Бирюков сконструировал переход в паросиловом хозяйстве с работы двух котлов на один котёл. Замена работы двух котлов работой одного котла дала возможность фабрике только за 4 месяца 1942 года сэкономить 129 тонн топлива [3].

Начальник дистанционных мастерских Рузаевского ж.-д. узла Яковлев Ф. В. сконструировал рельсообрезный станок для обрезки старых изношенных рельс и организовал рельсообрезную мастерскую.

Его изобретение дало возможность отремонтировать 20 километров пути без замены новыми рельсами. Он же усовершенствовал изготовление и закладку сборных крестовин. За один 1942 год Рузаевская дистанция пути, применив усовершенствование Яковлева, сэкономила 157 тыс. руб. Этот метод был одобрен НКПС и получил широкое применение на многих железных дорогах страны. За это усовершенствование Яковлев правительством был награждён медалью «За трудовую доблесть» [4].

Рабочий вагонного депо Рузаевки тов. Токарев изобрёл пресс для изготовления из металлических отходов шайб и реставрирования гаек, чек и других предметов, что обеспечило депо быстрым ремонтом вагонов и дало возможность сэкономить металл [5].

За самоотверженную работу и высокие производственные успехи Президиумом Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Социалистического Труда машинисту Рузаевского паровозного депо Лескину Антону Фёдоровичу, а также награждены орденами и медалями 24 железнодорожника узла. В том числе: орденом Трудового Красного Знамени—Дашковский П. Г.—начальник службы движения, Соколов В. С. — начальник паровозного отделения, Вольнов П. А.—машинист паровозного депо; орденом «Знак почёта» — Миронов И. М. — башмачник, Алферин Ф. И. — слесарь вагонного депо, Вильянов В. Ф. — машинист паровозного депо, Сурин В. С.—диспетчер; медалью «За трудовую доблесть» — Грицинский В. А. — зам. начальника станции, Гришин Д. Ф. — помощник машиниста, Вирликов А. А. — поездной кочегар, Зуботывин Ф. П. — машинист, Кичаткин М. Г.—слесарь, Фролов В. Д.—машинист паровозного депо, Жиганов А. В. — поездной вагонный мастер, Мартынов В. Г. — слесарь безотцепочного пункта вагонного участка, Яковлев Ф. В.—зав. вагонной мастерской, Маслов И. Е. и Ракунов Ф. Е. — бригадиры дистанции пути, Ястребцев С. Ф. — кузнец, Веселовский — мастер железнодорожного училища, Циликин П. С.—мастер пункта технического осмотра ст. Ковылкино, Тарасов А. Ф. — дежурный станции Ковылкино; медалью «За трудовое отличие»—Кладов—мастер Рузаевского железнодорожного училища [1].

Лучшие образцы работы за время войны по заводам города Саранска показали Самолётов И. Ф., Ильенков М. В., Зубриловский, Кочетова, Скворцов В. Д., Колмыков В. И., Песков, Бездоров, Аракелян Г. Г., Герасимов А. А., Шилова Р. И., Цыганова М. И., Пятницына А. С., Гусынин В. И. и много других.

Самолётов И. Ф. за показательные производственные успехи награждён орденом «Знак почёта», Ильенков М. В.—медалью «За трудовую доблесть», Аракелян Г. Г. — орденом «Красная звезда», Герасимов А. А.—орденом «Знак почёта», Пятницына А. С. —медалью «За трудовую доблесть». Многие рабочие этих заводов награждены Почётными грамотами Президиума Верховного Совета МАССР, ЦК ВЛКСМ и заводов.

Товарищ Сталин дал высокую оценку самоотверженному труду женщин и молодёжи на производстве и в сельском хозяйстве во время Отечественной войны. Он говорил: «На-

1. „Красная Мордовия" за 25/VI—1943 г.
2. „Красная Мордовия" за 28/X—1943 г.
3. „Красная Мордовия" за 6/I—1943 г.
4. „Красная Мордовия" за 28/X—1943 г.
5. „Красная Мордовия" за 23/II—1943 г.

1. Рукописный фонд МНИИ, папка № 6.

всегда войдут в историю беспримерные трудовые подвиги советских женщин и нашей славной молодёжи, вынесших на своих плечах основную тяжесть труда на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах» [1].

Тысячи женщин и молодёжи самоотверженно трудились на транспорте, предприятиях и социалистических полях Мордовии.

Комсомолка Рузаевского вагонного депо Лидия Калашникова систематически выполняла нормы на 300%. Знатные стахановки Умётского деревообделочного комбината Малышева Е. Е., награждённая орденом «Знак почёта», Муравьёва М. Ф., Киняева М., Киняева С., Блохина, Сураева выполняли нормы от 180 до 200 %.

Работница Саранской махорочной фабрики Медведовская, несмотря на свой преклонный 78-летний возраст, во время Отечественной войны пошла работать на производство и выполняла ежемесячную норму на 140—170%.

По Саранскому консервному комбинату работницы Милёшина М. Г., Тверитинова Р. С., Шерефкулова М. В. выполняли сменные задания на 200 — 250%.

Комсомолка Саятина К. М. из рядовой работницы за короткий срок выросла в высококвалифицированного рабочего, стала мастером-шлифовальщицей и подготовила 20 человек квалифицированных рабочих.

Десятки женщин нашей республики за самоотверженный труд награждены правительством орденами и медалями и отдельными ведомствами — ценными подарками.

Молодёжью Мордовии горячо был поддержан почин комсомольцев Горьковского завода им. Сталина о движении двухсотников. Так, например, из 64 комсомольцев Зубово-Полянского деревообделочного комбината 56 человек выполняли норму на 250 — 300%. Комсомолка Иванова Елена вырабатывала 27 — 28 тыс. деталей вместо 8 тыс. по норме. Из 42 комсомольцев Саранского консервного комбината 30 человек выполняли норму по 200 и более процентов [2].

Фронтовые комсомольско-молодёжные бригады Мордовии служили примером высокой производительности труда среди рабочих. Комсомольско-молодёжная бригада Макеева ежедневно вырабатывала 180—200 % нормы. Бригада

1. *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946 г., стр. 141.
2. „Красная Мордовия" за 24/IX—43 г.

Скворцова систематически выполняла нормы на 200 — 250%. Комсомольская сменная бригада товарища Ионченко на железнодорожной станции Красный Узел в соревновании заняла первое место по всей Казанской железной дороге. Комсомольцы Рузаевского железнодорожного узла тт. Мушинский, Рябчиков, Кожанов и другие выполняли производственные задания на 250—300%.

По собственной инициативе комсомольцы Рузаевского железнодорожного узла оборудовали и передали Советской Армии поезд-баню. Силами комсомольцев и молодёжи в Мордовии собрано, реставрировано и приготовлено 257.337 запасных частей для сельскохозяйственных машин на сумму 569.454 руб.

Колхозный строй нашей Родины, творцом которого является вождь народов великий Сталин, с честью выдержал суровые испытания войны. Несмотря на то, что большинство трудоспособных мужчин было мобилизовано на фронт, патриотический труд колхозного крестьянства обеспечил бесперебойное снабжение населения и Советской Армии продовольствием, а промышленность — сырьём.

«Крестьяне Советского Союза,—говорил товарищ Сталин,— преобразовавшие в годы мирного строительства на основе колхозного строя отсталое земледелие в передовое сельское хозяйство, во время Отечественной войны проявили небывалое в истории деревни высокое сознание общенародных интересов» [1].

Колхозное крестьянство Мордовии за время Великой Отечественной войны отдавало все свои силы, чтобы выполнить указания товарища Сталина о том, «чтобы наши колхозники, мужчины и женщины, работали на своих полях, не покладая рук, и давали бы фронту и стране всё больше и больше хлеба, мяса, сырья для промышленности, чтобы вся наша страна и все народы СССР организовались в единый боевой лагерь, ведущий вместе с нашей армией и флотом великую освободительную войну за честь и свободу нашей Родины, за разгром немецких армий» [2].

Лучших показателей по всем видам колхозного производства добились колхозы Темниковского района. В 1943 г.

1. *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946 г., стр. 104.
2. Там же, стр. 32.

Наркомземом СССР Темниковский район был признан в числе 105 передовых районов Советского Союза и выдвинут кандидатом на получение переходящего Красного Знамени [1].

За образцовое выполнение условий Всесоюзного социалистического соревнования 109 передовиков-колхозников Мордовии Наркомземом СССР в 1943 г. награждены знаком «Отличник социалистического сельского хозяйства» [2].

Ряд колхозов нашей республики образцово выполнил все сельскохозяйственные работы, своевременно рассчитался с государством по всем видам поставок и увеличил своё богатство.

Сельскохозяйственная артель «Красная заря», Ардатовского района, в 1942 г. образцово провела все виды работ, увеличила поголовье скота по сравнению с 1941 годом по крупному рогатому скоту на 25%, по свиньям на 16%. Эта артель была выдвинута кандидатом на получение переходящего Красного Знамени Государственного Комитета Обороны. Сельхозартель «Новый быт», Чамзинского района, в 1943 г. хорошо справилась со всеми хозяйственными задачами, своевременно рассчиталась с государством по всем видам госпоставок, сдав 2.226 центнеров одного только зерна [3]. Колхозы «Трудовик», Ст.-Синдровского района, имени Ворошилова, Темниковского района, к 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции перевыполнили свои обязательства перед государством, сдав большое количество зерна в счёт поставок будущего года. Таких колхозов в республике можно было назвать не одну сотню, в их числе им. Ворошилова, «Ударник», Теньгушевского района; «Путь Ленина», Пурдошанского района; «Новая жизнь», «Ленин ча», Кадошкинского района; «Коммунар», «Память Ленина», Ковылкинского района; «Якстере сокиця», Ромодановского района; «Выдвиженец», «Красный пахарь», «Знамя труда», Краснослободского района; «Малая Варма», Ельниковского района; им. Чкалова, им. Молотова, «Борец за культуру», «Красная Мордовия», Мельцанского района; «Красная Армия», им. Сталина, Ардатовского района; «Соцземледелие», «Отрадный», Ладского района; им. Ворошилова, «13-й год Октября», им. 18-го партсъезда, «Красная заря», «3-я большевистская весна», «Память Ленина», «Путь Ленина»,

1. „Красная Мордовия" за 28/VIII—1943 г.
2. „Красная Мордовия" за 30/III—1943 г.
3. „Кр. Мордовия" за 20/IX—1942 г.

Темниковского района; «Красные луга», Дубёнского района, и др.

На колхозных полях нашей республики самоотверженно трудились сотни трактористов, комбайнеров и механиков.

Такие трактористы, как Панин (Ромодановская МТС), Лапшов Х. Ю., Литюшин В. Г. (Ардатовская МТС), Самойлов М. И., Баранов Ф. Н. (Лямбирская МТС), Пряхин А. И. (Болдасевская МТС), Шлёнкин (Дубёнская МТС), Пауков Н. Н., Евдокимов С. В. (Чамзинская МТС), Плеханов И. В. (Саранская МТС), Курдюков (Инсарская МТС), Рубцов С. М., Додонов Т. К. (Ичалковская МТС), Ювкин И. А. (Чукальская МТС) и многие другие, во время войны выполняли годовые нормы тракторных работ на 200—250% при большой экономии горючего.

Знатными комбайнерами-стахановцами Мордовии, выполнявшими годовые планы на 200—300% при хорошем качестве уборки и экономии горючего, по праву считались: Гарин А. И., Барсуков (Пушкинская МТС), Определеннов, Федакин (Чамзинская МТС), Шугуров (Ладская МТС), Жабин и Куликов (Апраксинская МТС), Закурдаев А. С. (Чукальская МТС), Житенев (Ширингушская МТС), Фролов А. П. (Хилковская МТС), Баляев Ш. Ш. (Лямбирская МТС), Маркушин Н. Н., Томанов С. А., Наумов С. В. (Инсарская МТС), Адушев Г. Я. (Игнатовская МТС), Биушкин Е. Т., Голушкин Ш. С., Борчин (Дубёнская МТС), Илюшин Н. Г. (Киржеманская МТС) и многие другие.

Женщины-колхозницы Мордовии в колхозном производстве во время Отечественной войны играли исключительно важную роль. В 1942 году женщинами-колхозницами Мордовии было выработано 30.458 тыс. трудодней, или 68% всего количества трудодней.

Немало женщин возглавили колхозное производство, работая председателями колхозов, бригадирами, звеньевыми.

Из трактористок Мордовии за период войны работали с отличными показателями: Болдова А. М., Бакулина Е. Г. (Самовольевская МТС), Фатеева П. Д. (Ст.-Синдровская МТС), Нислина А. Ф., Королёва М. И. (Ново-Каргинская МТС), Дукшина Н. А. (Ельниковская МТС), Васина А. Д. (Чамзинская МТС), Орлова Л. М. (Теньгушевская МТС), Гаврюшина А. И. (Кадошкинская МТС), Скрябина А. А. и Чернышева (Атяшевская МТС), Родькина Е. (Ст.-Синдровская МТС), Сорокина Е. М. (Ленинская МТС) и многие другие знатные женщины колхозной деревни республики.

Учитывая исключительную важность снабжения фронта и тыла продуктами животноводства, многие колхозы Мордовии за время войны добились значительного увеличения поголовья скота, например, колхоз «Валда ян», Пурдошанского района, в 1942 году увеличивший поголовье скота по сравнению с 1941 годом на 139 голов, колхоз «Коминтерн», за период 1942—1943 г. вырастивший сверх плана 105 голов скота, колхоз «Дружба», в 1942 г. план развития животноводства по крупному рогатому скоту выполнивший на 105,6%, по свиньям на 112% и овцам на 105%, а в 1943 г. по крупному рогатому скоту—на 114,8%, по свиньям на 104%, по овцам на 115,7%, колхоз «Коммунар», Козловского района, в 1943 году выполнивший план животноводства по крупному рогатому скоту на 115,2%, по свиньям на 187%, по овцам на 115,2%, и многие другие колхозы.

Все эти достижения были бы невозможны без самоотверженного стахановского труда колхозников. Телятница колхоза им. Р. Люксембург, Ичалковского района, Гришина А. И. с 1941 г. по 1943 г. вырастила 87 телят, отличница социалистического сельского хозяйства Колесникова М. В. из колхоза им. Ворошилова, Саранского района, в 1942 году вырастила 101 поросёнка вместо 84 по плану, свинарка колхоза им. Сталина, Ардатовского района, Смазнова Д. — 142 поросёнка вместо 110 по плану, свинарь колхоза «Путь Ильича», Кадошкинского района, т. Будаев—по 18 поросят от свиноматки. Подобные достижения в деле развития животноводства имели и многие другие колхозники и колхозницы.

Включившись во Всесоюзное социалистическое соревнование за лучшую подготовку к севу 1943 г., комсомольцы Мордовии в первом квартале этого года отремонтировали 5.541 плуг, 8.620 борон, 1.200 сеялок, более 2.000 тракторов, вывезли на поля 293.940 возов навоза. Когда по почину комсомольцев колхоза им. Сталина, Сургодьского сельского Совета, Торбеевского района, началось соревнование в честь 25-й годовщины ленинско-сталинского комсомола, было создано в Мордовской АССР 717 комсомольско-молодёжных бригад, которые вывезли государству на ссыпные пункты 447.917 центнеров хлеба, 69.152 цент. картофеля и овощей, отремонтировали 2.490 плугов, вспахали 29.154 га зяби, отеплили 1.112 колхозных дворов и заложили 16.813 тонн силосного корма для скота.

В развернувшейся в годы Великой Отечественной войны борьбе за высокий урожай комсомол и молодёжь Мордовии много потрудились в деле создания звеньев высокого урожая. Во Всесоюзном соцсоревновании за высокий урожай по Мордовии приняло участие более тысячи таких звеньев. Вступив в движение за высокий урожай, комсомол и молодёжь одного лишь Ичалковского района в период подготовки к весеннему севу 1944 года собрали 49 тонн золы, 36 тонн куриного помёта, задержали снег на площади 2.089 га, вывезли 9.720 возов навоза, отсортировали 845 цент. зерна [1].

Комсомольско-молодёжное звено колхоза «Ленин ча», Кадошкинского района, в течение двух лет занимало третье место по Союзу в соревновании молодёжных звеньев. Звено Таракановой (секретарь комсомольской организации), снявшее в 1943 г. по 121 пуду проса с каждого га (по плану — 66 пудов), в 1944 году получило со своего участка: по 18 центнеров проса с каждого га вместо установленных по плану 10 центнеров, по 17 центнеров ячменя вместо 7-ми центнеров и по 250 центнеров картофеля. ЦК ВЛКСМ выдал звену Таракановой денежную премию, а звеньевую премировал именными золотыми часами [2].

Звено Васильевой В. из колхоза им. Ленина, Теньгушевского района, получило в 1944 году: гороха по 15 центнеров с га (по плану —7 цент.), озимой ржи—13 центнеров (по плану—11 цент.); звено Вайшевой А. из колхоза «Красная заря», Темниковского района, получило 1.020 пудов картофеля с га (по плану—540 пуд.).

Замечательные образцы труда показали также тракторные бригады, из них 624 комсомольско-молодёжных. Бригада т. Шевелова из Ромодановской МТС в 1944 году план тракторных работ выполнила на 241%, выработав на 15-сильный трактор 718 га и сэкономив 2.805 кг горючего. Все трактористы означенной бригады выполнили нормы выработки не менее чем на 200%. В 1945 году Ромодановская МТС получила переходящее Красное Знамя Наркомзема СССР. Комсомольско-молодёжная тракторная бригада Магбеева У. из Лямбирской МТС заняла первое место в соцсоревновании не только среди комсомольско-молодёжных тракторных бригад, но и среди всех бригад МТС республики: годовой план тракторных работ бригада выполнила на 143,1%.

---

1. Газета „За социализм" от 8/III—1945 года.
2. Из материалов Мордовского обкома ВЛКСМ.

Почётное место в тракторных бригадах Мордовии занимают женщины-трактористки. После опубликования обращения девушек-трактористок Орджоникидзевского края ко всем МТС, 2.129 трактористок Мордовии включились во Всесоюзное соцсоревнование. В первый же год соревнования женщины-трактористки Мордовии выполнили нормы выработки (по данным 33-х МТС) не ниже чем на 250%.

Комсомол Мордовии проделал большую организационную работу в деле реализации решения правительства о привлечении учащихся школ к сельскохозяйственным работам в годы Отечественной войны. На полевых работах летом 1942 г. было занято 48.750 школьников и 4.240 учителей, в 1943 г.—43.629 учащихся и 3.559 учителей, в 1944 году—44.546 учащихся. Силами учащихся и учителей республики было выработано трудодней: в 1942 году 1.959.654, к концу 1943 г. — 2.047.883. Настоящими тружениками колхозных полей зарекомендовали себя школьники Ачадовской средней школы, получившие третью премию НКЗ СССР[1].

Значительную помощь Советской Армии оказали трудящиеся Мордовии в деле создания особого фонда обороны. Колхоз «Новый быт», Сабур-Мачкасского сельсовета, Чамзинского района, в 1942 году сдал сверх плана в счёт поставок 1943 года 1926 пудов зерна и 855 пудов—в фонд обороны. Только по декабрь 1942 г. в Рыбкинском районе внесено на строительство танковой колонны «Мордовский колхозник» колхозами: «Путь Ленина»—81 тыс. руб., «Новая жизнь» — 50 тыс. руб., «2-я большевистская весна» — 50 тыс. руб., «Мазы пакся»—40 тыс. руб., «Од ки»—38 тыс. руб. и т. д. На строительство танковой колонны «Мордовский колхозник» внесли большие суммы денег многие колхозники Мордовии. Так, например, колхозник Гришенков П. Е. из колхоза «Новая жизнь», Кадошкинского района, внёс 10 тыс.руб., председатель колхоза им. 16-го партсъезда, Рыбкинского района, Полынов Г. М.—5 тыс. руб., председатель колхоза «Путь Ленина», того же района, тов. Кутякин — 4 тыс. руб., колхозники Кирсанкин В. А.—2 тыс. руб., Трунькин Ф.—800 руб., председатель колхоза «2-я пятилетка» Дуплёнков — 2 тыс. руб. и т. д.

1. „Красная Мордовия" от 13/III—1943 года.

За первые три года войны население Мордовии внесло в фонд обороны только деньгами 52 млн. 610 тыс. руб., в том числе трудящиеся города Саранска — 14 млн. руб.

По данным на 10 февраля 1943 года, колхозники Мордовии передали в фонд обороны 53.391 пуд хлеба, 13.333 пуда картофеля, 2.183 пуда мяса.

Активной подпиской на военные государственные займы трудящиеся Мордовии ещё и ещё раз продемонстрировали высокое патриотическое чувство любви к своей Родине. Председатель колхоза «Молитня», Б.-Березниковского района, тов. Абрамов П. В. на военный заём 1943 года подписался на 20 тыс. руб., председатель колхоза «Од ки», того же района, Афонькин—на 12 тыс. руб., колхозник этого же колхоза Симдянов—на 10 тыс. руб. и т. д.

Только за первые три года войны трудящиеся Мордовии передали на нужды армии 108.728 килограммов шерсти и отправили на фронт 49.539 овчин, 198.490 готовых тёплых вещей, в том числе 35.107 пар валенок, 6.443 полушубка.

Большая помощь оказана была детям фронтовиков. Только комсомольские организации Мордовии собрали и передали детям фронтовиков 2 млн. 391 тыс. руб. денег, 13.020 пудов продуктов и различных вещей 5.291.

Население Мордовии тепло встретило советских людей, бежавших от ужасов немецкой оккупации. В Мордовии было размещено более 70 тысяч человек эвакуированных, в том числе 31.605 человек детей до 14 лет.

За активную помощь в деле обороны нашей страны товарищ Сталин в декабре 1942 года передал колхозникам и колхозницам Мордовии свой братский привет и благодарность Красной Армии. В письме на имя секретаря Мордовского обкома ВКП(б) тов. Петушкова товарищ Сталин писал: «Передайте колхозникам и колхозницам Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики, собравшим 21.980 тысяч рублей на строительство танковой колонны «Мордовский колхозник», внесшим в фонд Красной Армии 30 тысяч пудов хлеба и 3 тысячи пудов картофеля, — мой братский привет и благодарность Красной Армии».

Для трудящихся нашей страны нет ничего выше привета и благодарности своего вождя — товарища Сталина. Привет и благодарность товарища Сталина вызвали ещё более мощный патриотический подъём среди трудящихся Мордовии. Многие колхозы, выполнив свои обязательства, сдали в фонд обороны сотни и тысячи пудов хлеба сверх плана. Так, от-

дельные колхозы Ардатовского района сдали: колхоз им. Чкалова—2.400 пудов, имени Кагановича—1.800, им. 8-го марта—1.500, им. Сталина—1.200 и т. д.[1].

Помогая Красной Армии, усиливая её боевую технику своими средствами, трудящиеся нашей страны особой любовью и лаской окружали раненых, героических защитников нашей Отчизны, находившихся в тылу на излечении. Так, было положено начало фонду здоровья бойцов и командиров Красной Армии[2].

Инициаторами этого движения в Мордовии стали члены сельхозартели им. Красина, Рыбкинского района. В своём письме ко всем колхозникам и колхозницам Мордовии эти патриоты (в феврале 1943 г.) писали: «Дорогие товарищи! Красная Армия наступает — тыл не отставай. Под таким лозунгом должно работать колхозное крестьянство. Всемерно помогать фронту продуктами питания, обеспечить промышленность сырьём—такова наша обязанность перед фронтом и Родиной. Все мы хорошо понимаем, что обязаны и в дальнейшем всячески помогать фронту. Поэтому единодушно решили обратиться с призывом ко всем труженикам социалистических полей Мордовии создать фонд здоровья защитников Родины. Окружим отеческой заботой наших сыновей, братьев, отцов, грудью защищающих нашу Родину от гитлеровских людоедов. Дадим сверх государственного плана тысячи тонн первосортных молочных продуктов». В фонд здоровья инициаторы этого движения внесли 15 тысяч литров молока от 30 дойных коров колхозной молочно-товарной фермы. Не остались в стороне и сами колхозники: по 150 литров молока сдали Нефёдов И. А., Тюрянов П. М., по 100 литров—Зубанов Н. В., Морозова С. Г. Остальные колхозники, имеющие коров, отчислили по 50 литров молока[3].

Бюро Мордовского обкома ВКП(б) своим решением от 16 марта 1943 г. одобрило и поддержало инициативу колхозников колхоза им. Красина и предложило на всех колхозных собраниях обсудить это обращение и развернуть вокруг этого вопроса широкую массово-разъяснительную работу. Первыми отозвались на призыв красинцев колхозники сельхозартели «Красный Кемляй», Рыбкинского района. Они единодушно выделили в фонд бойцов Советской Армии от колхоза 3.000 литров молока, от колхозников по 20 литров с каждой коровы[1]. Колхозы Рыбкинского района заняли в следующем году первое место в республике по количеству сданного в фонд здоровья молока: они отчислили в этот фонд более 30 тысяч литров молока[2].

Колхозники Лямбирского, Краснослободского и Мельцанского районов приняли на себя шефство над Н-ским эвакогоспиталем и отдали из своих личных и общественных запасов значительное количество различных продуктов сельского хозяйства. Только за несколько месяцев 1943 года госпиталь получил от своих шефов: 1.600 кг мяса, 5 тысяч яиц, 350 кг сухарей, около 6 цент. махорки, 9 цент. молока, много мёду и масла. Воодушевлённые сталинским приказом о ликвидации июльского наступления немцев, колхозники Краснослободского района постановили увеличить свой вклад в фонд здоровья: они дополнительно выделили в распоряжение госпиталя 64 барана, одну корову, несколько свиней, свыше 200 кг масла, 400 кг мёду[3]. Вслед за ними пошли колхозники Лямбирского и Мельцанского районов. В октябре 1943 года колхозники сельхозартели им. Кагановича, Лямбирского района, отправили для госпиталя одну тонну капусты и несколько центнеров картофеля.

«К Октябрьской годовщине пошлём для славных наших воинов свинины, молочных продуктов», — говорил председатель колхоза т. Искандяров. Колхозники Мельцанского района в том же месяце передали для бойцов более 100 кг мяса, много молока, яиц, мёду[4]. Всего к 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в фонд здоровья поступило от трудящихся Мордовии 68.600 литров молока.

Подобная шефская помощь оказывалась и в других местах: госпиталь № 3050 имел своими шефами пенькокомбинат, Разнопромсоюз, Наркомторг, госпиталь № 3052—типографию, птицекомбинат, Совнарком МАССР и т. д. Всестороннюю помощь оказывал госпиталю № 1317 коллектив рабочих и служащих консервного комбината. За образцовую работу 15 комсомолок завода, прикомандированных к госпита-

1. Газета „Большевик", Ардатовского района от 12/XI—1944 г.
2. По этому вопросу использована рукопись тов. Руткевича (фонд МНИИ).
3. „Красная Мордовия" от 20/II и 2/XII—1943 года.

1. „Красная Мордовия" от 16/V—1943 года.
2. „Красная Мордовия" от 7/IV—1944 г.
3. „Красная Мордовия" от 16/V—1943 года.
4. „Красная Мордовия" от 13/X и 6/XI—1943 года.

лю, получили благодарность от начальника госпиталя и бойцов [1].

Трудящиеся Мордовии горячо поддержали инициативу трудящихся Иркутской и Ивановской областей по оказанию братской помощи освобождённым от немецкой оккупации районам СССР.

Историческим постановлением (в августе 1943 года) СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации» делу возрождения хозяйства и культуры на освобождённых землях был придан подлинно большевистский размах. Товарищ Сталин говорил, что восстановление разрушенного врагом хозяйства является общенародной задачей, и задачу эту надо решить в кратчайший срок. Слова любимого вождя всколыхнули миллионы тружеников советского тыла. К огромной государственной помощи этим районам прибавилась братская поддержка и забота со стороны населения тыловых областей [2].

Инициаторами этого патриотического движения в нашей республике явились колхозники колхоза «Красный пахарь», Краснослободского района, передавшие ещё весною 1942 года колхозам освобождённых районов Московской области 8.100 пудов семенного зерна. Вслед за массовым изгнанием противника летом 1943 года непрерывным потоком потекли средства на дело восстановления колхозов освобождённых районов. По неполным данным, колхозы Мордовии только в одном 1943 году передали в эти районы около четырёх тысяч голов скота, засеяли пшеницей, просом для освобождённых районов более 2700 гектаров земли. Замечательную инициативу проявили трактористы Лямбирской МТС: они засеяли в фонд помощи колхозам, пострадавшим от гитлеровских бандитов, 22 гектара озимых своими семенами за счёт экономии горючего [3]. Колхозники сельхозартели «Память Ленина», Темниковского района, выделили в этот фонд 30 голов крупного рогатого скота, 17 голов мелкого, 48 пудов семян, 14 овчин и 9.000 руб. деньгами. «Мы обращаемся ко всем вам, граждане нашей республики, — писали в своём обращении члены этой сельхозартели, — с призывом ознаменовать 72-ю годовщину Парижской Коммуны усилением помощи трудя-

1. Материалы обкома ВЛКСМ.
2. Рукописный фонд МНИИ, рукопись тов. Руткевича.
3. „Красная Мордовия" от 26/VII—1943 года.

щимся освобождённых районов, чтобы в кратчайшее время залечить раны, нанесённые нашей стране фашистскими грабителями» [1].

Освобождённые нашей армией Сталинград и Ленинград становятся предметом особой заботы со стороны тыловых колхозов нашей страны. Трудящиеся Мордовии помнили про город Ленина в тяжёлые месяцы блокады, когда осаждённый врагом Ленинград так нуждался в поддержке. Тогда (сентябрь 1942 г.) рузаевцы послали в качестве скромного подарка жителям Ленинграда 32 тысячи яиц, 750 кг сдобных сухарей, 1.544 кг масла [2]. Никогда не забывали трудящиеся нашей республики про сталинградцев, остановивших полчища врага. Участники совещания партийного, советского и колхозного актива Оброчинского сельсовета, Ичалковского района, обратились ко всем председателям сельсоветов, секретарям партийных и комсомольских организаций и ко всем колхозникам Мордовской АССР с предложением организовать помощь рабочим Сталинграда продуктами животноводства. В порядке оказания помощи защитникам Сталинграда колхозники сельхозартелей «2-я пятилетка», «Красные всходы» и им. Молотова отправили рабочим тракторного и других заводов 815 кг мяса [3]. Трудящиеся г. Саранска внесли в фонд восстановления героического Сталинграда свыше 100 тысяч. руб. денег. Более 300 комсомольцев из нашей республики отправилось в Сталинград, чтобы своим личным трудом ускорить восстановление любимого города. «Ваши посланцы, — писал секретарь Сталинградского обкома ВЛКСМ тов. Левкин, — влились в ряды лучших стахановцев. Вера Маслобоева, Люба Сочкова, Анастасия Кирмаева — лучшие бригадиры комсомольско-молодёжных бригад, выполняющие полторы нормы за смену. Горячо благодарим за помощь и гордимся вашими посланцами» [4].

После освобождения г. Гомеля Мордовия, как известно, приняла шефство над этим городом и четырьмя районами Гомельской области: Речицким, Лоевским, Стрешинским, Тереховским. Движение за оказание помощи трудящимся Гомельщины вылилось в большое патриотическое дело: за три дня работники Рузаевского железнодорожного узла

1. „Красная Мордовия" от 18/III—1943 г.
2. „Красная Мордовия" от 30/IX—1942 г.
3. „Красная Мордовия" от 24/XII—1943 г.
4. „Красная Мордовия" от 16/V и 30/X—1943 г.

собрали и подготовили для Гомельской области 10 вагонов оборудования, стройматериалов, инструментов и др. материалов. Работники Темлеса приготовили 10 тонн семенного картофеля, 25 тысяч ложек и много домашней мебели[1]. Интеллигенция г. Саранска: врачи, учителя, артисты—провела сбор и направила в г. Гомель большое количество предметов хозяйственно-бытового характера.

В колхозах Мордовии развернулось широкое движение по оказанию помощи колхозам Гомельщины: колхозы Ковылкинского, Б.-Березниковского и др. районов выделили большое количество голов различного скота и сельскохозяйственного инвентаря. В письме «Трудящимся братской МАССР» рабочие, колхозники и интеллигенция подшефных районов Гомельщины писали: «Мы с глубокой радостью принимаем помощь братского народа в деле скорейшего восстановления хозяйства области. Мы твёрдо уверены, что при общенародной поддержке мы сумеем быстро восстановить хозяйство области и включить его в дело окончательного разгрома заклятого врага»[2].

За период Великой Отечественной войны отдельные колхозы, предприятия и трудящиеся Мордовии внесли большой вклад в дело победы над врагом. Вот некоторые показатели: колхоз «Красный пахарь», Краснопольского сельсовета, Краснослободского района, внёс деньгами — 180.000 руб., приобрёл облигаций государственных займов на 150.000 руб., сдал облигаций в фонд обороны на 150.000 руб., сдал хлеба 4.191 центнер, 16 коров, овец и коз 50 голов, свиней 20 голов, 170 штук кур, овчин разных 240 шт., масла растительного 220 кг, колбасы 180 кг, валяной обуви 60 пар, пиджаков ватных и полушубков 160 шт., носок шерстяных 217 пар, варежек 90 пар, белья разного 120 пар, сухарей 286 кг, махорки 45 центнеров, зерна фуражного 280 центнеров, картофеля 35 тонн. Оказана помощь семьям фронтовиков: построено новых домов — 3, отремонтировано домов 17, выдано коров с фермы колхоза 12 голов, выдано поросят 317 голов, выдано шерсти 22 кг, выдано хлеба без возврата 320 центнеров, выдано соломы 170 тонн.

Колхоз «Йондол», Заберезовского сельсовета, Краснослободского района, сдал денег в фонд обороны 160 тыс. руб., облигаций на 185 тыс. руб., одежды сдано 60 шт., тёплой

1. „Красная Мордовия" от 7/IV—1944 г.
2. Там же, от 24/VI—1944 г.

обуви 120 пар, белья нижнего 85 пар, хлеба 1.260 центнеров, мяса 85 центнеров, картофеля 1200 центнеров, масла сливочного 145 кг, мёду 225 кг, 9 коров, 28 голов овец и коз, 368 кг шерсти, овчин разных 148 штук, кур 185 штук, махорки 36 центнеров. Оказана помощь семьям фронтовиков: выдано хлеба без возврата 250 центнеров, построено домов 5, отремонтировано домов 28, выдано соломы на ремонт домов 5.700 центнеров.

Колхоз имени Кирова, Болдовского района, выдал 700 цент. хлеба, 370 кг мяса, 620 литров молока, 110 кг мёду, 212 кг шерсти, 25 центнеров овощей, 50 штук овчин, 25 пар валенок, 12 голов лошадей, 15 голов коров, 10 голов телят, 30 голов овец, подписался на займы на 41.500 руб., приобрёл билетов денежно-вещевой лотереи на 15.000 руб., внёс деньгами в помощь детям фронтовиков 4.000 руб. Колхоз «Светлый путь», Ковылкинского района, сдал в помощь Красной Армии (в центнерах): хлеба—1395, мяса—210, картофеля — 720, шерсти — 340 кг, свиней — 19 голов, овец — 50, крупного рогатого скота — 38, лошадей — 32, фургонов — 8 штук, саней — 16, сбруи — 8 полных комплектов. Кроме того, колхозом оказана большая помощь семьям военнослужащих и инвалидам Отечественной войны: на одежду и обувь школьникам израсходовано зерна 132 центнера, шерсти 72 кг, передано овец 12 голов, тёлок 8, поросят 72 головы, отремонтировано домов 12, построено новых домов 8, покрыто крыш 100, выдано кормов 920 центнеров, выдано семян картофеля 392 центнера, зерна 11 центнеров. Колхоз «15 лет Октября» того же района за период Отечественной войны передал в помощь Советской Армии (в центнерах): хлеба 130, мяса 30, картофеля 350, шерсти 150 кг, на постройку танковой колонны колхоз сдал наличными 77.466 рублей, внесено облигациями 110 тысяч рублей, колхозом приобретено облигаций займов на 155 тыс. руб., лотерейных билетов на 10.350 руб., членами колхоза приобретено облигаций займов на 47.300 руб. Председатель этого колхоза за время войны внёс на строительство танковой колонны 5000 руб. и приобрёл облигаций военных займов на 25.000 руб. Колхоз оказал помощь семьям фронтовиков и инвалидам Отечественной войны: выдано крупного рогатого скота 13 голов, овец 8, свиней 8, хлеба 30 центнеров, шерсти 60 кг, корма для скота 1000 центнеров, лесоматериала 25 кбм. Колхоз «Борец за культуру», Мельцанского района, за время Отечественной войны сдал в фонд обороны хлеба 250 центнеров, масла 30 кг,

яиц 1.000 штук, шерсти 25 кг, овчин 50 штук обуви кожаной 30 пар, тёплой обуви 50 пар, варежек и чулок 80 пар, деньгами 4.500 руб. За период Великой Отечественной войны колхоз «Якстере сокиця» села Курилова, Ромодановского района, сдал в фонд обороны мяса 417 кг, шерсти 290 кг, овчин 263 шт., махорки 186 кг, картофеля 230 цент., луку 139 кг, мёду 86 кг, овощей 256 цен., яиц 2.500 шт., деньгами 4.100 руб., а также оказал помощь семьям фронтовиков и инвалидам Отечественной войны: отремонтировал 18 домов, подвёз дров 232 кбм., взял на обеспечение колхоза 2-х детей, родители которых погибли на фронте Отечественной войны.

На территории этого колхоза расположен детский дом, в котором воспитываются дети погибших воинов. Колхоз «Якстере сокиця» полностью обеспечил детдом тягловой силой, а также и топливом.

Колхоз «1-е Мая», Оброчинского сельсовета, Ичалковского района, на протяжении войны в порядке оказания помощи фронту сдал хлеба 2.184 пуда, мяса 1.500 кг, картофеля более 1.000 пудов, мёду 102 кг, молока 5.000 литров, яиц 2000 штук, овощей 900 пудов, много кожи, шерсти и других предметов.

Большую роль в деле обороны нашей страны и разгрома гитлеровских захватчиков играли займы военных годов и денежно-вещевые лотереи. Трудящимися Мордовии было приобретено облигаций военных займов на 242.306 тыс. руб. и билетов денежно-вещевой лотереи на 40.304 тыс. руб.

Всего за время Великой Отечественной войны Советского Союза с немецкими захватчиками—с 1941 года по 1945 год—трудящиеся Мордовии, по неполным данным, передали в фонд обороны 37.688 центнеров хлеба, 20.372 центнера картофеля, 3.938 центнеров мяса, 2.963 кг колбасы, 1.043 кг масла, 124 центнера сухарей, 70,5 центнеров мёду, 224.215 штук яиц, 896 кг сахару 480 центнеров махорки, 8521 литр спирта, 1.011 кг пряников, 1.533 центнеров овощей и 9.539 центнеров разных других продуктов, 1.073,6 центнеров шерсти, 49.373 овчины, 30.539 вещей тёплой одежды, 53,277 пар валяной обуви, 23.562 пары белья, 13.876 шапок-ушанок, 77.968 пар носок и варежек, 28.393 метра холста, разных вещей 21.231 и множество индивидуальных посылок.

Трудящиеся Мордовии внесли в фонд обороны только деньгами 18.492 тыс. руб. и на строительство танков и самолетов 37.286 тысяч рублей. Всего же внесено деньгами 55.778 тысяч рублей и облигациями около 45.569 тыс. руб.

Ни один колхоз, ни одно предприятие и учреждение, ни один колхозник, рабочий и интеллигент Мордовии не стояли в стороне от общих задач Советского государства, — все стремились внести свою лепту в общее дело победы над ненавистным врагом человечества — германским фашизмом. В условиях Великой Отечественной войны Советского Союза фронт и тыл были едиными. Могучая поддержка тыла, самоотверженный труд рабочих, колхозников и интеллигенции всех национальностей СССР, в том числе и мордовской национальности, помогли Советской Армии выполнить её историческую миссию, разгромить немецкий фашизм и его сообщника на Дальнем Востоке — японский империализм. «Подобно тому, как Красная Армия в длительной и тяжёлой борьбе один на один одержала военную победу над фашистскими войсками, труженики советского тыла в своём единоборстве с гитлеровской Германией и её сообщниками одержали экономическую победу над врагом»[1].

Героические подвиги тыла воодушевляли бойцов Советской Армии на героические подвиги на фронте. В славной семье Героев Советского Союза 58 человек мордовской национальности. В многонациональной братской семье народов СССР мордовский народ занимает десятое место по числу Героев Советского Союза. Героев Советского Союза всех национальностей, вышедших из Мордовской АССР, — 72 человека.

Из мордовской национальности выдвинулись такие славные полководцы Советской Армии, как генерал армии Пуркаев М. А., командовавший Калининским фронтом. Земляками трудящихся Мордовии являются генерал-полковник авиации Герой Советского Союза Горюнов С. К., генерал-полковник Болдин И. В. и другие талантливые полководцы Отечественной войны.

Десятки тысяч славных бойцов и командиров, сынов социалистической Мордовии, в период Отечественной войны награждены боевыми орденами и медалями.

В своём обращении к народу в исторический день великой победы Советского Союза над германским фашизмом товарищ Сталин сказал: «Великие жертвы, принесённые

[1]. *И. Сталин.* О Великой Отечественной войне Советского Союза 1946 г., стр. 140.

нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом» [1].

Мордовский народ, как и все трудящиеся Советского Союза, прилагает все свои силы, чтобы помочь стране в кратчайший срок залечить раны, нанесённые войной хозяйству и культуре, с честью выполнить задачи мирного строительства. Вместе со всеми народами нашей великой Родины мордовский народ всемерно укрепляет оборонную мощь нашей страны. Как и весь советский народ, трудящиеся Мордовии приносят величайшую благодарность партии Ленина — Сталина — организатору победы над германским фашизмом и японским империализмом. Мордовский народ, как и все народы нашей страны, будет веками чтить и прославлять своего любимого вождя, великого Сталина, гениального полководца нашей доблестной Советской Армии, отстоявшей свободу и независимость нашей Родины.

Великая Отечественная война ещё и ещё раз показала, что нет такой силы, которая могла бы сломить или поколебать могущество Советского государства.

---

[1] *И. Сталин.* О Великой Отечественной войне Советского Союза 1946 г., стр 171.

А. Чернухин.

НАШ ЗЕМЛЯК — АДМИРАЛ УШАКОВ

(К 130-летию со дня смерти)

Среди знаменитых уроженцев Мордовии: поэта Полежаева, поэта и публициста Огарёва, декабристов Веденяпиных — видное место занимает великий русский флотоводец Фёдор Фёдорович Ушаков.

Фёдор Фёдорович Ушаков родился в дер. Алексеевке, которая находится в 4-х километрах от гор. Темникова, в 1745 г. (по некоторым источникам годом его рождения считается 1743-й год).

Отец его, Фёдор Игнатьевич Ушаков, был мелкопоместным дворянином, занимавшим в городе Темникове какую-то маленькую должность в чине коллежского регистратора [1]. Сын бедного коллежского регистратора не мог получить соответствующего воспитания и образования, какое давали своим детям богатые дворяне. Домашнее образование Фёдора Фёдоровича ограничилось теми скудными познаниями, какие мог передать ему сельский священник.

Детские и юношеские годы Ушаков провел среди деревенских ребят, от которых мало отличался не только образом своей жизни, но и костюмом. Это подтверждал впоследствии и сам Ушаков, вспоминавший, что он приехал в Петербург учиться в «лапотной» одежде. Обладая большой смелостью, ловкостью и крепкой физической силой, он, будучи ещё подростком, ходил со старостой своей деревни с рогатиной на медведя в ближайший Санаксарский лес. На охоте он очень часто проявлял смелость, находчивость, пренебрежение к опасности.

---

[1] *Г. Шторм.* Флотоводец Ушаков, стр. 79.

Эти черты характера — смелость, бесстрашие, пренебрежение к опасностям, приобретённые ещё в детские и юношеские годы, были характерны для Ушакова в течение всей его жизни.

В юношеские годы Фёдор Ушаков часами слушал рассказы отставного матроса, односельчанина Ефима Куликова о морской службе, рассказы о видном моряке Петровских времён Ушакове, родственнике этих Ушаковых. Всё это, очевидно, пробудило его интерес к морской службе.

В 1761 году, в конце зимы, ещё по санному пути 16-тилетний Фёдор Ушаков отправляется в Петербург и поступает в морской кадетский корпус. В 1766 году он был выпущен из корпуса в числе других лучших учеников, получив первый офицерский чин мичмана.

Почти полувековая морская служба Фёдора Фёдоровича Ушакова в различных чинах и званиях — от мичмана до полного адмирала — это напряжённая работа по укреплению русского военно-морского флота, это ряд величайших побед, умноживших боевые традиции русского флота и возвеличивших славу своей родины.

Офицеры и матросы, прошедшие «ушаковскую школу» под его командованием, не раз удивляли мир замечательными победами над турками и французами.

В послужном списке Ушакова значится ряд крупнейших побед, как, например, в сражении у острова Федониси 14 июля 1788 года, во время которого турецкий флот в 45 судов принуждён был отступить перед русской эскадрой из 36 судов; у Гаджибея 7 сентября 1788 г., где застигнутый врасплох, превосходящий в силе турецкий флот обратился в бегство; у Калиакрии 10 августа 1790 г., когда русский флот, имея вдвое меньше сил, наголову разбил противника.

Огромную славу Ушакову принесли победы русского флота под его командованием во время операций на Средиземном море по очищению от французов Ионических островов и, в частности, победа на острове Корфу в марте 1799 г. Не случайно поэтому, узнав об этой победе, великий русский полководец А. В. Суворов воскликнул: «Ура русскому флоту! Зачем не был я при Корфу, хотя мичманом?».

Можно прямо сказать, что наш земляк Ф. Ф. Ушаков в истории русского флота занял такое же место, как Суворов в истории русского военного искусства. Недаром поэтому Ушакова называли «Флотским Суворовым».

Деятельность этих двух гениальных людей не только совпала по времени, но и была глубоко родственной по тактическим принципам. Как Суворов в армии, так и Ушаков во флоте смело отказался от старых традиционных принципов военного искусства и перешёл к принципу сокрушения противника, нанося ему удар всеми имеющимися средствами там, где это наиболее выгодно.

Завистливые, в большинстве своём бездарные, приближённые ко двору люди из адмиралтейства недолюбливали Ушакова.

В 1802 г. его отзывают из Севастополя в Петербург и назначают на второстепенные должности.

В январе 1807 года он подаёт в отставку и вскоре после этого приезжает в родное село Алексеевку.

Н. Д. Баитыш-Каменский в своём словаре «Достопамятные люди русской земли», изданном в 1836 г. (том 5), сообщает, что Ф. Ф. Ушаков в это время вёл почти отшельнический образ жизни и изредка лишь проводил духовные беседы с учёными монахами Санаксарского монастыря. Он был роста среднего, сухощав, в плечах широк, лицо имел моложавое, на котором даже в глубокой старости играл румянец.

В документах бывшего Санаксарского монастыря, часть которых хранится в Государственном архиве Мордовской АССР, имеется письмо настоятеля монастыря иеромонаха Нафанаила епископу Тамбовскому от 3 января 1829 года, из которого видно, что Ушаков в деревне вёл скромный образ жизни и помогал бедным людям.

В завещании, составленном Ушаковым в 1810 году, указывается, что оброчных крестьян у него не было. Жил он на небольшой пенсии, помогая двум племянницам и моряку-племяннику.

Во время Отечественной войны 1812 года он был избран начальником народного ополчения Тамбовской губернии «по общему всех желанию и доверию». Но принять это почётное звание, по болезни, уже не мог.

Часто находясь у открытого окна своего дома, он прислушивался к шуму сосен Санаксарского леса, и в этом шуме ему чудился шум моря, с которым он не расставался почти пятьдесят лет. Вспоминал свои военно-морские похо-

ды, родной для него флот. Вспоминал храбрых русских матросов [1].

Усадьба с домом Ушаковых была расположена на холме, откуда открывался прекрасный вид на Темников, луга с рекой Мокшей и Санаксарский монастырь, окружённый с трёх сторон лесом. К подножию холма примыкает деревня Алексеевка.

Дом Ушаковых, который многие сейчас помнят, был каменный, двухэтажный, с внешней стороны оштукатурен и выбелен; он отличался своею массивностью и по стилю во многом напоминал корпуса Санаксарского монастыря, так что можно предположить, что он построен одновременно с монастырскими постройками. Внешне дом не перестраивался со времени его постройки, но внутри дома, приблизительно в 90-х годах XIX века, были произведены некоторые переделки. Надворная старинная постройка была скромной: конюшня, амбар, скотный двор. К усадьбе примыкал фруктовый сад в один гектар, засаженный по границе липами и вязами. Несколько этих двухсотлетних деревьев-великанов сохранилось и до настоящего времени.

В Темникове живёт в настоящее время 87-летний Алексей Петрович Бузданов, прослуживший свыше сорока лет у Ушаковых кучером. А. П. Бузданов рассказывает, что он хорошо помнит дом Ушаковых до его переделки. Комнаты и окна были маленькие, потолки сводчатые, как в монастырской келье. Когда дом перешёл во владение Дмитрию Дмитриевичу [2] (после смерти его отца), то он его перестроил: сводчатые потолки были заменены обычными, окна в верхнем этаже увеличены, внутренние капитальные стены частью были разобраны, и комнаты стали просторнее. До переделки внизу было 5 комнат, наверху — 6. Внизу жила прислуга и находилась кухня, наверху были «барские» комнаты. Как внизу, так и наверху через весь дом тянулись сводчатые коридоры. Обстановка была небогатая, старинная. Лишних вещей не было. Кабинет выходил в сторону леса и монастыря.

О Фёдоре Фёдоровиче Ушакове, доживавшем в селе Алексеевке последние годы своей жизни, в памяти народа сохранились предания как о добром и хорошем «барине» [1]. Упомянутый нами Алексей Петрович Бузданов вспоминает, что он в молодые годы часто слушал рассказы стариков, которые всегда поминали добрым словом старого адмирала...

«Бывало, — говорит Бузданов,—в молодые годы спустишься из усадьбы в деревню вечерком, увидишь, где собрались старики, подойдешь к ним и слушаешь их беседы про былое. Частенько они поминали добрым словом и адмирала Ушакова.

Был у нас в деревне старик Иван Васильевич Куликов, лет до ста жил, воевал ещё с французом и под Москвой ранен был. Он весь род Ушаковых помнил. Лично знал и адмирала Фёдора Фёдоровича. Однажды Куликов рассказывал, как его раненого привезли в деревню (ранен он был в ногу, так до смерти и прихрамывал). Как узнал об этом барин Фёдор Фёдорович, то распорядился немедленно отвезти его на долечивание в Темников. Там Фёдор Фёдорович собственный небольшой лазарет держал, человек на пятнадцать; и редкий день пропустит, чтобы не побывать в лазарете, не побеседовать с ранеными. Приедет, бывало, на паре лошадей один или со своим племянником-моряком. Сам старый, а подвижной такой, в морском мундире, с тростью в руке. Ну и начнёт расспрашивать, как воевали, а потом и сам начнёт вспоминать, как он турок и французов на море бил, часто повторяя: «Храбрый, храбрый у меня народ был». Этот же Иван Васильевич Куликов рассказывал также, что Фёдор Фёдорович помог ему избёнку справить и от всех податей освободил.

Другой старик, Симцов Семён Николаевич, рассказывал, что он от своего отца слышал про добрые дела Фёдора Фёдоровича Ушакова.

«В Бабееве в те годы уж очень свирепый барин был, по фамилии Беглов. Его крепостным житья не было: он бил их, отнимал скот и хлеб. Так вот, бабеевские крестьяне по нескольку человек, бывало, с жалобой к адмиралу приходили, заступиться просили. После этого адмирал всегда поедет, поговорит с Бегловым, тот и помягче станет. Бывали случаи, что возвращал отобранное».

Умер адмирал Ушаков 2 (14 по новому стилю) октября 1817 года на 74 году от рождения. Отпевали его в Темни-

1 *Г. Шторм.* Флотоводец Ушаков, стр. 210.

2. *Д. Д. Ушаков*—темниковский земский начальник, является внуком племянника адмирала.

1. Приводимые здесь предания мной записаны летом 1947 года.

ковском соборе, так как, согласно монастырским правилам религиозные обряды для светских людей в монастырях не совершались.

В сохранившейся метрической книге Темниковского собора за 1817 год имеется следующая запись: «2-го октября, адмирал и разных орденов кавалер Фёдор Фёдорович Ушаков погребён в соборе[1]. Лета 75. Болезнью натуральною. Исповедан и приобщён протоиереем Асинкритом Иоановым. Погребён в Санаксарском монастыре[2].

Смерть Ф. Ф. Ушакова для официальных правительственных кругов прошла почти незамеченной. Лишь одна петербургская газета «Северная почта» в краткой заметке писала: «Из Тамбова, от 12-го октября. Известный адмирал Фёдор Фёдорович Ушаков, столько прославившийся своими победами, сего октября, 2 числа, к общему сожалению, скончался в здешней губернии в Темниковском уезде. Погребение происходило 7-го числа».

Но зато местным крестьянам тяжело было прощаться с Фёдором Фёдоровичем. Алексей Петрович Бузданов передаёт нам рассказы стариков о том, как происходили похороны адмирала. От Темникова, где отпевали Ушакова, до Санаксарского монастыря, где была вырыта ему могила, расстояние 4 версты. Родственники адмирала решили из города вынести гроб с его телом на руках, а потом положить его на подводу: нести далеко, да и погода была ненастная. Но крестьяне, собравшиеся на похороны в большом количестве, попросили разрешения нести тело на себе. Так все 4 версты тело адмирала крестьяне несли на себе.

Могила адмирала Ф. Ф. Ушакова находится у левой стены собора Санаксарского монастыря, если итти со стороны колокольни. Памятник представляет собой колонку из тёмносерого полированного гранита, увенчанную урной с крестом. Высота всего памятника более полутора метров. Среднюю часть колонки обрамляет квадрат, на лицевой стороне которого имеется следующая надпись: «Здесь покоится прах его высокопревосходительства и высокопочтенного боярина флота, адмирала и разных российских и иностранных орденов кавалера Фёдора Фёдоровича Ушакова, скончавшегося 1817 года, сентября 4 дня[3] на 74 году от рождения».

1. Торжественно.
2. Государственный архив Мордовской АССР, Ф. 57, д 110.
3. Это число и месяц ошибочны.

На противоположной стороне квадрата надпись гласит: «Посвящает сей малый знак своей благодарности племянник, капитан-лейтенант Фёдор Иванович Ушаков».

Много лет спустя после этого над могилой Ушакова была сооружена каменная часовня, памятник был немного передвинут в сторону и поставлен с внешней (левой) стороны перед входом в часовню, которая от ветхости разрушилась, и место погребения стало трудно опознаваемым.

Впервые обратил внимание на охрану могилы великого флотоводца ныне покойный писатель А. С. Новиков-Прибой, который в письме на имя председателя Темниковского райсовета, присланном в 1940 году, просил принять необходимые меры по охране могилы.

Ввиду того, что не было точных данных о месте захоронения Ушакова, решено было поставить и огородить памятник там, где его обнаружили. Впоследствии выяснилось, что от могилы он установлен всего в полутора метрах.

В марте 1944 года по распоряжению наркома Военно-Морского Флота СССР, адмирала Кузнецова, для обследования могилы приехали специальные представители. На основании фотоснимков, сделанных с могилы в 1916 году, и показаний старожилов удалось установить подлинное место могилы.

В августе того же 1944 года приехали из Москвы научный сотрудник Центрального военно-морского музея капитан Н. И Амелин и скульптор-антрополог М. М. Герасимов[1] для вскрытия могилы Ушакова. Была создана комиссия, в которую вошли представители местных районных организаций.

При вскрытии могилы обнаружен склеп, в который был заключён гроб, где были найдены остатки полуистлевшего тёмнозелёного мундира, с мелкими медными пуговицами и с знакомой, по портретам Ушакова, окантовкой. В одном из углов гроба найден адмиральский погон с тремя орлами. Сохранились также остатки сапог с узким следом и высокими голенищами. Кости скелета оказались в плохой сохранности, но череп сохранился хорошо, даже заметны редкие седые волосы на голове и подбородке. Остатки одежды, а также детали гроба (металлические ручки, куски бархатной обив-

1. Герасимов является профессором Института истории материальной культуры Академии наук СССР.

ки) взяты для возможного экспонирования в Центральном военно-морском музее в Ленинграде.

Антропологом Герасимовым временно был взят череп для создания по нему более точного (по его методу) облика адмирала, который послужит основой для памятника Ушакову в Севастополе.

В 1945 году М. М. Герасимовым исполнены два скульптурных портрета Ушакова в возрасте 74 лет, которые выставлены в Историческом музее в Москве и Военно-историческом музее в Ленинграде.

В 1947 году им выполнен третий портрет адмирала в возрасте 50 лет.

Все эти скульптуры существенно отличаются от сохранившихся двух старинных портретных изображений Ушакова, которые, как указывает Герасимов, были написаны в начале XIX в., когда художники заведомо неточно передавали портретное сходство с оригиналом, удлиняя черты лица, подчёркивая тем самым его «знатное происхождение».

Кости скелета, доски от гроба были уложены в специально сделанный гроб, запечатаны и захоронены на прежнем месте.

Чтобы не снимать с места основной памятник, на могилу положена каменная плита с могилы жены племянника Ушакова, погребённой там же, но могила которой затеряна.

Весь процесс вскрытия был заснят на киноплёнку и составлен подробный акт!

***

Признательность советского народа великому русскому флотоводцу Ф. Ф. Ушакову, своими подвигами прославившему и умножившему славу русского флота, нашла своё выражение в Указах Президиума Верховного Совета СССР об учреждении орденов и медалей Ушакова, которыми награждаются за боевые подвиги советские моряки.

---

1. Акт от 18 августа 1941 года хранится в делах Гемриковского райсовета.

И. Фёдоров.

ЗАМЕТКИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕРАНСКОГО В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Опальный Сперанский в 1816 году был назначен Пензенским губернатором и 21 сентября того же 1816 года он приехал в Пензу. Наследство от бывшего губернатора князя Голицына Сперанский получил плохое. Голицын не интересовался делами губернии, развалил и запустил работу всего административного аппарата губернских учреждений, а хозяйственную жизнь как губернского центра, так и всей губернии довёл до полного упадка.

Сперанский берётся прежде всего за благоустройство Пензы. Осмотрев город, он предложил городской управе немедленно навести порядок в городском хозяйстве, все ветхие заборы приказал исправить и выкрасить в жёлтую краску, переделать уличные колодцы, вместо оцепов устроить колёса на столбах с валом, срубы колодцев сделать с крышами (колпаками) и выкрасить. Базарные лавки, беспорядочно выстроенные по улицам, Сперанский приказал привести в надлежащий вид и поставить по плану.

В результате всей деятельности Сперанского по наведению порядка в городе положение улучшилось. Позднее, при передаче губернии своему преемнику Лубяновскому, Сперанский мог рапортовать министру внутренних дел: «В 1816 году городские доходы составляли около 19 тысяч рублей и едва достаточно было на обыкновенные издержки. В настоящем году городские доходы составляют до 40 тысяч рублей [1]».

Сперанский открыл всем и каждому свободный доступ к себе. Он принимал просителей в любое время, разрешая их просьбы быстро и не допуская ни малейшей волокиты.

---

1. Пензенский Облгосархив, Ф. 5, дело 746, лист 4.

26 января 1817 года Губернское Правление под его председательством разбирало жалобу крепостного крестьянина Панова, искавшего свободу от своего помещика Колонтаева. Керенский земский суд, куда Панов первоначально подал жалобу, долго её откладывал, так как Панов на жалобе не расписался. Тогда Панов подал жалобу в Губернское Правление. Губернское Правление постановило: «Земскому суду об исполнении подтвердить строжайше и велеть рапортовать с объяснением причин к медленности»[1].

Такими решительными мерами Сперанский снискал себе уважение со стороны широких народных масс. Одновременно Сперанский берётся за очищение всех губернских учреждений от несметного количества неоконченных дел. Из земских судов и других учреждений он удаляет взяточников, жуликов и малоспособных чиновников, а хорошо подготовленных и трудолюбивых людей выдвигает на более высокие и ответственные должности.

В итоге проверки уездных учреждений он убедился, что саранского уездного стряпчего Дмитриевского, «как чиновника отлично трудолюбивого, усердного и опытного»[2] можно использовать на должности губернского стряпчего для ведения губернского судопроизводства. Он возбуждает ходатайство перед министром юстиции о его переводе в Пензу.

Будучи передовым человеком своего времени, Сперанский обратил большое внимание на поднятие дела народного образования в губернии. Он покровительствовал учителям, часто приглашал их к себе для советов, вникал в повседневную жизнь учителей. Однажды в Пензу на работу приехали два молодых учителя. Узнав, что они не имеют квартир и остановились на постоялом дворе, Сперанский пригласил их к себе, приласкал и приказал городскому начальству отвести им помещение. На другой же день учителя уже имели квартиры и одновременно получили из личных средств губернатора по 50 руб. на первоначальное обзаведение.

При Сперанском в Пензе была произведена реформа духовной семинарии, причём было введено несколько светских предметов. В уездах при Сперанском открывались приходские и уездные училища. Саранское уездное училище находилось в деревянном помещении, которое пришло в со-

1. Пензенский Облгосархив, Ф. 6, дело 76.
2. Пензенский Облгосархив, Ф. 134, опись 1, дело 29, стр. 133.

вершенно ветхое состояние. Директор училища не раз доносил прежнему губернатору, что помещение настолько плохое, что может «принести ущерб», городское же начальство никаких мер не предпринимало. Сперанский предложил построить новое помещение.

Сперанский помогал людям, которые имели желание учиться. Два брата, Павел и Алексей Ларионовы, учились в Пензенской гимназии и «питали большое пристрастие к науке», но средств к продолжению учения у них не было. Сперанский возбудил ходатайство перед сенатом о зачислении Ларионовых в Губернское Правление. Сенат разрешил, но предложил Сперанскому «Установить за ними наблюдение, чтобы они занимались отправлением службы, предписанным порядком, а не для одного только счисления. Одновременно продолжали бы своё обучение»[1].

В практической работе Сперанский не раз встречался с большими трудностями. Дело в том, что тогда всё казённое хозяйство—продажа соли, оброчные статьи и ряд других доходов состояли в ведении вице-губернатора, который был непосредственно подчинён министру финансов. Таким образом, ближайший помощник губернатора, его заместитель, являлся чиновником другого ведомства: В результате такого положения между губернатором и вице-губернатором часто возникали столкновения. Сперанский вынужден был обратиться в Совет Министров с предложением, что ему, как хозяину губернии, нужно взять все нити хозяйства в свои руки, ибо при существующем положении в работе казённой палаты, где ведутся хозяйственные дела, он имеет лично случайное участие.

Вице-губернатора Пензенской губернии Бурнашова, управлявшего казённой палатой, замеченного Сперанским в расхищении государственных средств, он просит министра финансов освободить от должности и прислать человека честного и знающего дело. «В такой губернии, где производится до трёх миллионов ведер вина,—писал Сперанский,—это может иметь плохие последствия, а вообще хозяин казённой палаты не должен «ловить рыбку в мутной воде»[2].

Сперанский стремился упорядочить все управления губернией. «Благоустроенная жизнь,—говорил он, — и доброе хозяйство есть наилучшая служба. Сколько ни твердил себе,

1. Русский архив. Изд. 1870 г., стр. 1140.
2. Там же, стр. 1137.

вступая в управление губернией, чтобы не управлять, не низать дела, как нижут бусы, демон самолюбия не попущает следовать сему правилу; всё хочется делать как можно лучше и делать самому, а работать должно на гнилом и скрипучем станке».

В связи с мероприятиями Сперанского в области хозяйственной жизни представляет интерес отношение его к строительству Бриловского винокуренного завода в Краснослободском уезде (ныне Мордовская АССР). Для этой цели был учреждён строительный комитет, возглавляемый самим Сперанским. Будучи сторонником промышленного развития России, Сперанский прилагает усилия, чтобы построить оснащённое новейшей, по тому времени, техникой предприятие и упорядочить управление им. Первая очередь завода пущена была в эксплоатацию в октябре 1818 года.

Когда в апреле 1819 года Сперанский получил назначение генерал-губернатором Сибири, он очень сожалел, что полностью ему не удалось завершить строительства Бриловского завода: «Обращаюсь еще раз к Пензе, крайне сожалею,—говорил он,—что одно из дел. мне порученных, оставляю не совсем оконченным. Это есть Бриловский завод. К довершению его оставалось: 1) составить полное учреждение для управления его, с принадлежащим к тому штатом, 2) окончить внешние и поверхностные части плотины. Учреждение составлено и написано, проекты штатов также сделаны, и все сие снято и проверено с опыта, не успели только вместить некоторых статей, кои по опыту настоящего винокурения оказались нужными. Плотина также в существенных частях вся устроена, и с нынешней воды все запасы её придут в полное действие, остаётся только одна внешняя планировка и разные мелочные постройки, на кои сметы также изготовлены»[1].

Из поля зрения Сперанского не выходили заботы и о народном здравоохранении. Как правило, больниц для простого народа тогда совершенно не было. Существовали только больничные дома и лазареты для солдат и офицеров. Врачебная управа руководила уездными врачами, или, как их тогда называли,—«лекарями», которые больше занимались следствиями об умерших и убитых. Сперанский всемерно стал поощрять развитие частной врачебной практики и медицинской помощи населению. На его призыв откликались

1. В память графа Сперанского. Изд. С.-Петербург, 1872 г., стр. 482.

передовые люди. Братья Александр и Пётр Хрущевы в Краснослободском уезде, в своём селе «Новопокровском (Оброчное) открыли на 36 коек больницу» для больных разного звания людей, которые, не имея возможности к излечению себя и быв лишены необходимейших способов к получению всякой помощи, обыкновенно в таких случаях потребной, находят тут не только готовое и всеми нужными вещами снабжённое пристанище, но и содержание во всё время пребывания их в оной больнице»[1].

Сперанский ввёл в губернии прививку оспы в обязательном порядке. Одновременно он упорно боролся с косностью людей, которые всячески препятствовали и тормозили его мероприятия. Были случаи, когда священники отбирали у оспопрививателей инструменты. Сперанский без сожаления карал таких попов.

Будучи пензенским губернатором, Сперанский нередко выступал в защиту прав крестьянства и наказывал помещиков за жестокое обращение их с крестьянами. Саранский помещик из знатной дворянской фамилии и с большими связями Струйский Леонтий засёк своего дворового Михаила Семёнова-Вольнова. Получив извещение о действиях Струйского, Сперанский предложил его судить. В феврале 1817 года дело об убийстве Вольнова Струйским разбиралось в Саранском уездном суде. Суд приговорил Леонтия Струйского — «За лишение человека через жестокое бойство жизни» — к лишению всех чинов и дворянства и к ссылке на поселение. Однако, губернская уголовная палата ограничилась отдачей Леонтия Струйского на два года в монастырь на покаяние. Сперанский обжаловал решение губернской палаты в Правительствующий Сенат и просил утвердить решение Саранского уездного суда. Одновременно Сперанский приказал Струйского посадить на гауптвахту, где Струйский находился до дня отправки на поселение.

Правительствующий Сенат согласился с решением уголовной палаты и отклонил предложение Сперанского. Сперанский и на сей раз не согласился с беззаконием. Он опротестовал решение Сената в Государственный Совет, поставил вопрос настолько остро, что Государственный Совет вынужден был отправить Струйского на поселение в Сибирь[2], пос-

1. Пензенский Облгосархив, Ф. 5, дело 334, лист 3.

2. Подробнее об этом см. в книге И. Д. Воронина „А. И. Полежаев. Жизнь и творчество", г. Саранск, 1941 г.

за чего Сперанский предупредил наследников Леонтия Струйского и опекунов его имения, чтобы они в отместку за это «не чинил препятствий своим людям»[1].

С такою же строгостью Сперанский окончил дело, тянувшееся около десяти лет, об одной помещице, которая до смерти истыкала перочинным ножом несовершеннолетнего крепостного мальчика за то, что он недосмотрел за её кроликом.

Сперанский не терпел несправедливости. У крестьян деревни Пурдошки, Краснослободского уезда, власти отобрали земли, исстари им принадлежавшие и находившиеся вблизи их селения, заменив эти земли другими, находящимися в более отдалённых местах и непригодными для хлебопашества. Крестьяне, не находя себе защиты, решили отстаивать свою собственность силою и ежегодно при уборке сена, выходя на старинные свои луга, сгоняли тех, кому они были переданы, причём дело не обходилось без драки, а иногда даже убийств. Так продолжалось более пяти лет, и каждый раз следствие устанавливало виновность крестьян. В итоге сотни крестьян подвергались телесному наказанию, большое количество было сослано на поселение. Последнее решение Сената по этому делу по времени совпало с приездом Сперанского в Пензу. Сперанский немедленно приостановил приведение в исполнение указа Сената и потребовал к себе всё производство дела. Изучив дело, он пришёл к выводу, что источник постоянных ссор заключается в неправильном решении дела, опротестовал решение перед министром юстиции и добился его пересмотра. После этого наказание применено было только к трём человекам, уличённым в «смертоубийстве», а все другие участники были оправданы, старинная пурдошанская земля была возвращена крестьянам, а накопившуюся задолженность на пурдошанских крестьян, около 40 тысяч рублей, предложено было взыскать с виновных в неправильном решении дела[2].

В Пензе Сперанский приобрёл большую любовь со стороны лучших людей того времени, а он, в свою очередь, полюбил Пензу, и если ему кто-нибудь говорил, что Пенза—захолустный городишко, Сперанский всегда возражал.

В письме к одному приятелю он писал: «Как Вы были несправедливы, описывая мне Пензу пустынею, и не говорите

1. Пензенский Облгосархив, Ф. 23, дело 114.
2. Русский архив, 1870 год, стр. 893.

о недостатках ни ремесленников, ни учителей, ни книг, — всё это соберётся и уже собирается».

Сперанский не прочь был остаться в Пензе на постоянное жительство, но в 1819 году он получил назначение сибирским генерал-губернатором и 7 мая того же года выехал из Пензы.

П. Д. Степанов,
кандидат исторических наук.

ЕЩЁ ОДИН ПАМЯТНИК ДРЕВНЕЙ МОРДВЫ В ДОЛИНЕ р. СУРЫ.

Долина р. Суры дала несколько памятников, которые всеми исследователями единогласно связываются с древнемордовскими племенами первой половины и середины 1-го тысячелетия н. э. Мы имеем в виду Сергачский, Иваньковский и Армеевский могильники. Два первых памятника расположены на нижнем течении р. Суры, а последний—в верховьях той же реки. Значительное пространство среднего течения р. Суры было мало исследовано и не давало материалов для обобщающих выводов по истории древнемордовских племён, об их расселении и быте.

Упомянутые выше памятники были одного типа — ритуальные памятники, и потому могли давать своим вещевым комплексом ответ лишь на часть вопросов, связанных с древней историей мордвы. Этого было совершенно недостаточно для воспроизведения бытовой обстановки, хозяйственной деятельности, общественных форм древнемордовских племён. Только похоронный ритуал можно хорошо было восстанавливать по этим материалам.

Между тем географическое размещение указанных памятников, их одновременность и однокультурность заставляли делать некоторые предположения. Если можно было говорить о том, что древнемордовские племена в начале н. э. расселялись вдоль реки Суры, то мы не могли утверждать, что они жили на всём протяжении реки Суры и каков был характер их жизни. Не могли мы также решать вопроса об автохтонности мордвы — вопрос чрезвычайно острый и трудный для решения, тем более, что в этой области как раз много всевозможных, часто неправильных, суждений.

Работы археологических экспедиций, организованных Мордовским научно-исследовательским институтом в послевоенное время дают материалы для освещения многих неясных сторон истории мордовских племён середины 1-го тысячелетия н. э., живших в бассейне р. Суры. На основе этих новых материалов в настоящее время можно сделать некоторые обобщающие выводы, хотя и предварительного порядка.

Археологическая экспедиция, проведённая нами в 1945 г., открыла 11 городищ и ряд селищ в восточной части Мордовской АССР, прилегающей к р. Суре, которые составляют только часть густо заселённого района, занимающего пространство от р. Чеберчинки на западе и до р. Барыша на востоке. Река Сура в пределах этого района была важнейшей транспортной артерией, около которой кипела жизнь в середине 1-го тысячелетия н. э. и ранее.

Район этот занимал чрезвычайно выгодное положение. Он был громадным лесным полуостровом, уходящим далеко на юг в степную зону, которая такими же длинными языками далеко в этих местах уходила на север. К этому району близко подходили судоходные реки, соединяющие его с далёким югом — Хопёр, Медведица, Дон. Также хорошо этот район был связан и с севером по Суре, Волге и Каме. Нет более удобного для сообщения и короче пути, как по реке Суре из Приазовья в Прикамье и Приуралье, а также и на верхнюю Волгу. Культурно и хозяйственно развитые районы юга связывались этим путём с районами, изобилующими разным металлом, мехами и другими богатствами, к тому же имевшими значительное население. Поэтому совершенно естественно, что население с древнейших времён располагалось на жительство вдоль этого магистрального водного пути. (Нам известны в верховьях р. Суры 6 городищ и ряд селищ; в среднем течении — 11 городищ и ряд селищ да по сведениям Поливанова 13 городищ; на нижнем течении — 2 могильника, и, несомненно, есть и городища и селища). Этот путь был хорошо известен древним греческим писателям и историкам и до начала н. э. и позднее.

Позднее на этом пути оседают или здесь формируются древнемордовские племена, могильники которых и поселения мы знаем близ Армеева, Сергача и Иванькова. Приведённый перечень памятников следует расширить за счёт новых, открытых нами на территории Мордовской АССР, по среднему течению р. Суры. Эти памятники являются, по нашему мне-

нию, лишь частью того, что может быть ещё открыто дальнейшими исследованиями на очерченной выше территории между реками Чеберчинкой, Сурой, Барышем. Мы имеем в виду, главным образом, территорию вдоль реки Суры от с. Кирзать к северу до впадения р. Барыш и по Барышу с его притоками, где, по данным Поливанова на 1900 г., указаны упомянутые выше 13 городищ. Если считать, что все данные Поливанова подтвердятся (а это вполне возможно), то, считая наши 11 городищ, мы будем иметь на площади 8.065 кв. км. 24 городища и столько же, или более того, селищ.

Такое скопление памятников однотипных и, может быть, одновременных и одноплемённых заставляет обратить на этот район особое внимание. К тому же здесь нами открыт новый памятник, которому мы посвящаем свою статью, относящийся к 1-му тысячелетию н. э. и принадлежащий, бесспорно, далёким предкам мордвы. Нам кажется также, что в этом районе должен быть найден и не один, а несколько древнемордовских могильников армеевско-сергачского типа.

После этого краткого обзора района наших работ переходим к характеристике открытых нами мордовских древностей. На этот раз перед нами несколько необычный памятник, впервые открытый, — место поселения древней мордвы — городище «Ош Пандо».

Впервые мы находим городище, на котором в середине 1-го тысячелетия н. э. определённо жили предки мордвы. Все предыдущие находки отдельных предметов, принадлежащих древней мордве, на территории того или иного городища или селища не идут в сравнение с тем, что открыто нами в городище «Ош Пандо». Только материалы с Армеевского селища близ городища № 2, где были обнаружены остатки построек в виде курганообразных насыпей с вещами, аналогичными вещам Армеевского могильника, близки к тому, что открыто нами. Приходится, однако, высказывать своё сожаление, что раскопки Армеевского посёлка были произведены поспешно, недостаточно тщательно и в небольшом объёме: было вскрыто всего четыре насыпи. Научный интерес этого памятника, как единственного в своём роде, огромный, и потому было бы необходимо продолжить начатые работы и опубликовать все имеющиеся по нему материалы. Можно думать, что материалы с Армеевского селища и с городища «Ош Пандо» помогли бы нам широко и детально осветить

многие стороны жизни древнемордовских племенных объединений.

Городище «Ош Пандо» находится близ с. Сайнино, Дубёнского района, Мордовской АССР. Оно было открыто разведочной экспедицией в 1945 г., когда на его поверхности была найдена бронзовая трапецевидная шумящая подвеска кошибеевско-армеевского типа. Эта находка была основанием для постановки раскопочных работ летом 1946 года. В результате раскопок 315 кв. м. площади на городище были обнаружены остатки нескольких построек-землянок, из которых одна была разработана полностью, а вторая — частично. Кроме того, был собран значительный вещевой, керамический и костный материал в культурном слое. Судя по вещевому материалу, на городище было два культурных напластования, поэтому пока трудно ответить на вопрос о том, кто является создателем самого городища. Но несомненно, что городище использовалось древней мордвой для жизни в продолжение длительного периода.

Чрезвычайно важно то обстоятельство, что непосредственно за валом городища, на прилегающей довольно обширной площадке, были найдены многочисленные остатки жизни человека в виде керамики, криц и шлаков, каменных точилок и др. вещей. Эти вещи очень близки тем, что мы находим на площади городища. Следовательно, здесь располагалось какое-то поселение или одновременное с поселением на городище, или несколько более позднее, но жили здесь представители того же народа, что и на городище.

Чтобы не быть голословными, утверждая принадлежность указанных выше памятников именно древнемордовскому племени, ниже мы даём анализ того материала, который в настоящее время имеется в руках исследователя в результате первых раскопок городища.

Культурный слой городища, а также засыпка землянок содержали значительное количество предметов вооружения, орудий производства, предметов украшения и в большом количестве обломки глиняной посуды, остатки пищи в виде костей животных и довольно значительное количество остатков железоделательного производства в виде криц, шлаков и запасов железной руды.

Большинство из упомянутых выше вещей имеют более или менее близкие аналогии в вещах других памятников, которые многими учёными (П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков

и др.) считаются принадлежащими далёким предкам современной мордвы — древнемордовским племенам. У нас нет оснований опровергать эти утверждения, и потому один из комплексов с городища «Ош Пандо» мы относим также к одному из древнемордовских племён, жившему в середине 1-го тысячелетия н. э. по среднему течению р. Суры.

Переходим к фактическим данным.

Вооружение. Наконечники стрел найдены железные и костяные. Железные представлены двумя типами: плоские, треугольной формы, с двумя боковыми жальцами, черешковые и трёхперые черешковые. Трёхперые представлены двумя разновидностями: один экземпляр наконечника сделан очень изящно и пропорционально, боковые перья начинаются только со второй трети длины, конец же массивный, сплошной, трёхгранного сечения. Заканчивается стрелка трёхгранной шейкой с уступчиками над круглым стержнем, равным половине общей длины наконечника. На шейке можно наблюдать следы обмотки ниткой древка стрелы. Второй наконечник этого же типа отличается тем, что у него перья начинаются прямо с острия и отсутствует хорошо оформленная шейка.

Тип плоских стрел имеет ближайшую аналогию в числе находок на Теньгушевском городище в западной части Мордовии (раскопки Е. И. Горюновой)[1]. Затем такие же стрелки имеются в Кошибеевском могильнике[2] и среди вещей, взятых на городище Березняки[3]. Все эти памятники датируются 1-й половиной 1-го тысячелетия н. э.

Тип трёхперых стрел имеет ближайшие аналогии среди вещей Армеевского могильника, причём экземпляр из погребения № 79 абсолютно совпадает по величине и форме[4].

Костяные наконечники стрел представлены тремя типами. Один тип — четырёхгранных, черешковых, имеет аналогии среди вещей с «костеносных» городищ Прикамья. Второй тип—копьевидных, плоских, черешковых, имеет аналогии среди вещей Теньгушевского городища[5]. Третий тип — листовидных, черешковых, аналогии имеет среди вещей с «костеносных» городищ. Хронологическая датировка всех этих вещей, по нашему мнению, должна быть более ранняя по сравнению с железными наконечниками, т. е. она может уходить в первые столетия до н. э.

1. *Е. И. Горюнова.* Раскопки Теньгушевского и Наровчатского городища в 1933 г. Кр. Сооб. записки МНИИ, вып. V, стр. 77.
2. *Древности мордовского народа.* Саранск, 1941 г., таб. VI—27.
3. *П. Н. Третьяков.* К истории племён В. Поволжья в I тыс. н. э., МИА, № 5.
4. Саратовский обл. музей. Армеевский мог. Погр. № 79, 58, 85.
5. *Е. И. Горюнова.* Крат. Сооб. Института Истории Материальной Культуры Академии наук СССР (ИИМК АН СССР), в. V, стр. 77.

Остатки кольчуги представлены несколькими находками отдельных колец и одной находки целого звена кольчуги из 4-х колец. Кольца сделаны из тонкой железной проволоки. У некоторых колец концы поставлены на заклепки. Кольчуга — предмет явно чуждый на городище. Явиться сюда она могла и с востока—от булгар, и с юга—от хазар, и с запада—от славян. Вероятнее всё же предполагать восточное происхождение, из арабского мира. Датировка по найденным остаткам возможна только приблизительная — 1-е тысячелетие н. э., причём, несомненно, только вторая половина.

Орудия труда. Ножи железные встретились только одного типа — с прямым утолщённым обушком. Для насадки рукоятки имеется прямой же плоский черешок. Аналогичные типы ножей мы имеем среди вещей Армеевского, Кошибеевского и других одновременных им могильников. Датируются эти вещи серединой 1-го тысячелетия н. э.

Зубильце железное, длиной в 5,2 см., квадратного сечения 1×1 см. От долгого употребления верхняя часть зубильца сильно разбита. Аналогии этому предмету нам пока не известны.

Поделки из кости. Проколка из ножной кости барана, конец обломан. Гладилки из рёбер коровы найдены в нескольких обломках. Поверхность этих гладилок отлично отшлифована от долгого употребления при обработке кожи. Рукоятка от шила, сделанная из кости барана. Датировка этих вещей пока затруднительна, т. к. в них мало типичных черт, употреблялись же они в течение многих столетий.

Пряслица. Найдены пряслица целые и обломки, в очень большом количестве—более 70 шт. Делятся пряслица резко на две группы. Одна группа состоит из трёх типов. Эти пряслица, как правило, крупные, сделанные из грубого материала и грубы по обработке. Первый тип—грушевидной формы, с небольшим отверстием, с орнаментом ямками. Второй тип—бочонкообразной формы, похожие на грузило от сетей, с небольшим отверстием. Третий тип—цилиндрические, шпулькообразные.

Прямые аналогии имеются к третьему типу среди вещей Теньгушевского[1], Чардымского[2] городищ, а в целом ко всей

1. *Е. И. Горюнова.* Указ. сочин.
2. Саратовский обл. музей. Чардымское городище.

группе аналогии имеются среди вещей с городищ Дьякова и Городецкого типа. Датируются эти памятники началом 1-го тысячелетия н. э.

Вторая группа пряслиц преимущественно биконической формы, большинство имеет отчётливо выраженное ребро посредине. Всего в этой группе 67 шт., из них только у 9 отсутствует указанное выше ребро, и они имеют округлую наружную поверхность. Диаметр пряслиц колеблется от 1,4 до 3,5 см., но преобладают с диаметром от 2,3 до 2,9 см, их 44 шт. Преобладают пряслица с широким отверстием, диаметром от 0,8 до 1,2 см, их 53 шт. Отношение общего диаметра к диаметру отверстия преобладает в два, два с половиной, три раза, таких случаев 60 из 67. Толщина пряслиц, т. е. размер поперечного сечения, колеблется от 0,5 до 1,7 см, причём преобладают размеры от 1,0 до 1,3 см, их 42 шт. Отношение толщины к общему диаметру также преобладает в два, два с половиной, три раза, таких имеется 60 случаев из 67.

Таким образом, эту группу пряслиц можно характеризовать как мелкие, нетолстые, с большим отверстием.

Сделаны пряслица из хорошей отмученной глины, хорошего обжига, у некоторых поверхность вылощена. Обжиг преимущественно тёмный или чёрный, но есть несколько штук жёлтого обжига.

Наибольшее количество пряслиц было найдено при расчистке землянки № 2.

Аналогии этой группе пряслиц мы имеем среди вещей Армеевского могильника (мог. 125, 82, 87, 105, 21, 42, 45, 60, 89,112); среди вещей Кошибеевского могильника [1], где также пряслица имеют большие отверстия; среди вещей Борковского и Кузьминского могильников. [2] Близкие по форме пряслица были обнаружены на городище на устье р. Сонохты. [3] Все указанные памятники датируются серединой 1-го тысячелетия н. э.

Среди прочих вещей этой группы обращает на себя внимание своеобразная глиняная коническая привеска, высотой 3,8 см, толщиной у основания 2,0 см, с отверстием для подвешивания в верхней части. Этот предмет был, повидимому, предназначен служить при ткацком производстве в качестве грузика, так как для рыболовной снасти он мало пригоден.

1. Древности морд. народа, стр. 31, т. VII—1, 2, 15, 16, т. XIII—9.
2. Там же, т. X—1, т. XIV—2.
3. *П. Н. Третьяков.* Указ. соч.

Совершенно аналогичная вещь была найдена при раскопках ЮЗ части Тиритаки в Крыму (дл. 4,0 см, шир. 2,5 см) в культурном слое, который датируется VI—IV в. в. до н. э. [1].

В культурном слое было найдено также несколько обломков точильных камней из серого песчаника, которые могли служить для точки топоров, ножей и др. вещей. Присутствие этих предметов объясняется широким применением в быту обитателей городища железных изделий, изготовлявшихся здесь же, на городище. Точила разного типа были встречены также среди вещей селища близ городища № 2 в Армееве и на В. Волжских городищах. Все эти памятники относятся к середине 1-го тысячелетия н. э.

В числе прочих вещей на городище были собраны многочисленные остатки крич и железных шлаков. Крицы представляют куски нечистого железа, одна сторона их имеет сферическую форму, как бы отпечаток округлого дна небольшой железоделательной печи, а верхняя сторона всегда вогнута—след осадки, уплотнения металла при остывании. Некоторые куски шлаков имеют одну сторону полукруглую—отпечаток боковой стенки плавильной печи, а другую сторону прямую, но с неровной рубчатой поверхностью—след застывания кипевшей массы. В шлаках заметно большое количество извести как примеси, о чём свидетельствует своеобразный запах негашёной извести.

Помимо городища крицы и шлаки найдены нами на селище за валом, на Карлейском селище в 15 км. от городища и на некоторых других городищах и селищах Дубёнского района МАССР.

Аналогичные вещи исследователи отмечают среди материалов с селища близ гор. № 2 в Армееве, с Теньгушевского и В. Волжских городищ, в частности, с устья р. Сонохты. Датировка подобных вещей не может быть точной, но она не выходит за пределы 1-го тысячелетия н. э.

Кроме крич и шлаков в одном из шурфов был найден запас неплавленной железной руды, хранившийся в развалившемся горшке.

Украшения. Шумящие привески трапецевидной формы найдены трёх типов. Один тип — гладкой, правильной трапецевидной формы, с отверстием в узкой части для под-

1. Матер. и исслед. по Археол. СССР, вып. IV, 1941 г., стр. 44, рис. 65.

вески, сделанный из листовой бронзы (дл. 2,3 см, шир. 1,8 см и дл. 2,1 см, шир. 1,3 см). Этот тип привесок встречается в большом количестве среди вещей Армеевского могильника (мог. 2, 4, 3, 70), среди вещей Борковского и Кузьминского могильников,[1] среди вещей с «полей погребений» из Черняхова, Киевск. у.[2] Аналогичная привеска найдена в Сарматском кургане близ г. Покровска, в погребении с сожжением[3]. Все указанные памятники датируются 1-й полов. и серединой 1-го тысячелетия н. э.

Второй тип отличается величиной (дл. 4,3 см, шир. 2,1 см) и применением орнаментации мелкими ямочками вдоль нижнего края и боковых сторон. Кроме того, у этого типа нижние углы и боковые стороны несколько выпрямлены.

Аналогичные или близкие вещи мы имеем среди материалов Зуевского могильника (пог. № 27), относимого к Пьяноборской эпохе, т. е. к начальным векам н. э.[4].

Третий тип близок второму (дл. 4,2 см, шир. 2,9 см). Он отличается только тем, что боковые стороны его выпрямлены не были, и точечный орнамент расположен лишь по нижнему краю в один ряд. Близкими по форме являются привески среди вещей могильника Атамановы кости, но там они без орнамента.[5]

Находка на Сайнинском городище вещей, типичных для древностей Прикамья, представляет большой интерес и может рассматриваться как результат связей, имевших место в начале н. э. и позднее.

Привеска в виде квадратной бляшки из серебра, с прямоугольными вырезами со всех четырёх сторон (дл. 2,2 см, шир. 2,0 см). В одном из углов для подвески бляшки было проделано отверстие. Позднее, когда сломалась перемычка, на которой держалась при подвешивании бляшка, в боковых лопастях были пробиты дырочки, при помощи которых бляшка была нашита на одежду. Бляшка сильно измята.

Близкие по форме и назначению бронзовые бляшки мы имеем среди вещей Армеевского могильника (мог. № 42, 113)

1. Древн. морд. народа, т. XIV—10, XIX—6, XX—16, XXIII—14, 17.
2. Древности Приднепровья, вып. VI, т. XVIII, стр. 308.
3. Учён. Зап. Саратовского ун-та, т. VI, в. III, Саратов, 1927 г., т. II.
4. Материалы ГАИМК, вып. 2. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына 1898 г. Л. 1933 г., т. V—20, 22, 23.
5. Древн. морд. народа, т. V—6.

и в Борковском могильнике[1]. Эти вещи датируются серединой 1-го тысячелетия н. э.

Нагрудные бляхи представлены одним типом—ажурных, литых из бронзы, с выступающими по наружному краю шестью парными шишечками и с иглой из бронзы. Рисунок наружной стороны кольца имитирует стержень, обмотанный ремешком или верёвочкой. При этом желобки, подражающие обмотке, после отливки были подправлены напильником. Напильником же подправлены шишечки и промежутки между ними и кольцом. Обратная сторона гладкая и после отливки ничем не обрабатывалась. Видно, что отливка производилась в открытой, односторонней форме. Второй экземпляр представлен в обломке, без всякой обработки после отливки. Работа исключительно грубая.

Аналогичную вещь мы имеем в Армеевском могильнике (мог. № 12), но более изящную по форме и более совершенную по отделке. Здесь имеется восемь парных шишечек, а самое кольцо имитирует три параллельных свёрнутых жгутика. Вещь сделана из серебра. Близкие по форме бляхи имеются также среди вещей Кошибеевского могильника и среди вещей Борковского могильника[2]. Датировка всех этих вещей, как говорилось не раз выше, — середина 1-го тысячелетия н. э. Эта вещь восходит к формам отдельных вещей из Пьяноборского могильника.

Кольцевые застёжки-сюлгамы представлены одним типом—проволочных, круглых, с расплющенными концами, свернутыми в спираль. Диаметр застёжки равняется 3,1 см. Данного вида вещи встречаются в большом количестве во многих древнемордовских могильниках, но типологически они не однообразны. Наиболее близкие аналогии имеются среди вещей Армеевского могильника (мог. № 31). Датировать эти вещи следует временем не ранее середины 1-го тысячелетия н. э. ввиду того, что спиральные завитки на концах сюлгамы уже значительно шире толщины кольца. Это, возможно, переходный этап к «усатым» сюлгамам, которые получили широкое распространение в конце 1-го тысячелетия н. э.

Поясные пряжки представлены четырьмя типами. Первый тип—в форме вытянутого и сдавленного посредине кольца, сделанного из четырёхгранного железа, с изогнутым язычком.

1. Древности мордовского народа, т. XIV—3, XVII—6.
2. Древн. мордов. народа, т. IX—27, XV—1,4.

Имеет в длину 5,2 см, в шир. 2,2 см. Ближайшие полные аналогии мы имеем среди многочисленных находок подобных предметов в Армеевском могильнике (мог. № 1, 2, 5, 7, 25, 29, 39, 52, 59, 61, 80, 100, 118), где подобные пряжки были сделаны из бронзы и железа. Датировка этой вещи не ранее середины 1-го тысячелетия н. э.

Второй тип—в форме прямоугольных, железных, длинные стороны несколько вдавлены внутрь, без язычка. Аналогичные формы мы имеем среди вещей Кошибеевского, Борковского и Максимовского могильников[1]. Датируются эти памятники серединой 1-го тысячелетия н. э.

Третий тип представлен хоботовидным язычком от пряжки. Пряжки этого типа небольшие по величине, обычно имели округлую форму наружной утолщённой стороны. Та часть, где прикреплялся язычок и ремень, была прямая и более тонкая. Подобного типа пряжки встречены в большом количестве в Армеевском могильнике, где они часто применялись для обуви (мог. № 6, 92, 112, 124, 2, 22, 42, 104, 46, 105, 111, 123). Такие же пряжки мы имеем среди вещей Борковского и Холуйского могильников[2] и среди коллекции вещей Ханенко из Киевской губернии.[3] Аналогичные пряжки имели распространение в погребениях у Новогригорьевки, Екатеринослав. губ.[4] и среди вещей других памятников нашего степного юга. Датировка всех указанных выше памятников укладывается в середине 1-го тысячелетия н. э.

Четвёртый тип представлен пряжкой из бронзы, с железным язычком, лировидной формы, литой. У этой пряжки недостаёт обоймы, при помощи которой она прикреплялась к ремню. Аналогии имеются в вещах Перещепинского клада,[5] где встречены пряжки того же типа.

Бронзовое кольцо, служившее для прикрепления обоймы или же ремня, сделано из проволоки круглого сечения. Форма кольца круглая, концы не сомкнуты. Аналогичные вещи встречаются в Кошибеевском и Борковском могильниках и могут быть датированы серединой 1-го тысячелетия н. э.

Трубочки из бронзовых листочков, цилиндрической формы, дл. от 3,8 см до 4,2 см, диаметром 0,5 см. Сначала мы

1. Древн. морд. народа, т. XI—6, XXI—17, XXIV—1.
2. Там же, т. XI, 16, т. XII—29.
3. Древн. Поднепровья, том IV, т. XVIII—217 а—4 шт.
4. Т. Минаева. Уч. Зап. Саратов. Гос. Ун-та, т. VI, в. III.
5. Матер. по Археол. России, № 34, II., 1914 г. Гр. Бобринский. VII—4.

склонны были эти трубочки относить к более древнему фатьяновскому комплексу вещей, где также встречаются бронзовые трубочки в качестве привесок, но вероятнее предположить, что перед нами остатки древнемордовского накосника, подобного найденному в Армеевском могильнике (мог. № 74, 56)[1]. Последняя параллель более убедительна, т. к. совпадают не только форма, но и размеры. Таким образом, датировка этих вещей лежит в середине 1-го тысячелетия н. э.

Обломок перстня из бронзы, плоско-полукруглого сечения, заострённый. По имеющемуся обломку трудно восстановить самую вещь. Это могло быть простое спиралевидное кольцо, или же кольцо, имеющее в середине широкую часть. Такого типа перстни мы имеем в Лядинском, Томниковском и Максимовском, а также и в Кошибеевском, Борковском и Кузьминском могильниках[1].

К этой же группе вещей следует отнести браслетообразную бронзовую полоску трёхгранного сечения, толщ. 0,2 см, которая могла являться выпрямленной спиралью.

Датировка указанных выше вещей затруднительна, т. к. они недостаточно типичны и представлены во фрагментах, по которым трудно судить о самих вещах.

Бусы найдены в количестве 12 шт., разные по форме и по материалу. Большинство бус сделано из белой пасты. Есть 2 шт. в форме кубиков, со срезанными углами, из стекла. Есть одна бусина из красно-кирпичной пасты. Часть бус имеет аналогии в Армеевском, Кошибеевском, Барковском и Кузьминском могильниках[2]. Красная пастовая бусина совершенно такого типа, что и в Армеевском могильнике. Этого типа бусы, как известно, позднее VII в. не распространены, поэтому для определения даты нашего городища эти предметы будут играть весьма важную роль.

Керамика. В культурном слое городища собрано значительное количество обломков горшков: шеек, боков, днищ. Целых горшков не было обнаружено. Характерными особенностями посуды описываемого типа являются: плоское дно, короткое горло, края шейки отогнуты наружу, слегка или сильно вздутые бока и редкое применение орнамента в

1. Древн. мордов. народа, т. т. XXVI—9, II—5, 13, 14, IV—6, 9, 3 IX—9, XXII—13.
2. Древн. мордов. народа, т. XXVIII—XXI, VI.

виде ямок на шейке, нарезок и защипов по верхнему краю венчика.

Посуда изготовлялась из грубого глиняного теста с примесями и имела преимущественно серый обжиг. Поверхность стенок снаружи и внутри грубо выглажена. Лепка горшков ручная, причём ясно заметны следы техники «налепом». Толщина стенок колеблется от 0,6 до 1,2 см. Днища горшков имеют следы подсыпки песка или золы для удобства снимания после окончания лепки. При этом некоторые днища имеют ярко выраженное углубление—следы значительного количества подсыпки.

Размеры посуды в целом установить невозможно, особенно высоту сосудов. Но диаметр венчика и днища по наличным обломкам поддаётся измерениям. Измерения венчиков дали следующие результаты: диаметр горла — 12, 14, 16, 17, 19, 20, 30, 40 см. Число измерений здесь было несколько ограничено. Значительно больше даём измерений днищ. Было измерено 71 обломок, которые дали следующие цифры: днищ с диаметром в 5 см—1 шт., 6 см — 5 шт., 7 см — 2 шт., 8 см—7 шт., 9 см—2 шт., 10 см—12 шт., 11 см—3 шт., 12 см—24 шт., 13 см—3 шт., 14 см—8 шт., 16 см—2 шт., 20 см—1 шт. Можно считать господствующей величину горла в 12 — 20 см, днища—в 8 — 14 см. Но есть и большие корчаги с днищем в 20 см и отверстием горла до 40 см. Этой посуде принадлежат наиболее толстые обломки стенок и днищ.

Вся описываемая посуда служила для варки пищи, хранения молочных и сыпучих продуктов, наряду с деревянными и берестяными сосудами, а также для носки воды. В стенках некоторых горшков имеются сквозные просверленные отверстия.

В числе керамического материала следует отметить многочисленные обломки глиняных крышек, служивших, видимо, для покрывания горшков во время варки пищи. Считать эти обломки глиняными сковородками, применявшимися для печения или жарения пищи, у нас нет основания, т. к. все они сделаны довольно небрежно, из плохого материала, имеют плохой обжиг и не имеют бортиков. Многие сделаны настолько плохо, что в настоящее время крошатся на мелкие части.

Форма крышек дискообразная. Имеется два типа. Один тип имеет толщину 1,0 см и сделан из хорошо промешанной

и хорошо обожжённой глины. Края крышек скошены. Поверхность довольно гладкая. Лепка производилась также с подсыпкой золы или песка, т. к. одна сторона ровная, но с оттисками посторонних частиц, а другая имеет оттиски пальцев.

Другой тип крышек имеет толщину 1,5 см и сделан из плохо промешанной глины. Этот тип имеет часто с одной стороны орнамент в виде ямок, идущих от центра и по окружности.

Аналогичные крышки найдены на селище за валом городища, на Карлейском селище в 15 км от городища, а также на нескольких городищах и селищах по р. Чеберчинке в Присурском районе.

Керамика описанного типа имеет распространение на всех Присурских городищах и селищах в пределах Мордовской АССР. При этом совпадение наблюдается в форме, технике и материале, что можно считать свидетельством одновременности, а также одноплеменности народа, оставившего эти вещи.

Керамика, близкая по типу сайнинской, имеется в могилах Армеевского, Кошибеевского, Борковского, Кузьминского и других одновременных могильников, датируемых 1-й половиной и серединой 1-го тысячелетия н. э. Такая же керамика встречена на селище и в остатках построек около гор. № 2 в Армееве.

Подводя общий итог характеристике вещевого материала рассматриваемого комплекса, взятого из городища «Ош Пандо», мы должны отметить несколько фактов.

1. Наибольшее количество вещей, аналогичных с сайнинскими, мы встречаем среди находок на древнемордовских памятниках, главным образом в могильниках: Кошибеевском, Барковском, Кузьминском и особенно Армеевском, наиболее близко расположенном. Это обстоятельство даёт нам право утверждать, что перед нами памятник, оставленный одной из древнемордовских групп или одним из древнемордовских племён. Отдельные аналогии с вещами прикамских, приднепровских и южно-волжских памятников свидетельствуют убедительно о несомненно существовавших каких-то связях между присурскими древнемордовскими племенами с племенами, жившими в Приднепровье, в Прикамье и на Нижней Волге.

2. Большинство памятников, которые имели вещи, аналогичные сайнинским, датируются средними столетиями 1-го тысячелетия н. э. Эту дату с некоторыми отклонениями во вторую половину 1-го тысячелетия мы считаем возможным присвоить и вещам нашего городища. Пока мы не можем точно сказать, что население ушло с городища в VII в. или VIII в., но несомненно, что трагическое происшествие, в результате которого население с городища бежало, произошло около этого времени. Данное событие можно поставить в связь с теми значительными передвижениями племён Поволжья, в результате которых в районе Прикамья возникло государство прикамских булгар, а на юге оформилось Хазарское государство.

3. Наибольшее число аналогий сайнинских вещей с вещами из Армеевского могильника, расположенного также в бассейне реки Суры, всего на расстоянии около 200 км к югу от городища, можно считать весьма показательным. Перед нами, несомненно, памятники однокультурные, одновременные и одноплеменные. Другими словами, долина реки Суры в течение ряда столетий была занята представителями одного древнемордовского племени, которые имели здесь свои поселения, укреплённые городища, могильники. Это племя могло жить мелкими группами по мелким речкам вдоль обоих берегов судоходной реки Суры. Не могло оно целиком, будучи невелико по числу людей, медленно передвигаться вдоль реки Суры к северу или югу, в поисках более благоприятных мест, чем также можно объяснять существование однокультурных памятников в бассейне одной реки. Перед нами такие факты, как Сергачский могильник, датируемый первыми веками н. э., расположенный на нижнем течении реки Суры, и наше Сайнинское городище, а также и Армеевский могильник, расположенные на среднем и верхнем течении Суры, датируемые более поздними столетиями. Но все эти памятники содержат однообразные вещи, что требует своего объяснения.

Но прежде чем давать общую характеристику жизни древнемордовских племён Присурья, мы должны ознакомиться с местами их последней и типами жилищ, которые нам известны.

На городище траншеями были обнаружены остатки жилищ в виде землянок. Одна землянка, расположенная в центральной части площади городища, была вскрыта полно-

стью (№ 2), а две другие (№ 1 и № 3) были вскрыты частично. Судя по материалам траншей и шурфов, имеется ещё несколько построек.

Землянка № 2.

Мы даём описание именно этой землянки потому, что она полностью раскрыта и может служить некоторым образцом соответствующего типа построек на городище. Ей аналогична землянка № 1. Что касается землянки № 3, то её формы пока неизвестны, и относится она, видимо, к другому культурному комплексу, более древнему.

Землянка № 2, как мы указали, располагается в центральной части городища, в той его половине, которая находится ближе к валу, где как будто проходила «улица», т. к. сюда выходит вход землянки № 2, к западу от осевой линии городища, входом на восток. Землянка № 1 подходит близко к южной стороне землянки № 2, но не стоит с ней на одной линии, а отступает несколько к западу.

Землянка № 2 имеет почти квадратную форму размером 7, 8, 7, 7 м. т. е. с площадью в 60 кв. м. со срезанными на 1 метр углами. Таким образом, форма землянки — восьмиугольник с неравными сторонами. Основные стороны землянки ориентированы ЮВЗ—СВВ и ЮЮВ—ССЗ. Вход в землянку помещается близ восточного угла в ЮЮВ стене. Глубина землянки у краёв — 0,6 м, а в центре — 0,85 м.; при чём центральная часть пола-дна землянки представляет ровную площадку без всяких углублений.

На дне землянки никаких следов очагов или кострищ не обнаружено, что заставляет считать её или нежилым помещением, или летним, вероятнее всего, общественного типа сооружением, в котором люди находились не во все времена года. Об использовании этого помещения именно людьми, а не для хозяйственных нужд, говорят многочисленные находки различных хозяйственных и бытовых вещей, среди которых количественно преобладают пряслица.

Внутреннее убранство этой землянки, можно думать, состояло из нар или настила вдоль стен, сделанного из целых или расколотых нетолстых жердей, лежавших концами от центра к стенам. Только так можно истолковать многочисленные остатки обгорелых плах, лежащие параллельно через равные интервалы на дне землянки подле ЮЮВ стены. В центральной части землянки никаких следов обгорелых плах не обнаружено, следовательно помост не был сплош-

ным, а располагался только вдоль стен. На этих нарах и размещались люди в летний период.

Вероятнее всего предполагать, что сюда собирались женщины и девушки, главным образом, для прядения. Эта землянка могла соответствовать по своему назначению мордовской или русской мазанке, которые обычно располагаются против избы на улице, где семья обитает в летнее жаркое время, где спят или занимаются домашними делами, не связанными с приготовлением пищи.

В более высоких слоях засыпки землянки обнаружены многочисленные остатки обгорелого дерева в виде плах, лежащих вдоль стен концами к ним. Это мы считаем остатками перекрытия землянки. Учитывая наличия по углам землянки плах, расположенных веерообразно из одной точки, мы считаем возможным предполагать применение обитателями землянки типа перекрытия, похожего на перекрытия современной крестьянской риги, т. е. четырёхскатная крыша держалась на стропильном каркасе, поставленном концами на края землянки. Такой каркас имел обрешетку из поперечных жердей и продольно положенного хвороста, покрытого сверху травой или камышом. Никаких следов обмазки крыши глиной или покрытия её землей не обнаружено, крыша была лёгкая. Также не обнаружено никаких следов стен ни в виде остатков дерева, ни в виде обмазки жердей или хвороста, таким образом, можно считать, что перед нами полуназемная постройка, не имевшая стен, с земляным полом, с четырёхскатной крышей, с нарами вдоль стен, без очага.

Наличие сгоревших и полусгоревших плах говорит за то, что жилище было сожжено и более не возобновлялось. На территории землянки № 2 никаких следов позднейших сооружений не найдено, что, может быть, находится в связи с прекращением вообще жизни на городище. В таком случае датировка землянки № 2 даёт нам верхнюю, позднейшую дату существования посёлка на городище.

Землянка № 1.

Землянка № 1, расположенная в непосредственной близости от землянки № 2, имеет много общих черт с ней. Хотя эта землянка вскрыта неполностью, она должна быть причислена к тому же типу, что и землянка № 2. Вскрытая площадь этой землянки равняется 42 кв. м.

Отчётливо была прослежена ЮЮЗ сторона землянки, а также противоположная, что позволило установить ширину землянки, которая равняется 7,0 м. Землянка № 1 ориентирована по странам света так же, как землянка № 2. Совпадает и глубина землянки — от 0,6 до 0,85 м.

Однако землянка № 1 даёт и нечто новое. На дне её имеется несколько очагов и зольных пятен. Располагались зольные пятна преимущественно в ЮВ части, близ восточного угла. Размер пятен от 1,5 м и более. В СЗ половине, близ западного угла, находился большой очаг, сложенный из камней. Здесь же было большое скопление золы.

Остатки перекрытия в виде обгорелых плашек были встречены и здесь, причём они располагались совершенно так же, как в землянке № 2. Но в этой землянке горелые плашки располагались преимущественно в восточной половине, и было их значительно меньше, что может находиться в зависимости от неполной раскопки землянки.

Перед нами, таким образом, второй экземпляр постройки, аналогичной землянке № 2, но, видимо, приспособленный для жилья, о чём свидетельствуют очаги и кострища. Сейчас ещё трудно судить о характере этой постройки, т. е. о долговременности её существования. Особенностью этого жилища является то, что очаг в нём не был твёрдо закреплен за определенным местом, хотя мощный слой очажных камней в западном углу говорит о противоположном. Вопрос может быть решён в результате дальнейших раскопок.

Вещевой материал, собранный в засыпке землянки № 1, не отличается от такового же из землянки № 2, но количественно он весьма ограничен. Что касается костного и керамического материала, то он был также обилен.

Можно считать, что обе землянки существовали одновременно, были построены одними и теми же людьми, но имели различные назначения. Надо думать, что число построек на городище не ограничивается этими двумя землянками, но этот вопрос можно будет решить только путём полной раскопки городища.

Наиболее близкой аналогией к открытым землянкам № 1 и № 2 являются открытые в 1927 г. остатки жилищ близ городища № 2 у с. Армеево, Пензенской области (быв. Саратовской губ.). Остатки этих жилищ в виде курганообразных насыпей, в количестве 18 шт., располагаются на опушке леса в непосредственной близости от указанного городища и об-

ширного селища (см. карту). В 1927 г. было раскопано только 4 насыпи, которые дали некоторое количество вещевого материала и позволили установить форму построек. К сожалению, полного описания открытых жилищ и дневников раскопок в печати не имеется. Из того же, что было когда-либо опубликовано, и из материалов Саратовского обл. музея, где хранятся указанные коллекции, мы узнаём, что постройки были «округлой», но, может быть, и квадратной формы, с небольшим углублением в почву до 0,2—0,3 м, обложенные в основании камнем-дикарём на высоту до 0,5—0,6 м. Обнаружены были в этих постройках остатки очагов, которые располагались у стены близ входа. Постройки имели диаметр не более 8—9 м. Крыша, повидимому, обмазывалась глиной, остатки которой встречались в насыпи. Датируются эти постройки найденными вещами, которые полностью аналогичны вещам с соседнего древнего Армеевского могильника, т. е. IV—VII в. н. э.

Близость наших землянок № 1 и 2 армеевским постройкам очень большая. Наша землянка № 2 имеет размер ок. 8 м, армеевская — 8 — 9 м. И те и другие постройки квадратные. «Округлая» форма армеевских соответствует нашей восьмиугольной форме. Глубина землянок № 1 и 2 от 0,6 до 0,85 м совпадает с глубиной армеевских—0,7—0,9 м, считая углубление в почву и каменную обкладку. Форма перекрытия также совпадает, т. к., видимо, была четырёхскатная. И что особенно важно—полностью совпадает ориентировка стен и место расположения входа. Здесь, несомненно, налицо проявление племенных традиций.

Указанная выше близость форм, размеров, ориентировки построек может быть свидетельством их однокультурности и одновременности, т. е. оба типа построек были возведены представителями одного племени, жившими приблизительно в одно время. Армеевские постройки хорошо датируются вещами Армеевского могильника, следовательно, и наши постройки должны быть датированы этими же столетиями, т. е. V—VII в. в. Армеевские постройки оставлены, несомненно, древней мордвой, следовательно, и наши постройки оставлены представителями этого же племени. Может быть, Армеевский посёлок и посёлок на Сайнинском городище пережили одинаковую трагическую судьбу, т. е. были разорены и сожжены в VII—VIII в. в., а жители вынуждены были покинуть насиженное место или как беглецы, или как пленные и рабы более сильных завоевателей.

Всякое археологическое исследование имеет своей целью на основе собранного материала восстановить обстановку жизни и быта людей, оставивших тот или иной памятник. Наши материалы, изложенные выше, хотя и недостаточные для полного восстановления далёкого прошлого мордовских племён, всё же позволяют нам сказать несколько слов об этом далёком прошлом.

1. Занятие древнемордовской группы, оставившей нам свои вещи, определяется многочисленными находками костей лошади, коровы, свиньи и овцы, а также различного зерна и орудия земледелия (серпы, сошники), что свидетельствует о наличии скотоводства лесного типа и земледелия.

2. Соответственной характеру основного занятия была и вся остальная обстановка быта. Продукцию скотоводства — кожи и шкуры—обрабатывали костяными скобелями и гладилками. Из кож делали ремни. Шерсть превращалась в пряжу при помощи веретён с пряслицами. Пряжу превращали в ткань, о чём свидетельствуют находки в Армеевском могильнике. Пряжу окрашивали и употребляли для вышивки, о чём свидетельствуют материалы того Армеевского могильника.

3. Для хранения молока, квашения его, для варки пищи жители городища сами изготовляли глиняную посуду разного размера и формы, применяя технику «налепом» без гончарного круга. Этот вид производства, судя по этнографическим параллелям, находился в руках женщин так же, как прядение и ткачество.

4. Технические навыки жителей Сайнинского городища были весьма высоки. Они умели сами выплавлять железо из руды так называемым «сыродутным» способом, о чём говорят находки криц и шлаков. Добытое таким образом железо подвергалось здесь же дальнейшей обработке, превращаясь в ножи, пряжки, наконечники стрел, наконечники копий, втульчатые топоры, которые в большом количестве найдены в Армеевском могильнике, в зубила и др. орудия производства. Отделка всяких железных изделий производилась путём обтачивания на каменных точилках.

5. Несомненно, в быту обитателей городища широко применялись изделия из дерева, коры, бересты, о чём говорят находки специального инструмента для вырезывания из дере-

ва в одной из армеевских построек. Сами изделия, естественно, не могли сохраниться до наших дней.

6. Обитателям городища была знакома строительная техника, о чём свидетельствуют постройки на городище и на Армеевском посёлке, причём они придерживались определённой строительной традиции, благодаря которой постройки были одинаковы по форме, величине и расположению.

7. Жили обитатели городища большим коллективом, связанным, несомненно, узами родства, о чём свидетельствует большое количество (18 шт.) построек на Армеевском селище и значительное, можно предполагать, число построек на Сайнинском городище. Поселение не было, как правило, защищено оборонительными сооружениями, но часто располагалось вблизи городищ (селище за валом городища, селище близ городища № 2 в Армееве, Карлейское селище и другие в Присурье).

8. Можно допустить сохранение родовых традиций, т. е. совместную жизнь целым родом в одном замкнутом районе. Такими родовыми территориями были: район между р. р. Чеберчинкой и Сурой, между р. р. Барышем и Сурой, между р. р. Узой и Сурой. Но в целом вся присурская территория принадлежала одному племени, объединявшему группу родов. Сказания арабских писателей подтверждают наши предположения о родовом устройстве. Там мы читаем о наличии «старейшин» в каждом родовом посёлке буртасов (мордвы — П. С.) и об отсутствии «верховного главы» [1].

9. Весь вещественный комплекс, остатки поселений говорят о натуральном хозяйстве. Но часть вещей говорит о том, что изоляции древнемордовских племён не было, что, несомненно, связано с выгодным географическим положением этих племён на большом и оживлённом пути между Причерноморьем и Приуральем, между востоком и западом. Наличие ряда вещей говорит о существующем общении с соседними племенами и об обмене. Констатируя этот факт, мы не преувеличиваем его значения, т. к. слишком невелико число вещей, бывших в обращении у обитателей Сайнинского городища и проникших к ним от соседей. К тому же эти вещи, а иногда только формы вещей, проникали сюда не непосредственно, а через посредство кого-то и в очень ограниченном количестве. Такое положение могло быть в том случае, когда эти племена находились не только в дружественных отношениях с соседями, но и во враждебных, т. е. развитию обмена и общению с соседями древней мордве мешали враждебные племена, входившие в состав Хазарии, Булгарии, печенеги или их предшественники. Это враждебное окружение создавало условия изоляции, что задерживало развитие хозяйства и общества, вынуждало древнюю мордву забиваться в лесные дебри, в места, мешающие торговле и обмену. Ибн-Расте говорит совершенно определённо: «Последние (Булгары) производят набеги на первых (буртасов — мордву — П. С.), грабят их и в плен уводят» [1]. Эти набеги булгары могли легко совершать по Суре, и результатом одного из таких набегов была гибель Сайнинского городища.

---

1. Докум. и матер. по истор. МАССР, т. I, стр. 23.

1. Докум. и материалы по истор. Мордовской АССР, т. I, стр. 23.

М. Г. Сафаргалиев,
кандидат исторических наук.

РАЗГРОМ БОЛЬШОЙ ОРДЫ

(К вопросу освобождения Руси от татарского ига).

В 1480 году, в результате разгрома Большой Орды Ахмата, русский народ освободился от татарского ига. «Это было иго, которое не только подавляло, но и растлевало и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой. Монголо-татары установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства» [1].

Неоспоримой заслугой Ивана III в окончательной ликвидации татарского ига является разгром последнего остатка Золотой Орды — Большой Орды. Будучи вассалом хана в начале своего княжения, он в небывало трудных условиях осуществил более чем двухсотлетние чаяния русского народа — освободил Русь от татар, превратил Московское княжество в могущественное национальное государство. Поставив перед собой задачу освобождения Руси, Иван показал себя в осуществлении этого как выдающийся государственный деятель-дипломат. Он создал против хана Ахмата могущественную коалицию с участием ногайских, крымских и сибирских татар, «...освободил Москву от татарского ига не одним сильным ударом, а двадцатилетним упорным трудом» [2].

В исторической литературе высоко оценена заслуга Ивана как государственного деятеля-дипломата, однако, всё ещё недостаточно оценена деятельность Ивана как полководца. До сих пор не изучен вопрос отражения нашествия Ахмата на реке Угра, при котором умелая оборона заставила отступить татар обратно в степь в весьма невыгодных для татар условиях.

1. K. Marx, Secret diplomatie History of the XVIII Century p. 72.
2. Там же, стр. 82.

В исторической литературе всё ещё отдаётся дань взглядам Карамзина о недостойном поведении Ивана на Угре, хотя необходимость пересмотра этой точки зрения была поставлена уже польским историком Паппе и русским историком А. Пресняковым [1].

Гораздо хуже обстоит изучение истории самих татар и татарского государства — Большой Орды Ахмата, хан которой все ещё отстаивал «Батыево знамене». Правда, оно уже находилось накануне своего падения, было ослаблено внутренними усобицами, но всё же могло ещё набрать войско до двухсот тысяч человек.

В настоящее время не имеется хотя бы сводной статьи, посвящённой истории Большой Орды и её возникновению, что, очевидно, объясняется чрезвычайно скудным состоянием источников. Историк не располагает ни арабскими, ни персидскими источниками, относящимися к истории татар этого периода. Русские летописи, дающие такой богатый материал для изучения Золотой Орды, об этом же периоде истории татар дают чрезвычайно скудные сведения. Такой важный факт в истории русского народа, как ликвидация Большой Орды, в результате которого он освободился от татарского ига, в общих русских сводах отражён гораздо беднее, чем в Архангелоградской летописи, составленной в далёком Устюге.

I

Золотая Орда образовалась после похода Батыя в Восточную Европу как чисто военное, в то же время и как весьма примитивное варварское государство. В состав Золотой Орды вошли, кроме самих монголов (составлявших незначительную господствующую аристократию), более десятка других народностей, имевших многовековую культуру. Сами монголы, будучи номадами-кочевниками не в состоянии были создать новых, более высоких форм производственных отношений.

Единство государства держалось, как отметил Маркс, посредством жестокого террора и убийств. Вся государственная мудрость монголов характерно выражена в следующих изречениях самого Чингис-хана: «Нет счастливее всех на земле тех, кто гонит разбитых им неприятелей, грабит их добро, скачет на конях их, любуется слезами людей их

1. *Пресняков А.*, Иван на Угре, сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, П., 1911 г., сравни Polska i litwa t. 1, 1904, Krakowe.

близких, целует их жён и дочерей». Государство, основанное на этих началах, как отмечал ещё Грановский, не могло быть прочным [1].

Но прошло сто лет после основания Золотой Орды, и это могущественное, на первый взгляд, государство со смерти хана Узбека в 1342 году стало испытывать политический кризис. Началась небывало быстрая смена ханов, дворцовые перевороты, сопровождавшиеся кровавыми распрями. За короткий срок, после убийства хана Бердибека в 1359 году до вступления хана Тохтамыша в 1379 г., в Орде сменилось 26 ханов. Внутренняя междуусобица привела к внешним неудачам. В 1380 году на Куликовом поле могуществу Золотой Орды был нанесён такой сильный удар, от которого Орда не могла оправиться. В 1392 г. и 1395 — 1396 гг. такой же удар был нанесён с Востока Тимуром, что ускорило падение Золотой Орды. Единство и целость государства были нарушены. У ханов не осталось никакой реальной власти над своими вечно бунтующими вассалами.

Многочисленные царевичи, опираясь на растущую феодальную аристократию и пользуясь их стремлением к сепаратизму, стали образовывать самостоятельные феодальные объединения на отдалённых окраинах государства. Ещё во время нашествия Тимура князь Едигей, женатый на дочери хана Тохтамыша, взбунтовал против своего хана, а после разгрома Тохтамыша стал во главе одного из кочевых объединений и тем самым положил начало будущей Ногайской Орде. Едигей, непосредственно не принадлежавший к «Золотому роду» Чингис-хана, имел куда меньше прав на наследство Джучи, чем царевичи, непосредственно принадлежавшие джучиеву дому.

В 1421 году в Сибири объявил себя ханом один из потомков Шайбана — Хаджи-Мухамед Оглан и, захватив Сибирский юрт, положил начало будущему Сибирскому ханству.

В 1428 году другой царевич из потомков Шайбана — Абулхаир объединил вокруг себя большую массу кочевников и образовал союз узбеков, превращённый его внуком в могущественное Узбекское государство. Спустя несколько десятилетий, сыновья бывшего золотоордынского хана Барака (из потомков Орда Ичена) на юго-восточных окраинах государства образовали объединения казахов.

1. *Грановский*, Сочинения, М., 1900, стр. 244.

Последний хан Золотой Орды Улуг-Мухамед, правивший в западных улусах, над восточными районами государства не имел никакой власти. Под властью этого последнего Тохтомышевича оставалась незначительная территория. Его власть не распространялась дальше Астрахани, Северного Кавказа и Крыма. Даже на этой ограниченной территории хан был целиком зависим от своих феодалов — татарских князей. В русских летописях сохранился один любопытный факт. В 1432 году московский великий князь Василий Васильевич, поссорившись с суздальским князем Юрием Дмитриевичем, в последний раз отправился к татарскому хану на суд. Хан и его приближенцы стали на сторону великого князя, однако один из татарских князей Тегин не признал решения хана, а поддерживал удельного князя Юрия Дмитриевича. Тогда боярин великого князя Иван Дмитриевич Всеволожский, сопровождавший своего князя, бросил совершенно справедливый упрёк по адресу хана, что «не может царь (хан) от Тегинова слова выступати». Хан под впечатлением только что сказанных слов дал ярлык Василию Васильевичу, но Тегин не подчинился этому решению, «стал против царя, хотел отступить от него»[1]. Скоро Тегин покинул хана и перешёл на сторону к только что появившемуся на Волге новому хану Кичи-Мухамеду. Так же поступили остальные татарские князья, в том числе старший эмир хана Новруз.

Как сообщает Исафата Барбаро, Новруз, «поссорившись как-то с государем своим, покинул его, приглашая желающих последовать за собой»[2]. Этот пример достаточен, чтобы характеризовать власть последнего хана Золотой Орды Улуг-Мухамеда в момент распада этого, когда-то могущественного государства. Положение хана затруднялось ещё тем, что наряду с Кичи-Мухамедом, захватившим Астрахань и Нижнее Поволжье, в Крыму объявил себя ханом третий царевич — Хаджи Гирей, захвативший Крым в 1432 году. Через год он уже вёл успешную борьбу с генуэзцами, одержав победу над ними, заставил генуэзцев признать над собой власть Хаджи Гирея [3].

1. П. С. Р. Л., т. V, стр. 246, т. VIII, стр. 96.
2. *Семёнов П.*, Библиотека иностранных писателей о России, т. 1, стр. 7.
3. *Смирнов Д. В.*, Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в., СПБ, 1887, стр. 213.

Через год в западных улусах Золотой Орды появляется новый, по счёту четвёртый, претендент на ханский трон Сеид-Ахмет хан, повидимому, как и Кичи-Мухамед, происходивший из потомков Орда Ичена. В 1434 г. русские князья имели какие-то сношения с обоими ханами: Кичи-Мухамедом и с Сеид-Ахметом, хотя фактическим владетелем трона считался Улуг-Мухамед хан[1]. Из этих четырёх претендентов одержал победу Кичи-Мухамед.

В начале 1437 года Кичи-Мухамед хан двинулся из районов Нижнего Поволжья на запад, против Улуг-Мухамеда. Последний, покинутый своими вассалами, был лишён возможности оказать какое-либо сопротивление. «Услышав, что Кици Махамед приближается к его пределам, чувствуя себя не в силах бороться с этим опасным соперником, бежал из Орды с детьми и со своим семейством»[2].

Хан Улус-Мухамед, разбитый Кичи-Мухамедом, бежал на север в город Белев, оттуда, потревоженный русскими, ушёл в Казань, убив какого-то казанского князя; в 1438 году основал новое татарское государство на Волге — Казанское ханство.

С выделением ногайцев, узбеков, казахов, Крыма и Казани завершился распад Золотой Орды. Новый хан Кичи-Мухамед, захвативший Орду в 1438 г., явился основателем нового феодального государства — «Большая Орда».

Большая Орда от остальных вновь образованных татарских государств, Крымского и Казанского ханств и др., отличалась лишь значительностью своей территории, включающей в себя территорию от Волги до Днепра и от Северного Кавказа до верховьев Донца. Исафато Барбаро, непосредственный свидетель событий, происходивших тогда в Орде, определяет численность татар, кочевавших на этой территории, примерно в 300 тысяч человек[3].

Всё это были за редким исключением кочевники-скотоводы, не связанные ни ремеслом, ни торговлей и земледелием, переходящие с места на место. С наступлением лета татары Большой Орды со своим скотом уходили на север, а с наступлением зимы возвращались обратно к Астрахани, единственному городу, находившемуся в пределах Большой Орды, или к берегам Чёрного и Азовского морей.

1. Сборник Государственных грамот и договоров, т. I, стр. 108.
2. *Семёнов*, Библиотека иностранных писателей о России, т. I, стр. 17.
3. Там же, стр. 28.

В начале своего возникновения, повидимому, Большая Орда переживала организационные затруднения. Молодому хану Кичи-Мухамеду едва исполнилось 22 года, он был ещё неопытным, а пришлось отстаивать свои права от претензии своих соперников: Сеид-Ахмета и Хаджи Гирея. Сеид-Ахмет, одержавший победу над Хаджи Гиреем, захватил Крым и северные берега Чёрного и Азовского морей, угрожая степи, где воевали татары Большой Орды Кичи-Мухамеда. Внешняя опасность, висевшая над ханом Большой Орды, вызывала внутренние неурядицы среди татар. Под 1440 г. в Никоновской летописи отмечено: «Царь Махмед Большия Орды убил большого своего князя Ордынского Мансупа и много татар тогда избиена бысть... и в иных ордах мятеж бысть и междуусобия и брани и рати»[1].

Внутренняя междуусобица ослабила Большую Орду и её хана Кичи-Мухамеда. Из русских летописей на время исчезает его имя, хотя он был ещё живой. На северном Донце, где раньше кочевала его Орда, появляются татары Сеид-Ахмет хана. В 1446 году татары Сеид-Ахметовой Орды опустошили русские города, прилегающие к татарским районам. В 1447 году от царя Сеид-Ахмета приехали послы к великому князю Василию Васильевичу за получением татарской дани[2]. Получили ли татары требуемую дань, мы не знаем, известно лишь одно, что татары Сеид-Ахмета и после 1447 года продолжали делать набеги на Русь, пока Сеид-Ахмед не был разбит Хаджи Гиреем, который в 1443 году вторично захватил Крым, изгнав оттуда Сеид-Ахмета. В 1452 году Сеид-Ахмет был разбит наголову у Днепра, его люди попали в плен, а сам хан едва успел бежать в Литву. Сеид-Ахмет со своими приближёнными прибыл в Киев и там по приказанию короля Казимира был взят под стражу. Как сообщает далее Длугош, пленного хана перевели в крепость в Ковно, где он и умер в заточении в глубокой старости[3].

Очевидно, затруднительное положение Сеид-Ахмета было использовано Кичи-Мухамедом, который снова захватил Дешти Кыпчака. В 1451 году «татарва Кичи-Ахметовой Орды» совершила набег на Москву и 2 июня сожгла посады Москвы[4].

1. П. С. Р. Л., т. XII, стр. 30—31.
2. Сборник Муханова, изд. II, стр. 396.
3. Dlugsza, Opera, т. V, 1870 г., стр. 110—111, 201.
4. П. С. Р. Л., т. V, стр. 270.

Кичи-Мухамед умер в 1459 году. После его смерти между его сыновьями началась борьба. Старший сын хана Махмуд был объявлен ханом Большой Орды. Против старшего брата восстал второй сын Кичи-Мухамеда, Ахмат, его имя через год в русских летописях упоминается в качестве хана Большой Орды.

В 1460 году «Царь Ахмед Кичи Махамедович Большой Орды» приходил под город Рязань и стал под городом и после шестидневной осады города обратно ушёл в орду»[1]. В то же время и Махмуд упоминается в качестве хана. В Никоновской летописи под 1467 годом говорится о набеге Махмуда на Русь. «Безбожный царь Махмуд на русскую землю приходил со всею ордою и был на Дону». Правда, он не успел что-либо предпринять; Крымский хан Хаджи Гирей с крымскими татарами «Приде на него царь Ази Гирей и всю его Орду взя и начаще воеватеся меж себя»[2]. Махмуд, разбитый Хаджи Гиреем, бежал в Астрахань, захватил этот единственный город, принадлежавший ханам Большой Орды, и образовал новое Астраханское ханство. Сохранились его монеты, выбитые в Ордабазаре, в Астрахани, в Дербенде и Укеке, с титулом: «Государь правосудный Махмуд сын Мухамеда, сын Тимур хана»[3]. Это географические пункты, упоминаемые в его монетах, позволяют нам установить приблизительные границы только что образованного Астраханского ханства в момент его возникновения. По всей вероятности, Махмуд предпринял ряд мер и по восстановлению разрушенной Тимуром Астрахани. В 70-х гг. XV в. Астрахань, по свидетельству Кантарини, снова стала важнейшим торговым центром Нижнего Поволжья, куда приезжали купцы из разных стран.

С выделением Астрахани Большая Орда лишилась единственного города, остававшегося пока под властью ханов Большой Орды, туда же ушло с Махмудом много татар, но и тогда Большая Орда владела значительным количеством кочевого населения. Хан Большой Орды Ахмат, по данным «Шайбани Нама», был ещё в состоянии собрать до 100 тысяч войска[4].

1. П. С. Р. Л., т. V, стр. 272.
2. Там же, т. XII, стр. 116.
3. *Марков А.*, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 531.
4. *Березин Н.*, Библиотека восточных историков, т. I, стр. 63.

Энергичному Ахмату, хану Большой Орды, к началу 70 годов XV столетия удалось значительно поднять свой авторитет в орде и предпринять ряд успешных походов. В союзе с сибирским ханом Ибаком, ханом Казахской Орды Джанибеком и ногайскими мурзами, Ахмат принимал участие в борьбе с узбекским ханом Шайххайдаром, добился разгрома государства узбеков. Когда сын последнего Шайбан бежал ко двору астраханского хана Косыма, Ахмат, в союзе с теми же ногайцами и сибирским ханом Ибаком, заставил астраханцев отказаться от поддержки Шайбана, удалил последнего из Астрахани[1]. Тогда же Ахмат совершил несколько походов на Москву. Из этих походов особенно были удачными походы 1472 и 1473 гг., в результате которых, как полагал А. Экземплярский, был заключён мир между Ахматом и Иваном III, заставивший Ивана III признать себя вассалом хана. В следующем году в Москву прибыло большое посольство Ахмата, численностью в 600 человек. Вместе с послами прибыло более 3-х тысяч татарских купцов с разными товарами и в том числе более 40.000 голов лошадей[2]. Тогда должен был быть оформлен договор, обязывающий Ивана платить татарский выход «60.000 алтын вешнею» и «60.000 алтын осеннею», отмеченных в ярлыке Ахмата в 1476 году[3]. Через 2 года Ахмат напал на крымского хана Менгли Гирея «взя Крым вся Ази Гирееву Орду, а сына Ази Гиреева согна»[4]. Изгнав из Крыма Менгли Гирея, Ахмат посадил на трон крымских ханов своего ставленника, астраханского царевича Джанибека. Над Крымом, как и над Русью, временно восстановилась верховная власть хана Большой Орды. Под впечатлением только что одержанной победы хан направил в Москву ярлык в чрезвычайно хвалебном тоне. В этом ярлыке Ахмат называет себя владетелем «четырёх конец земель и семидесяти Орд». «Ведамо да есть, — писал хан,—кто нам был недруг, что стал на моем царстве копытом, и аз на его царстве стал всеми четырми копыты... А вам ся есмя государи учинили от Саина (т. е. Батыя) царя сабльным концем». Дальше хан требует от Ивана стро-

1. *Березин Н.*, Библиотека восточных историков, т. I, стр. 63.
2. *Экземплярский А.*, Великие и удельные князья северо-восточной Руси, т. I, стр. 207—208.
3. Известия Русского археологического общества, т. X, 1884 г., стр. 270.
4. П. С. Р. Л., т. XIII, стр. 195.

того выполнения договора 1474 года, чтобы он «Батыево знамене у колпока верх вогнув ходил», как признака вассальной зависимости от татар и уплату в течение 40 дней «60.000 алтын вешнею, да 60.000 алтын осеннею», в противном случае хан угрожал репрессией. «И ты б моею подать в 40 день собрал 60.000 алтын вешнею, да 60.000 алтын осеннею, а на себе бы еси носил Батыево знамене у колпака вверх вогнув ходил... Только моея подати в 40 день на збережешь, а на себе не учнишь Батыева знамения носити, почин тобою в головах, и всех твоих бояр... у меня будут»,—говорится в ярлыке Ахмата [1].

II.

Этот внешний успех, достигнутый Ахматом в конце 70-х гг., оказался кратковременным и скоропроходящим. Крымские татары, с большим упорством добивавшиеся себе независимости от ханов Золотой Орды, отнюдь не желали снова стать в зависимость от Ахмата. Его ставленник в Крыму Джанибек, чувствуя неустойчивость своего положения в Крыму, ходатайствовал перед великим князем о приёме его на службу в Москве, в случае изгнания его из Крыма. Между Ахматом и ханом Астрахани Касымом возникла вражда. Амвроуси Кантарени, посол Венецианской республики, посетивший Астрахань летом 1476 года, сообщает о происходившей войне между астраханским ханом и Ахматом из-за претензии астраханского хана на владения самого Ахмата. «Казым хан находился тогда в войне с дядей своим ханом татарским, ибо объявил претензии на владение Большою Ордою, бывшею прежде под управлением его отца» [2]. В свою очередь и Иван III не выполнил договора 1474 г., несмотря на угрозы хана, выхода не посылал, «в Орду... не ездил, присланных к нему по этому поводу послов даровал лишь подарками» [3]. Впоследствии даже послы хана были осрамлены. Как рассказывается в Казанской летописи, когда пришли ханские послы с требованием «дани и оброки за прошлыя лета. Великий же князь ни мало убояся страха царева, но прии басму лица его, и поплевав на ню, и изломав ею и на землю поверже, и потоптав ногами своими, гордых же послов его всех избити повеле пришедших к нему дерзостью, единого отпусти жива» [1]. Это означало уже начало открытого восстания великого князя против хана.

1. Известия русского арх. общества, т. X, стр. 270.
2. *Семёнов*, Библиотека иностранных писателей о России, т. 1, стр. 92.
3. Маркс, Энгельс, Архив, т. VIII, стр. 156.

Герберштейн, бывший в Москве после смерти Ивана III, особо подчёркивает роль Софьи Палеолог, жены Ивана III, в восстании против татар, совершенно умалчивая о роли самого великого князя. «Когда прибывали татарские послы,— пишет Герберштейн, — он (т. е. Иван) выходил к ним за город навстречу и стоя выслушивал их сидящих, царица его гречанка до такой степени негодовала на это, что повторяла ежедневно, что вышла замуж за раба татар и потому, чтобы оставить когда-нибудь этот рабский обычай, она уговаривала мужа притвориться при приближении татар больным. В крепости в Москве был дом, в котором жили татары, чтобы знать всё, что делается в Москве. Не будучи в состоянии выносить этого, жена Ивана выбирает некоторых послов и отправляет их с богатым даром к царице татар, умоляя её уступить ей этот дом, т. к. она по указанию божественного видения собирается воздвигнуть на этом месте храм, при этом она всё же обещала построить татарам другой дом. Царица согласилась на это. Дом разрушается, и на этом месте строится храм. Изгнанные таким образом из крепости татары не могли получить другой дом [2].

Нет сомнения, что Герберштейн несколько преувеличивает роль Софьи Палеолог. Странно слышать из её уст слова о «рабе татар» после того, когда весь дом Палеологов после взятия Константинополя турками оказался в более худшем положении, чем её муж. Русские летописи отнюдь не изображают её столь решительной женщиной. Наоборот, упрекают её за бегство в Белоозеро в столь критический момент, как нашествие Ахмата в 1480 г. Мать великого князя «не захоте бежати, но изволи в осаде сидети». Софья же Палеолог «бе «бо бега от татар на Белоозеро, а не гонял никто же» [3].

Иван III вступил на путь восстания против татар задолго до женитьбы. В 1480 г. Ахмат упрекал послов Ивана за то, что великий князь не ездит в Орду и не платит дань с 1471 г., а бракосочетание Ивана с Софьей Палеолог состоялось в

1. П.С.Р.Л., т. XIX, стр. 7.
2. *Герберштейн*, Записки о Московитских делах, перевод Мальсна, стр. 16.
3. *Иконников В.*, Опыт русской историографии, т. II, стр. 1177.

1473 году. Таким образом, великий князь вступил в борьбу с татарами задолго до женитьбы.

В то время для освобождения от татарского ига обстановка складывалась чрезвычайно благоприятно. Москва политически и экономически окрепла, в то время как татары не выходили из политического кризиса... «К моменту царствования Ивана,—пишет Маркс,—Золотая Орда давно была уже ослаблена изнутри жестокими усобицами, извне—отделением от неё ногайских татар, вторжением Тимура, усилением казачества и враждебными действиями крымских татар» [1].

Учитывая борьбу крымских и ногайских татар против хана Большой Орды, всё ещё считающего себя единственным преемником на всё Батыево наследство, Иван установил тесный контакт с татарскими ханами, враждующими с Ахматом... «погубил одного татарина посредством другого татарина»,—как удачно выразил К. Маркс. [2]

Первый, с кем Иван имел дело, был крымский хан Менгли Гирей, как и Иван, находившийся в состоянии войны с ханом Большой Орды. Между Москвой и Крымом начались переговоры «о братстве» и «о дружбе». В Москву прибыл посол хана Азибаба с ходатайством о союзе. В марте 1474 г. с ответным визитом прибыл в Крым посол Ивана Беклемишев заключить союз между обоими государствами.

«На царя Ахмата чтобы быти за один». «Коли пойдет Ахмат царь... на великого князя», Менгли Гирей должен был «на царя на Ахмата пойти или брата своего отпустити». Если же Ахмат пойдёт против Менгли Гирея, Иван обещал своё войско пустить против Ахмата. Тогда союз остался неоформленным из-за Литвы. Иван хотел, чтобы этот союз был не только против татар, но и против Литовского княжества, вечного союзника татар. Однако крымские татары, находившиеся в дружественном отношении с литовцами, никак не хотели «на короля пойти и на его землю» [3]. Скоро крымский хан должен был убедиться в своём промахе.

В 1476 году Ахмат, пользуясь отсутствием союза между Крымом и Москвой, напал на Менгли Гирея, выгнав его из Крыма, посадил ханом Крыма Джанибека. К счастью Менгли Гирея, Джанибек, не имевший опоры у крымских татар,

1. K. Marx. Secret diplomatic History of the XVIII century. p. 82.
2. Там же, стр. 83.
3. Сборник русского исторического общества, т. 41, стр. 3.

через год снова уступил престол Менгли Гирею, сам бежал в Москву. К тому времени в Москве уже находились два брата Менгли Гирея—Нурдавлят и Хайдар. Иван III, приняв их в Москву, приобрёл новое оружие против Крыма. Теперь их в любой момент можно было пустить в Крым в качестве подручных ханов.

Менгли Гирей, снова ставший ханом, поспешил послать своего посла в Москву, изъявил согласие заключить союзнический договор против хана Большой Орды и Литвы... «коли пойдёт на тебя Ахмат царь и тебе самому всести на конь да на него пойти или брата своего отпустити со своими людьми. И яз с тобою на Ахмата царя один человек также бы еси и на вобщего нашего недруга на короля был со мной за один, а яз с тобою на него за одич» [1]. Так возник союз Москвы с Крымским ханством. К этому союзу в дальнейшем примкнули Ногайская Орда и Сибирское ханство [2].

С заключением союза с крымскими, сибирскими и ногайскими татарами Москва оказалась в более благоприятных условиях, и её успех в предстоящей войне с Ахматом был обеспечен. И вряд ли Ахмат мог брать на себя смелость вступить в войну с вчерашним своим вассалом. Но к 1480 г. положение Ивана III на время резко ухудшилось. Против великого князя восстали братья Андрей и Борис, началась внутренняя неурядица, скоро отразившаяся на внешнем политическом положении Москвы. В начале 1480 года шведы и ливонский орден объявили войну против Москвы, обострилось отношение и с Литвой. Как удачно выразил А. Пресняков, «Над Москвой образовалась буря» [3].

Это событие не могло не отразиться на восточной политике Ивана III и прежде всего на Крым. Союзник Ивана III Менгли Гирей, хотя окончательно не порвал связь с Москвой, но в то же время пошёл на теснейшее сближение с Литвой. К королю Казимиру явился посол Менгли Гирея, вышеупомянутый Азибаба с предложением улучшения взаимоотношений между обоими государствами. «Коли брат наш король всхочет знами брацства, и ты дай правду королю нашою душею»,—говорится в наказе хана к своему послу [4]. Как уви-

1. Сборник русского исторического общества, т. 41, стр. 18.
2. История дипломатии под ред. акад. Потёмкина, т. 1, стр. 99.
3. *Пресняков А.*, Иван на Угре, сборник, посвящённый С. Платонову, стр. 221.
4. Сборник Муханова, стр. 25.

дим дальше, во время нашествия Ахмата Менгли Гирей действовал весьма подозрительно, фактически помогая союзнику Литвы—Ахмату. Ахмат поспешил воспользоваться создавшимся положением, чтобы восстановить верховную власть хана над русским улусом. В результате каких-то усилий он добился мира со своим племянником астраханским ханом Касымом, войска которого также участвовали в походе Ахмата на Москву [1]. А Казимир Литовский в свою очередь подстрекал Ахмата против великого князя, «обещал ему свою помощь» [2]. Было условлено, что Ахмат ударит по Москве через Оку, а литовское войско—через Угру, а Ливонский орден—на Псков. Москва должна была оказаться окружённой с севера, запада и юга. Когда все подготовительные меры были закончены, летом 1480 года Ахмат, «со всею Ордою своею и со царевичью уланы и князей, бесчисленное множество татар... в одну думу с королём хотел разорити христианство». Идя огромною силою на Москву, Ахмат был уверен в своём успехе. Не случайно срок похода был приурочен к столетию Куликовской битвы, чтобы смыть позор своего дальнего предшественника Мамая путём блистательной победы. Однако татары не учли силу сопротивления Москвы. Москва на этот раз была более подготовленной к отражению нашествия татар, чем даже в 1380 г. Несмотря на переживаемые тогда трудности, великий князь, узнав о движении татар, принял меры к обороне южной границы государства. В начале июня он направил своего брата Андрея меньшего в Тарусу, сына своего Ивана — в Серпухов, сам стал в Коломне, создавая весьма обдуманную линию обороны от Коломны до Таруса, преградив пути, откуда татары обычно совершали нападение на Москву. Авангард Ахмата, узнав, что «князь великий стоит на берегу со своими силами», не решился вступить в бой на Оке один на один. 23 июня татары повернули на юго-запад, ушли на соединение с войсками Казимира на р. Угру. Но и здесь хана ожидало разочарование. Казимира не было, а великий князь и здесь оказался предусмотрительным. Все переправы реки были заняты войсками Ивана III ещё до прихода татар [3]. Ахмат «со всеми силами», кмевшимися в его распоряжении, пробовал перейти реку.

1. *Карамзин Н.*, История Государства Российского, т. VI, стр. 140.
2. *Маркс, Энгельс*, Архив, т. VIII, стр. 157.
3. *Соловьёв С.*, История России к 1 стр. 1426. Сравни pareé, polska i litwa, t. 1, стр. 58.

Один из отрядов татар напал на войско князя Андрея, другой отряд — на войско самого великого князя. «Начаща... стреляти». В свою очередь русские начали стрелять «на них». Татарам был дан отпор. Как видно из описания Софийской первой летописи, за переправу разыгралось ожесточённое сражение, решившее исход всей кампании. Татары, вооружённые только стрелами, не могли нанести большой урон русским. «Их стрелы межь наших падаху и никого же уязвляху». Московское войско, вооружённое не только стрелой, но и пищалью, «многих побиша... и отбиша их отверг и много дней приступаху бьющийся» [1].

Татары, отбитые от берегов реки, отошли в Воротынск и стали ждать осени, утешая себя, что «дасть бог зиму на вас и реки все станут и много дорог будет на Русь». В то же время хан с нетерпением ожидал Казимира с литовским войском, которое всё не являлось. Русские летописи объясняют причину неявки Казимира тем, что «быша бо ему свой усобици, тогда бо воева Менгли Гирей царь Перекопский Волынскую землю, служа великому князю» [2]. Это утверждение русской летописи о происходившей войне между крымским ханом и Литвой, якобы явившееся причиной неявки Казимира на помощь Ахмату, нельзя принять без оговорки, если вообще его можно принять.

Польский историк Паппе, допуская возможность наличия некоторого столкновения на литовско-крымской границе, придавал этому столкновению лишь местное значение обычного характера. Литовские войска, стоявшие на Волыни под командой Михайла Чарторейского, взяли в плен всего-навсего 2 татарина. Можно согласиться с Паппе, что эта пограничная стычка обычного типа совсем не мешала Казимиру итти на Угру на помощь Ахмату [3]. Отсутствие Казимира на Угре, как полагал А. Пресняков, скорее всего объяснялось внутренними событиями, происходившими в Литве, из-за непрочности Литовского государства, а не нападением крымских татар на Литву [4]. Сохранившаяся переписка Менгли Гирея с Казимиром в совершенно ином свете освещает деятельность Менгли Гирея в период похода Ахмата на Москву.

1. П. С. Р. Л., т. XI, стр. 230, т. XII, стр. 202.
2. П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 227.
3. Paree. Polska i litwa, t. 1, стр. 62.
4. *Пресняков А.*, Иван на Угре, стр. 292—293.

«Я Мендли Гирей царь, Казимира короля брата моего приятелю приятелем мне быть, а неприятелю неприятелем, а еще мне Мендли Гирею Казимир король брат коли на свои присяжи стояти будет, потом я Мендли Гирей Царь Казимира брата моего людем и землям его и водам, коли бы имело што статися, я и Царство покину, а лиха не дам учинить от мене и от брата мое меньшое и от сына моего лиха не будет», —писал хан Казимиру осенью 1480 г. [1].

Посол короля Казимира Иван Глинский в начале октября прибыл в Крым и застал крымских татар перед подготовкой похода. После заключения договора 20 октября дальнейшая подготовка войск была приостановлена. Крымские войска, стоявшие у Перекопа, были отпущены по домам [2]. Крымские татары оставили в покое не только Литву, но и самого Ахмата, не предпринимая против него никаких мер. Поэтому Ахмат спокойно ожидал зиму, когда станет дорога на Москву.

Между тем для Ивана III наступал критический период. С 20 сентября войско Ливонского ордена обложило Псков, а с братьями Ивана III всё ещё не было достигнуто мира, что заставило великого князя вступить в переговоры с ханом, чтобы выиграть время. При той неясной обстановке требование от великого князя дать бой татарам было бы бессмыслицей. Великий князь поступил совершенно правильно, игнорировав требование духовенства. Оставив войско, он ушёл в Коломну, оттуда вернулся в Москву «на Совет и Думу к митрополиту и матери своей Марфе и дяде Михайлу Андреевичу и духовному отцу своему Вассиану Ростовскому», сидевшему тогда в осаде в Москве.

Здесь Иван III убедился, что все хотят «крепко стоять против... бессерменству» и за мир великого князя с братьями. «Послуша моления их и повели матери своих великая княгиня послати на них» обещав: «во всю волю их даяся». После этого великий князь вернулся в Кременец, занял оборону, прикрывающую Москву не только от нападения татар, но и от нападения Литвы [3].

Наконец, был достигнут долгожданный мир великого князя с братьями. Ну и тогда, прежде чем направить на татар, Иван послал их на выручку Пскова на немцев. «Слышавши немци идущю братью на помощь псковичем отьйдоша прочь в свою землю, братия же великого князя слышавше немец отступивших от Пскова пойдуша к великому князю» [1]. Только тогда великий князь начал концентрировать своё войско в районе Боровска «глаголюще яко на тех полях с ними (т. е. с татарами) бой поставим». Уход войска из Кременца 27 октября в Боровск не был бегством, в чём обвиняли современники великого князя, а был перегруппировкой сил для нанесения удара татарам [2]. Татары, лучше осведомлённые, чем русское духовенство, о военном приготовлении Ивана, 11 ноября сами ушли обратно в степь. Польский хроникёр Стрыйковский утверждал, что Ахмат отступал по совету своего князя Тимира, старшего эмир хана, якобы подкупленного великим князем.

После убийства Ахмата Тимир ушёл в Крым, совершенно не пострадавши от убийц Ахмата. Что касается роли его в убийстве Ахмата, предписываемом ему тем же Стрыйковским, сомнительно. Архангелоградская летопись, подробно описавшая убийство хана, не сообщает об участии Тимира в заговоре.

Ахмат, ограбив на обратном пути земли своего союзника Казимира, с ограбленным имуществом вернулся в степь, отпустил своих татар на зимовище, сам остался с небольшим числом приближённых на Северном Донце. Этим и воспользовались союзники Ивана III—ногайские и сибирские татары. «Слышав царь Ибак Шибанский, — говорится в Архангелоградской летописи, — что царь Ахмат идёт с Руси, а воевал землю Литовскую, полону, и богатства бесчисленно, и приди царь Ибак в Ногай, а с ним силы 1000 казаков, и всем с собою шурина свою из Ногай Мусу Мирзу, да Ямгурчи Мурза а силы с ним пять на десять тысящ казаков перевозеся Волга на горную сторону, а уже осень, и пройде на Переем на Ахмата царя, и перенял след его за Доном, и пойде после Ахмата по вестем, и как Ахмат разделися с своеми салтаны на зимовище приде и ста зимовати, расположися..., а царь Иван приде на него с силою свою безвестно с мирзами в генваре в шестой день. Приде на него на утре изноровся, а царь Ахмат еще спит, а царь Иван сам вскочил на белую вежу цареву Ахматову, а силы мети собою не билися, уби

1. Сборник Муханова, стр. 26.
2. Там же, стр. 27.
3. Papeé, polska i litwa, т. 1, стр. 62.

1. *Пресняков А.*, Иван на Угре, стр. 289—290.
2. Papeé, polska i litwa, т. 1, стр. 59.

его своими руками, а шибаны с Ногай начаша Ахматову Орду грабити меж Доном и Волгою на Донцу на малом близ Азова и стоял царь Иван пять дней на Ахматовое орде и пойди прочь, а орда базар с собою повезе в Тюмень не грабя, а добра и скота и полон литовского безчисленно поймал и за Волгу перевел» [1].

Мы привели полностью историю убийства Ахмата, записанную в Архангелоградской летописи, отсутствующую в общих русских сводах. Эти данные полностью совпадают с данными ярлыка Менгли Гирея, написанного им Казимиру «в гинваря месяца в двадцать первой пришод царь Шибанский, а Ибак Салтан его, а Мокму князь, а Обат Мурза, а Муза, а Явгурцы пришод Ахматову Орду потоптали, Ахмата царя умерщвили вси люди его и улусы побрали, побравши прочь пошли» [2]. Оба известья стоят близко друг к другу и дополняют друг друга.

С убийством Ахмата Большая Орда, эта последняя тень бывшей Золотой Орды, перестала существовать как военно-политический фактор в Восточной Европе. Оставшиеся татары были разделены между сыновьями Ахмата. Вот что писал один из сыновей Ахмата, Муртаза, в письме на имя короля Казимира: «Первый Охмат Царь один Царь был, а ныне два царя есьмо, з братом моим Зидихматом у его и зего меньшую братию, и о детях его я не ведаю, а о князя еще Тимира и о братию его меньшую и о детех его деле такоже не ведаю» [3]. Скоро и третий сын Ахмата Шаих Ахмет объявил себя ханом и стал оспаривать право на наследство отца. Отсутствие договорённости и единства между братьями окончательно расстроило дело. Много татар, не зная, к кому пристать, ушли в Крым или Астрахань. Большим ударом для татар Большой Орды был захват южной части степи крымскими татарами. С притоком татар с севера усилилось Крымское ханство и стало расширять свои пределы за счёт земель, расположенных в устьях Дона, Донца и Днепра, раньше принадлежавших татарам Большой Орды. С утратой этих районов татары лишились единственного удобного зимовища, куда возвращались с наступлением зимы. Следствием этого явился падёж скота и систематически повторяющиеся

1. Архангелоградская летопись, стр. 159.
2. Сборник Муханова, стр. 29.
3. Там же, стр. 33.

голодовки. Осенью 1500 г. хан Шеих-Ахмат, несколько раньше перед этим взявший верх над остальными братьями, собрав до 60 тысяч татар, способных принимать участие в бою, попытался вернуть обратно утраченные зимовища у берегов Чёрного и Азовского морей. В этом году стояла суровая, холодная зима. От холода татары Шеих-Ахмата, по словам Матвея Миховского, понесли большой урон, и войско стало покидать хана. «Жена его (т. е. хана—М. С.), не вытерпев холода и голода, по тайному зову императора Перекопского, бежала в Перекоп от мужа своего Шиахмета с большой частью войска. Эта убыль бойцов, сильнейший холод, наступательные действия Мендлигера Перекопского— привели к тому, что войско Шиахмета было рассеяно, он был разбит и с тремястами коней бежал к Баязету». Когда султан его не принял, хан бежал назад в Киев и здесь был взят под стражу Литовским князем [1].

В следующем году он был отпущен обратно к своим татарам с несколькими тысячами легко вооружённых татар, «соединился было с братом своим с Санд Махмутом царём, да базар с ним разделился».

С возвращением Шеих Ахмата в Орду между братьями снова возобновился раздор. «Ши Ахмет у Санд Махмута из его удела отнял двух человек лучших базарных, и Санд Махмуд царь к Ши Ахмету посылал, чтобы ему Ши Ахмат тех двух человек отдал..., а Ши Ахмет царь того Саид Ахметова человека веле убити и Саид Махмут царь не дошут Дону да разбранися с Ши Ахметом» [2]. Шеих Ахмет, собрав остатки татар до 20.000, ещё раз пробовал овладеть Крымом и, не добившись успеха, ушёл зимовать к Белграду. Зима в 1501 году хотя не была столь холодной, но она прошла также напряжённо из-за сожжения Мингли Гиреем травы, «чтоб им некогда зимовати». С наступлением лета 1502 года «много добрых людей» Шеих-Ахмета ушло в Крым. В числе их ушёл князь Тевкель — сын Тимира, исполнявший обязанности старшего эмира, и иные князья Большой Орды.

1. *Матвей Миховский*. Трактат о двух сарматиях, стр. 65—66. Сборник русского исторического общества, т. 41, стр. 367.
2. Сборник русского исторического общества, т. 41, стр. 367.

Хан, покинутый своими вассалами, вынужден был обратиться к московскому князю и просил принять его на службу. Но и здесь получил отказ, как перед этим от турецкого султана. Москва всё ещё дорожила дружбой с Крымом, хотя Крымское ханство становилось теперь более опасным для Московского государства, чем сыновья Ахмата. Даже Литва, до этого поддерживавшая сыновей Ахмата, предпочла им крымского хана, отказав в помощи сыновьям Ахмата. Летом в 1502 г. Менгли Гирей напал на Орду Шеих-Ахмата и нанёс ей окончательное поражение. Крымский хан, извещая о своей победе, писал Ивану III в июне 1502 года: «Слава богу Шанх Ахмета нидруга нашего разогнав Орду его и все улусы бог наши руки дал» [1].

Потеряв Орду и весь свой улус, разбитый хан со своими приближенцами бежал в Литву, там «по внушению Менгли Гирея» был заключён в крепость Ковно, где и окончил свою жизнь.

С разгромом Большой Орды кончается господство татар в Восточной Европе и устанавливается новое соотношение сил, благоприятствовавшее образованию русского национального государства.

---

1. Сборник русского исторического общества, т. 41, стр. 377.

И. Воронин,

кандидат филологических наук

ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНЦЫ САРАНСКА

(к вопросу изучения истории городов Мордовской АССР)

Хорошо написанная история родного города, правдиво изображённые события его жизни, живой, увлекательный рассказ о людях—участниках этих событий—дают ценнейший познавательный материал и помогают воспитывать у наших людей высокое чувство советского патриотизма, поднимают творческий созидательный порыв жителей этого города.

Знание истории того или иного города даёт незаменимый материал в деле изучения прошлого родного края, ибо города чаще всего бывают центрами важнейших исторических событий.

Однако, история городов Мордовской АССР до сих пор не изучена. Глубокого обследования центральных и местных архивов на этот счёт не производилось. Публикация архивных документов по этому вопросу носит случайный, несистематический характер.

Не изучена до сих пор и история столицы нашей республики—города Саранска. Небольшие статьи представителей духовенства, А. Масловского и А. Любимова, напечатанные до революции в Пензенских епархиальных ведомостях и губернской газете, а также и очерк врача Петерсона, помещённый в издании пензенского статистического комитета, не дают подлинной картины прошлого Саранска. Не дают этой картины и имеющиеся статьи и заметки в старой справочной литературе.

Значительная работа по истории старого Саранска (собирание архивных документов и их публикация), начатая в

советское время С. Вернером, к сожалению, была прервана в связи с его смертью.

Большая работа, предпринятая в этом направлении Н. Руткевичем, не получила до сих пор должного отражения в печати.

История нового Саранска, его рост после Великой Октябрьской революции, развитие промышленности, культуры в годы сталинских пятилеток, превратившие захолустный в прошлом уездный город в промышленный и культурный центр Мордовии, до сих пор также не нашла должного отражения на страницах нашей печати.

Необходимость создания подлинно научной истории столицы Мордовии назрела. Для этой цели необходимо организовать систематическую работу по собиранию и публикации важнейших архивных документов, дать правильную, с точки зрения современной историографии, оценку опубликованных в старой литературе материалов, записать дошедшие до нас предания, сопоставить их с документами.

Создание истории города—дело не лёгкое, здесь нужно показать значение города и в прошлом, и в настоящем, его экономику, культуру, быт, рассказать о жизни выдающихся людей этого города, раскрыть социальные корни классовой борьбы среди населения, характерной для того или иного периода его истории.

Одним из важных вопросов истории города является вопрос о его первых поселенцах.

Как трудно начинать писать научную биографию того или иного исторического деятеля, не имея точных данных о времени его рождения, так же трудно писать и научную историю города, не имея точных данных о его основании, о первых поселенцах; о людях—зачинателях строительства этого города.

Вопрос о первых поселенцах Саранска, откуда они пришли, кем они были и сколько их было—до сих пор оставался совершенно неясным, и только в этом году нам удалось в фондах Пензенского архива обнаружить документы, позволяющие ответить на эти вопросы.

Как известно, Саранск был основан как острог (крепость) в 1641 году в связи с проведением сторожевой пограничной черты Московского государства, идущей от Тамбова на Симбирск. По тому времени это было смелым шагом. Новая сторожевая линия выдвигалась на десятки, а местами и

на сотни километров на юг от обжитых мест Московского государства в «дикое поле», где свирепствовали крымские и ногайские татары.

Поэтому новые крепости (остроги) заселялись тогда смелыми, опытными в ратном деле людьми и сразу большими группами. Это общее положение подтверждается документально и по Саранску.

* * *

Самой большой группой из числа первых поселенцев Саранского острога, как видно из публикуемых ниже документов, были полковые конные казаки. В первом же году существования острога их было здесь четыре пятидесятни, т. е. двести человек.

В челобитье царю в 1686 году саранские казаки, отстаивая своё право на землю в споре с князем Черкасским, писали: «Дано де им в-х государей жалованье—на пашню земля, и на сенные покосы 200 человекам, от города Саранска в ближних местах, вниз реки Инзеры до речки Сухой Пензятки [1]—пятидесятникам по 40 четей человеку, десятникам по 30 четей, рядовым по 20 четей человеку в поле, а в дву потомуже; да на сенные покосы по указу. И в писцовых де Атемарских книгах Ивана Бобрищева-Пушкина да подьячего Анисима Ильина та земля написана за ними...» [2]

Свою «писцовую межу» саранские казаки в том же 1686 году подтвердили клятвой, указав при этом и имя главного писца, отводившего им землю,—Семёна Вельяминова, а вслед за ним упомянули и имена писцов—Ивана Бобрищева-Пушкина и Анисима Ильина, работавших вместе с Семёном Вельяминовым по отводу этой земли [3].

В ответе на челобитье саранских казаков, присланном из Москвы в Саранск на имя стольника Левашева, мы находим и указание времени отвода земли саранским полковым казакам. Здесь говорится: «И как к вам, сия наша грамота придёт и вы б той земле за саранскими казаками, за нынешними челобитниками за Ивашкой Павловым с товарищи ве-

1. Сухая Пензятка—приток Инсары, находится в 17 километрах севернее гор. Саранска.
2. „Грамота 1686 года, по делу о завладении землями Саранских казаков князем Михаилом княж Ивановым сыном Черкасским". Копия Грамоты хранится в Пензенском облархиве, ф. 132, д. 4, лл. 1—7.
3. В той же грамоте.

дели быть по Атемарским писцовым книгам Семёна Вельяминова 1642 года, по прежним граням и межам...»[1]. Подтверждение того, что именно Семён Вельяминов отмежевал всю указанную в челобитье саранских казаков землю «от Саранска до Сухой Пензятки», а не какую-то часть её, мы находим и в показаниях старожилов-мордвы, живших севернее Сухой Пензятки[2], а также в показаниях «пасацкого человека» соседнего Инзерского острога[3] (ныне село Посоп, Саранского района), саранского стрельца[4], и, наконец, это подтверждает атемарский казак, лично участвовавший в работах по отводу земли саранским казакам писцом Семёном Вельяминовым в 1642 году[5].

Из перечисленных здесь показаний восстанавливаются полностью грани земли саранских казаков, отведённой им атемарским писцом Семёном Вельяминовым весной 1642 года, т. е. в первую же весну по основании Саранска. Восточной границей этой земли была река Инсара, западной — линия, идущая прямо на север от «выгонной земли», где теперь пеньковый комбинат, пятисотенным рубежом через речку Мокрую Пензу, на восточный край «Кочуган помры» (роща, именуемая теперь Чукалами), далее на вершину «Кочуганского врага»[6]; затем «Кочуганским врагом на низ до речки Лямбири и речкою Лямбирью до речки Сухой Пензятки». Северной границей земли саранских казаков была речка Сухая Пензятка, южной — Никитинская и Ладская горы, т. е. линия от пенькокомбината на восток по оврагу к тому месту, где сейчас железнодорожный мост через реку Инсару.

Через бывшие поля саранских казаков и сейчас проходят дороги: Ладская (на село Лада, районный центр Мордовской АССР) и Никитинская (на село Никитино, Горьковской области), сохраняются на этих полях и старые названия оврагов— Репный, Гнилой, Косой, Семивражки, Попочков и др.

Некоторые из местных историков высказывали предположение, что первыми поселенцами Саранска были стрельцы. Эта точка зрения, как видно из документов, была ошибочной.

Создание из поселённых в Саранске полковых конных

1. В той же грамоте.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Теперь Чукольский овраг.

казаков ядра пограничной крепости вполне отвечало тем задачам, которые стояли в то время перед саранским гарнизоном, выдвинутым в степь для отражения набегов конных отрядов ногайцев и крымцев и для ведения станичной дозорной службы за валом на юг от Саранска. Пополнение же гарнизона пешими стрельцами было следующим этапом, когда занятые места были в значительной степени обжиты и сама крепость стала устойчивым пограничным пунктом. Ещё позднее саранский гарнизон был пополнен и пушкарями.

Из цитированной выше грамоты видны и организационные принципы построения войск саранского гарнизона в XVII веке. Казаков было четыре пятидесятни, во главе которых стояли пятидесятники, низшим звеном были десятни, которыми командовали десятники, их было двадцать. Документы сохранили и имена казаков-пятидесятников—«Китунка Свитин, Ивашко Павлов, Мишка Гаврилов, Микита Костентинов»[1]. Многие потомки саранских казаков—пятидесятников десятников и рядовых и сейчас проживают в Саранске: Свитины, Плодухины, Трубчиковы, Воронины, Елховиковы, Новокрещеновы, Комаровы, Лукины, Алаторцевы, Пусковы, Маскенсковы, Егуновы, Лаптевы, Зотовы, Щетинины, Холоповы, Нищевы, Вильяновы, Спиридоновы, Переплётчиковы, Калашниковы, Калмыковы и др.

Саранские казаки, охраняя границу, «несли военную службу с земель», т. е. они были и воинами, и пахарями, сами себе добывали хлеб и несли военную службу. Приведённые документы показывают и размеры земельных наделов саранских казаков в XVII веке. Так, пятидесятник имел земли на пашню 40 четей (20 десятин) в поле, а в трёх полях 60 десятин, десятник имел по 30 четей в поле, т. е. 45 десятин в трёх полях, рядовой казак—по 20 четей в поле—30 десятин в трёх полях. Всего же саранские казаки получили земли на пашню в 1642 г. 4240 четей (2120 десятин) в поле, а в трёх полях— 6360 десятин. Кроме того, все три категории казаков имели «сенные покосы по указу». Это была большая полоса лугов, тянувшихся на 17 километров по левой стороне Инсары от Саранска до деревни Суркино, казакам же принадлежали и луга по обе стороны речки Мокрая Пенза от Чукальского леса до Инсары. Позднее, когда Саранск перестал быть погра-

1. Фамилия указана только одного из пятидесятников, остальные трое в документе названы только по имени и отчеству.

ничной крепостью, сельское хозяйство стало основным занятием саранских казаков, и писаться в документах с начала XVIII века они стали пахотными солдатами казачьей слободы, состоящими на службе в ландмилиции, ещё позднее саранские казаки совершенно перестали быть военными людьми, и в первой половине XIX века они именовались уже однодворцами, а затем казёнными крестьянами казачьего общества. Число их намного возросло. В начале нашего века в обществе насчитывалось уже более 2.000 душ обоего пола. Земли же им после отвода Семёном Вельяминовым прибавлено не было. Они пахали всё ту же, с небольшими изменениями, (часть полей у них была отрезана Саранскому мещанскому обществу) землю и делили её по сотням (были Свитина, Плодухина, Трубчикова, Новокрещенова и другие сотни), что вместе с названием общества напоминало о былой казачьей жизни.

В 1930 году в Саранске был организован колхоз «Гигант», куда в числе первых организаторов вошли многие крестьяне бывшего казачьего общества. Многие потомки саранских казаков перешли на работу в промышленность в связи с строительством новых фабрик и заводов в Саранске в годы сталинских пятилеток. Среди этих людей немало сейчас передовых мастеров, хороших знатоков своего дела, энтузиастов-стахановцев: Дмитрий Фёдорович Вильянов (маслозавод), Алексей Дмитриевич Калмыков (пенькокомбинат) и другие. Многие потомки саранских казаков в советское время стали учителями, офицерами, инженерами, врачами, общественными и советскими работниками: министр торговли Василий Николаевич Лаптев, заведующий тубдиспансера, врач Алексей Васильевич Свитин, главный врач психбольницы Павел Васильевич Новокрещенов, инженер мотороремонтного завода Александр Дмитриевич Воронин, преподаватель литературы Борис Михайлович Комаров и другие[1].

Во второй половине XVIII века из Саранской казачьей слободы выделилось несколько домов; и образовали на старой казачьей земле, недалеко от впадения речки Мокрой

1. Автор данной статьи, кандидат филологических наук Иван Дмитриевич Воронин также является потомком саранских казаков, первых поселенцев города Саранска (Ред.)

Пензы в Инсару, посёлок (теперь село Александровка, Лямбирского района). В середине XIX века из Саранского казачьего общества выделилась ещё одна группа крестьян и образовала также на казачьей земле, на той же речке Мокрая Пенза, в двух километрах на запад от Александровки, другой посёлок (ныне деревня Владимировка, того же Лямбирского района).

Полный поимённый список саранских казаков находится в Пензенском облархиве, в материалах четвёртой ревизии от 1782 года[1], в материалах первой ревизии от 1721 года, хранящихся в Москве, в Центральном архиве древних актов[2] приведены также все имена саранских казаков, в архивах Саранской приказной избы[3] и Саранской воеводской канцелярии[4] часто встречаются имена и фамилии саранских казаков от XVII века. Все эти документы свидетельствуют о том, что состав саранских казаков был устойчивый. На протяжении трёх веков мы видим представителей одних и тех же фамилий за редким исключением, когда в среду казаков принимались по родству или каким-либо другим признакам новые люди. Анализ поимённых списков саранских казаков даёт возможность сделать определённые выводы и о том, что среди них было значительное количество мордвы. В данных списках имеется несколько дворов Новокрещенов, которые позднее превратили это имя в фамилию. Потомки бывших саранских казаков с фамилией Новокрещеновы и сейчас проживают в Саранске. Среди саранских казаков была довольно распространённой фамилия Шапошниковых, которые по-уличному именовались Раужины, что производно от мордовского слова «чёрный», в XVII и XVIII веках были саранские казаки с фамилией Мордвиновы. Далее этот анализ даёт возможность сделать выводы о том, откуда пришли полковые конные казаки в Саранск.

Известно, что намного раньше постройки Саранской сторожевой черты, которая вначале называлась Атемарской, существовала севернее её сторожевая черта, идущая по старинным мордовским местам от Темникова через Пузскую слободу вдоль реки Алатырь на город Алатырь. В числе

1. Найден нами в 1940 году. Пензенский обл. архив, ф. 60. д. 1493.
2. Найден нами в 1946 г. Центр. архив древних актов, материалы первой переписи по Саранскому уезду.
3. Хранятся в Центр. архиве древних актов.
4. Хранятся в Центр. архиве древних актов и в Центр. архиве Мордовской АССР.

первых поселенцев Саранска были казаки с прозвищем Маскенский (от имени деревни Маскино, под Темниковым), Пуской (от имени Пузская слобода, Нижегородской губернии, ныне Горьковской области), Алатырец (от имени реки Алатырь или города Алатырь). Позднее эти прозвища также стали фамилиями. Потомки саранских казаков с фамилиями Маскенсковы, Пусковы, Алаторцевы и доныне проживают в Саранске.

Вполне естественно, что в связи с постройкой Саранской сторожевой черты старая сторожевая линия от Темникова на Алатырь, включавшая и Пузскую засеку[1], стала утрачивать своё значение, и люди, обслуживающие эту сторожевую линию, стали переводиться в новопостроенные крепости на юг. В связи с этим казаки со старой Темниковско-Пузско-Алатырской сторожевой черты были переведены на новую линию и из числа их составилось основное ядро Саранской крепости. Это подтверждается и приведённым в трудах Пензенской архивной комиссии документом, где говорится: «... Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу... бьют челом холопи твои и сироты Темниковского города мурзы и татаровя и ямщики; в прошлых... годех... до казанского взятия поставлен город Темников по сю сторону уезду, в лесу, за рекою Мокшею за болоты и за озеры, для приходу казанских воинских людей, а уездные сёла и деревни и емская слобода на напольной стороне; и в прошлых государь годех по великого государя указу боярин Богдан Матвеевич Хитрово построил новые твои, великого государя городы за Темниковом: Керенский и два Ломовы и Инсар и Саранской и Симбирской, и в тех городех по черте вал и всякие засечные крепости построил и укрепил... и как... построены твои великого государя новые городы, и старые государь засечные крепости Алаторская засека в Пуземских и в Гуляевских воротах до города до Алатыря... оставлены и засечные сторожи сведены на вечное житье в новые твои великого государя городы к новым засекам и земли их розданы помещикам, а с Темниковские, государь, засеки засечные сторожи сведены на вечное житье в новом городе Инсарске (Инсаре...)[1]. Ко всему сказанному можно прибавить и то, что большая часть саранских казаков была, повидимому, переведенцами из района Пузской засеки, т. е. из самых ближних мест, ибо будучи пузскими засечными сторожами они до постройки Саранской крепости хорошо знали места от реки Алатыря, от Гуляевских ворот (ныне с. Гуляево, Ичалковского р-на), вверх по реке Инсаре, проводя здесь дозорную службу, выдвигаясь сюда для борьбы с крымцами и ногайцами. Знали они хорошо и доброткость чернозёмов и заливных лугов в районе новостроящейся Саранской крепости, что их не могло не привлекать.

Публикуемая ниже грамота даёт ценные сведения и о соседях саранских казаков по земельным владениям. С востока к их земле примыкала земля Инзерской крепости (острога), ныне село Посоп, а с запада—земля саранских стрельцов, с северо-запада—земля лямбирских татар[2], с севера — земля мордвы, причём выясняется, что значительная часть лямбирских татар пришла сюда позднее, чем саранские казаки. Они были переселены «из Темниковского уезда» для несения военной службы по саранской черте «после писцов» (Семёна Вельяминова, Ивана Бобрищева-Пушкина и Анисима Ильина) и «после бунтового времени 1671 года» (восстание Степана Разина). Мордва же были старожилами этих мест. «Кочуган помра (роща, именуемая теперь Чукалами. И. В.)[3] была их старая крепостная верховая вотчина. И с той де вотчины платили они мордва оброк по вся годы». Старожилы этих мест—мордва—дали имя «Кочуганпомре» и «Кочуганскому врагу», который раньше назывался по-мордовски «Кочкам», что значит «выбор», «а помра де кочуганская слывёт по тому врагу». Мордва же дали имя и речке Лямбирь, что значит «тепло», (лямбе—тепло, вирь — лес, — тёплый лес), отсюда и название деревни (а потом села Лямбирн), жившие же в районе речки Лямбирь мордва, как старожилы, дали название и другим двум речкам—Мокрая Пенза[4], через которую проходила отведённая саранскими каза-

1. Сторожевая линия, шедшая вдоль реки Алатырь от Пузской слободы через Гуляево (Ичалковского района, Мордовской АССР) на Спасские Мурзы (Козловского района, Мордовской АССР).

1 Труды Пензенской уч. арх. комиссии, кн. 1, Пенза, 1903 г.; Материалы для истории г. Пензы, стр. 14.

. Теперь село Лямбирь, районный центр Лямбирского района.

3. Роща Чукалы находится в двух километрах от села Лямбири.

4. Речка Мокрая Пенза (сейчас просто Пенза)—приток Инсары, в семи километрах севернее Саранска.

ками земля, и Сухая Пензятка, которая была северной гранью этой земли. Эти две речки, название которых происходит от мордовского слова «пенсамс» (конец хода, до конца), были, повидимому, гранями также и старинной мордовской земли и их бортных ухожаев в «Кочуган-помре». Мордва же дали и имя четвёртой речке в этом районе—Арефляйке[1], что значит «речка жизни» (эряф—жизнь, ляй—речка).

В настоящее время в районе с. Лямбирь мордовских деревень нет. Их не стало здесь ещё в конце XVII века. Поиски в архивах и обследование местности дали возможность автору этих строк установить названия и расположения деревень мордвы-старожилов, о которых здесь идёт речь.

В 4—5 километрах северо-западнее с. Лямбирь была деревня Аксеняр[2] (Яксаргонярь), по-русски—Утиная. Сейчас об этом лишь напоминает название леса между с. Лямбирями и д. Апполоновкой (Аксенярский, Оксярнинский лес), несколько западнее от деревни Аксеняр была другая мордовская деревня Вечкенярь[3] и километрах в 12 севернее с. Лямбирь (в районе современного посёлка Раздольный)—третья—Костяшева[4], из которой вышел герой мордовского народа, сподвижник Степана Разина—Мурза Акайка.

Притесняемая помещиками и царскими чиновниками мордва указанных деревень вынуждена была покинуть свои родные места и переселиться на юг за Пензенскую сторожевую черту и на восток, за Волгу[5].

Изложенные в грамоте показания свидетельствуют о том, что и саранские казаки подвергались жестоким притеснениям со стороны представителей дворянской знати. На протяжении нескольких лет они вели борьбу с князем Черкасским, который насильственно завладел их землёй и даже поселил на казачьей земле свою деревню. В челобитье 1686 года саранские казаки писали, что они из-за этого притеснения «Оскудали и обедняли, и одолжали великими долгами, и стали без хлеба, и детей своих в заклад позаложили». Только после длительного разбирательства, после опроса десятков свидетелей князь Черкасский был изобличён в подделке межевых знаков, и его деревня была сселена с казачьей земли.

Необходимо также отметить, что в борьбе против князя Черкасского саранские казаки выступали не одни, а вместе со старожилами-мордвой указанных деревень, вместе с саранскими стрельцами, атемарцами и инзерцами. Этот вывод со всей очевидностью подтверждают приведённые в грамоте свидетельские показания.

***

Второй большой группой первых поселенцев Саранска были пешие стрельцы. Публикуемые ниже два документа: «Выпись с Атемарских писцовых книг от 1686 года»[1]. Выпись с Саранских писцовых книг того же 1686 года[2], а также опубликованная в 1903 году в трудах Пензенской учёной архивной комиссии «Выпись с отказных книг»[3] дают полную картину о времени поселения стрельцов в Саранске, их количестве и землях, которые им были отведены как «жалованье».

В отличие от казаков, которые поселились в Саранске сразу большой группой, стрельцы селились здесь постепенно. В указанной выше «Выписи с отказных книг» мы читаем следующее: «...И в прошлых де годах по указу в-го г-ря писцы Семён Вельяминов, да подьячий Анисим Ильин отвели Саранского острогу стрельцам Темниковским переведенцам Корнилку Федорову (Сапожникову) с товарищи 15-ти человекам в Саранском на пашню 122 чети в поле, а в дву потому-ж, да сторожевым 50 человекам, которые впредь будут 1270 чет. в поле, а в дву потому-ж. И та де сторожевая земля по указу в-го г-ря отдана им стрельцам Тараске

1. Тоже приток Инсары, в десяти километрах севернее Мокрой Пензы.
2. Госархив Мордовской АССР, ф. 15, д. 3, л. 43. Следы этого поселения заметны и доныне.
3. Там же, ф. 15, д. 3, л. 10[об].
4. Там же, ф. 15, д. 80, л. 21. Ещё не так давно, в XIX веке, поле, где была указанная деревня, именовалось „Пустошь Костяшева" (Показания старожила с. Салмы, Ромодановского района, Ильи Григорьевича Левина, записанные в 1948 г.)
5. 84-летний житель с. Лямбири Ерзин Хайзулла в 1948 году сообщил автору этих строк, что когда-то давно лямбирские татары встретили за Волгой между Самарой и Уфой мордовскую деревню, жители которой считали себя выходцами из д. Аксеняр, что была в р-не современ. Лямбирей. Недалеко от г. Кузнецка Пензенской обл. есть мордовская деревня Ст. Яксарка, которая образована, повидимому, также выходцами из указанной деревни Аксеняр. См. также „Мордовский этнографич. сборник", составл. А. Шахматовым, СПБ, 1910, стр. 25.

1. Хранится в Пензенском облархиве, ф. 132, д. 2, л. л. 15—21.
2. Хранится там же, 132, д. 2, л. л. 13—15.
3. Труды Пензенской учёной архивной комиссии, т. 1, раздел „Материалы для истории местного края", стр. 142—145.

Игнатьеву с товарищи; да им же стрельцам отведено земли в додачу из выморочного поместья атемарца Андрея Трусова 170 четей и всего им стрельцам отведено на пашню в Саранску 1340 четей в поле, а в дву потому-ж...»

В «Выписи с атемарских писцовых книг» мы находим указание о времени указанного выше отвода земли саранским стрельцам писцом Семёном Вельяминовым и подьячим Анисимом Ильиным. Это было в 1642 году.

Эти два документа со всей очевидностью показывают, что вначале, в 1642 году, в первую весну по основании Саранской крепости, в её гарнизоне было только 15 человек стрельцов, переведённых из Темникова, но вместе с тем тогда же стоял вопрос о необходимости значительного пополнения гарнизона стрельцами, и Семён Вельяминов с Анисимом Ильиным в том же 1642 году отвели для этого будущего пополнения стрельцов значительную площадь земли на пашню.

Это пополнение начало поступать за счёт «новоприборных стрельцов». Вслед за пятнадцатью стрельцами, «Темниковскими переведенцами», в Саранск в число стрельцов стали верстаться новые люди, преимущественно из района севернее Саранска, с южной окраины Нижегородского края. В документах, относящихся к 1657 году, по Саранску числится стрельцов уже 350 человек. В выписи из Саранских писцовых книг от 1686 года указано. «...И во 1657 году, по разделу атемарца Вельямина Растрынина, да подьячего Тимофея Анофриева по мере той земли 1340 четей в поле, а в дву потому ж, разделённой стрельцами по 4 четв. человеку... им Саранским стрельцам Темниковским переведенцам и новоприборным стрельцам 350 человекам, старые их дачи...»

Указанные выше документы дают полное представление и о границах земель саранских стрельцов до 1665 года. Эти земли располагались «с краю от казачьих поль»[1], т. е. на запад от земли саранских казаков. «Писцовая грань» земли саранских стрельцов шла «от города Саранска под деревнею

1. Труды Пензенской учёной архивной комиссии, т. I, раздел: Материалы для изучения местного края, стр. 143.

Берсеневкою[1] перешед враг на левой стороне у большого заповедного Рудинского лесу[2]... через ржавец (овраг), что под деревнею Берсеневкой 196 сажен... и прямо на север через речку Мокрую Пензу ... до речки Лямбири... речкою Лямбирью до устья Кочуганского врага до земли саранских казаков...»[3] и на юг—западным рубежом казачьей земли до города Саранска. Внутри этих граней и была земля саранских стрельцов. Через стрелецкую землю проходила большая дорога с Саранска на Лямбири. Эта дорога сохранилась до сих пор:

Из документов видно, что саранские стрельцы были в то время самой малоземельной группой. Рядовые, например, имели по 4 чети (2 десятины) земли в поле, а по мере увеличения населения слободы и того меньше. В неурожайные годы стрельцы голодали, а служба была тяжёлая.

Рассказывая о своей службе и нужде, саранские стрельцы в одной из челобитных на имя царя писали: «...Служат де они всякие в-го г-ря службы в Саранску и в остроге в валу, посылают их за всякими в-го г-ря делами в посылки беспрестанно; да они ж стрельцы, Тараска Игнатьев с товарищи всякое в-го г-ря городовое и засечное дело делают; да у них же де, стрельцов Тараса Игнатьева с товарищи взято в-го г-ря на службу на Дон и в Литовские городы в солдаты да на Терек на вечное житье от брата — брат, от дядей племянники, от отцов дети с жёнами и детьми... И они де стрельцы, Тараска Игнатьев с товарищи, помирают голодною смертью...»[4]

Такие челобитные саранские стрельцы подавали не раз, не раз они просили об увеличении земельных наделов, но существенных результатов не получали. С отводом им в додачу 170 четей земли из выморочного поместья Андрея Трусова, «что была по писцовым книгам за Гаврилом Берсене-

1. Деревня Берсеневка находится в 4-х километрах северо-западнее Саранска.

2. Так по имени речки Рудня назывался тогда верхний лес, примыкающий к Саранску с западной стороны, расположенный от вала и от засеки на север в направлении к Лямбирям. Саранские старожилы и до сих пор называют этот лес „Засекой", по имени лесной засеки, которая была продолжением земляного вала, идущего от Саранска на запад. Речка Рудня—в двадцати километрах западнее Саранска.

3. Выпись с Атемарских книг от 1686 года.

4. Указана выше „Выпись из отказных книг", стр. 144—145.

вым»[1], положение дел не изменилось. Огромные массивы первосортных земель правительство раздавало помещикам, просьбы же стрельцов подшивались к делу. Правда, сочувственно относился к просьбам стрельцов бывший во второй половине 50 гг. XVII в. саранским воеводой Петр Лермант, предок великого поэта Лермонтова, но он был ограничен в своих действиях[2].

Несколько улучшилось материальное положение саранских стрельцов только лишь с 1665 года, когда, наконец, им было отведено для распашки «дикое поле» за валом. В связи с этим необходимо отметить, что первые пятнадцать лет саранские люди селились и обрабатывали землю только «в валу», т. е. на север от сторожевой черты, «за вал» же, т. е. на юг, на «крымскую сторону», они ещё не заходили, хотя и ощущался недостаток в земле, особенно у стрельцов.

В шестидесятые годы XVII века границы Московского государства выдвинулись дальше на юг, начала строиться новая Пензенская сторожевая черта, в связи с этим и саранские люди начали переходить «за вал». Земли за речкой Саранкой, где сейчас нижний базар, вначале использовались как выгон, для пастьбы скота, потом на этой выгонной земле вдоль речки Саранки поселилась «посадская слободка»[3] (ремесленники и торговцы), а в 1665 году и саранские стрельцы подали челобитную об отводе им добавочной земли «за валом». В этой челобитной они писали: «..И ныне по указу в-го г-ря велено построить вновь город Пензу за Саранскою чертою на степной стороне; и есть де у Саранска и Саранские черты у земляного валу на степной стороне вверх по речке Инзаре по обе стороны дикое поле порожжая земля в ближних и крепких местах, и лежит та земля дикое поле, в поместье никому не отдана, в пусте, и не владеет никто. И в-му г-рю пожаловать бы их и з тое порожжей земли, из дикого поля, велеть дати им под пашню земли, против в-го г-ря указу пашни на 1340 четей в поле, а в дву потому ж по 4 четверти человеку в додачу к старой их пашенной земле к 1340 четверт... чтоб им, стрельцам без пашни голодною смертью не померети, и в-го г-ря служб не отбыть...»[1].

«...И по указу в-го г-ря и по наказу стольника и воеводы князь Юрья Шеховского, Иван Неклюдов да подьячий Гаврила Пичугин взяли с собою тутошних людей, сколько приложе, приехав на ту землю,—дикое поле, Саранского уезду, от города близко, и от степной стороны в крепких местах, в порезжих землях. И им, челобитникам, та земля, дикое поле, никому не отдана; и тое землю при сторонних людях списали и измерили в четверти и отвели Саранским стрельцам Тараске Игнатьеву с товарищи на пашню, против в-го г-ря, к прежним их землям в додачу дачи их сполна с сенными покосы и со всеми угодьи..»[2].

Итак, саранские стрельцы стали после 1665 года иметь два массива земли, один «в валу» на север от Саранска, о котором говорилось выше, и другой «за валом» на юг от Саранска, за нижним выгоном. Обмерившие «дикое поле» писец Иван Неклюдов и подьячий Гаврила Пичугин установили грани южного участка стрелецкой земли, которые (с некоторыми позднейшими изменениями) проходили, начиная от точки, что в 1130 саженях от устья Саранки вверх по Инзаре, и от Инзары, от этой точки, на вершину речки Чернейки, потом на юг, через речку Пелеляйку, до речки Левжи и речкой Левжей на восток до реки Инзары, затем через речку Инзару (на правой стороне её) до «Пензенской дороги, Саратовская тож»[3], далее на север по этой дороге опять к Инзаре, к Срелецкому мосту, что в районе современного кирпичного завода. По другую сторону Пензенской дороги на восток от неё, была «земля саранских казаков Черкасской слободы»[4]. Кроме земли на пашню и сенных покосов стрельцам был отведён и лес «за валом от заповедного лесу по речкам Саранке и Чернейке и Пелеляйке и Левже, Ризвет тож... черный лес[5], опричь бортного деревья с погари (по-

1. Выпись из Саранских писцовых книг от 1686 года. Берсенев—первый владелец деревни Берсеневки.
2. См. мою статью „Саранский воевода Петр Лермант" в альманахе „Литературная Мордовия", 1941 г., № 2, стр. 14—18.
3. См. Выпись с атемарских писцовых книг. Ниже печатается также „Выпись из писцовых книг 1686 года на землю саранских посацких людей".

1. Труды Пензенской учёной архивной комиссии, т. 1, стр. 145.
2. Там же, стр. 145.
3. Пензенская дорога—из Саранска на Пензу и на Саратов, до постройки города Пензы эта дорога называлась Саратовской.
4. Небольшая слободка переселённых казаков с Украины. В 1696 году 44 двора этих казаков были переведены „на вечное житьё" в Азов. А. Хвощев „Очерки по истории Пензенского края". Пенза. 1922 г., стр. 113.
5. Чёрный лес—городской нижний лес. Речка Чернейка названа по этому лесу.

жень), и с полянки, и со всеми угодьи, какие в том чёрном лесу есть в угодье, а по смете того чёрного лесу в длину на две версты и больше, поперек на версту...»[1]. Река же Инзара, её часть, проходившая через стрелецкие поля, была во владении Саранского богородицкого монастыря, «за казначеем старцем Власием с братьею», которому она была отдана «на рыбные ловли ещё в 1650 году»[2].

После отвода стрельцам дикого поля «за валом» их земельные наделы значительно увеличились: пятидесятники получили по 14, десятники по 13, рядовые стрельцы по 12 четей в поле. Всего же саранские стрельцы после 1665 года стали иметь земли 4065 четей, в поле и лугов 536 десятин[3].

Необходимо отметить, что соседи-помещики не раз посягали на распаханные саранскими стрельцами наделы. Так, землю, что у вершины Чернейки, у них пытался отобрать стольник Иван Постник Огарёв, землю за Инзарой — стольник Петр и стряпчий Лука Нечаевы. И только после долгих разбирательств этим помещикам было отказано в иске[4].

В связи с отводом стрельцам второго участка образовалась и вторая слобода стрельцов, в нижней части города. Эта слобода позднее, в XVIII веке, когда стрельцы перестали быть стрельцами, а стали пахотными солдатами, перестала называться стрелецкой и получила новое имя по вновь построенной в слободе церкви Трехсвятской, слобода же бывших стрельцов оставшихся на старых местах, на горе, в верхней части города, стала именоваться Нагорной. Позднее, в XIX веке, эти слободы были ещё раз переименованы: Нагорная стала называться Алексеевской слободой, Трехсвятская—Николаевской, а потомки бывших стрельцов перестали уже именоваться пахотными солдатами и стали называться казёнными крестьянами. Ещё позднее, к началу XX века, эти слободы перестали уже именоваться и слободами, а стали называться в документах обществами (Николаевское общество, Алексеевское общество), а о стрельцах лишь напоминали предания, имя моста через Инзару (стрелецкого), находящегося у грани бывших стрелецких земель, да названия двух оврагов, за этим мостом, именуемых так же и до сих пор стрелецкими.

1. Выпись с атемарских писцовых книг от 1863 года.
2. Там же.
3. Выпись с атемарских писцовых книг от 1686 года.
4. Там же.

Оба эти общества в количественном составе сильно выросли. Так, в начале нашего века Алексеевское общество насчитывало более пятисот мужских душ (отсюда его часто называли Пятисотенным обществом), Николаевское общество имело к этому времени более тысячи мужских душ (отсюда и оно часто называлось Тысячным). Кроме того, многие потомки саранских стрельцов из числа крестьян Николаевской слободы, начиная с конца XVIII века, стали выселяться на старые стрелецкие земли на речку Чернейку и образовали деревню Чернеевку (впоследствии 2-е Николаевское общество), ныне насчитывающее более 300 дворов село Николаевка, Саранского района. В начале нашего века из Николаевского общества выселились несколько дворов за Инзару и образовали посёлок Кутузовку.

Несмотря на столь большое увеличение потомков саранских стрельцов, дополнительной земли им царским правительством не отводилось. Они обрабатывали те же земли, которые отведены были их предками в XVII веке. До нас дошли старинные названия урочищ в этих полях: «Грачевник» (в районе современного железнодорожного моста через речку Чернейку), где по преданию был непроходимый кочкарник, росли осины, на которых обитали стаи грачей, позднее это урочище стало называться Осиновой лукой; «Журавлиный враг» (приток Пелеляйки), где водились в большом количестве журавли; Второй угол, Венечная гора (в районе современного кирпичного завода), где по преданию девушки, дочери стрельцов, завивали венки и, наконец, в лесу у вершины Саранки — Аниськин враг, о котором сохранились легенды, повествующие о жизни здесь страшного разбойника—Аниськи ещё до передачи этого леса саранским стрельцам. До нас дошли и старинные мордовские названия речек этого района — Левжа и Перхляйка, одноимённых с соседними древнейшими мордовскими сёлами Левжа и Перхляй (левож — мочало, в этом районе и до сих пор существует липовый лес, который исстари разрабатывала мордва. Пере — огород, округление; ляй — речка), Пелеляйка и др.

В 1930 году потомки саранских стрельцов в числе первых вступили в колхозы, городские—в колхоз «Гигант», николаевские — в колхоз имени Ворошилова. Многие из них стали выдающимися работниками колхозного производства: председатель колхоза имени Ворошилова Александр Ивано-

вич Суворов, бригадиры этого же колхоза Дмитрий Семёнович Филимонов, Василий Николаевич Романов, член полеводческой бригады Николай Александрович Фалилеев (колхоз «Гигант») и др.

Наиболее распространёнными фамилиями из числа проживающих ныне в Саранске потомков саранских стрельцов являются: Сапожниковы, Долговы, Кудрявцевы, Кутузовы, Бабины, Карташевы, Мягковы, Новокрещеновы, Корочковы, Напалковы, Банниковы, Стуколовы, Серебряковы, Романовы, Бурыкины, Усовы, Акаёмовы, Дыдыкины, Кочетовы, Филимоновы, Воротниковы, Чуприковы, Балахонкины, Кашигины, Копыловы, Веретенниковы, Гладышевы, Просвирнины, Плехановы, Аршиновы, Агаповы, Ивенины, Масловы, Торчиковы, Фалилеевы, Балакиревы, Рыковы и др.

В числе потомков саранских стрельцов, проживающих ныне в Саранске,—Герой Советского Союза Константин Алексеевич Корочков, начальник Полиграфуправления Мордовской АССР Яков Иванович Агапов, выдающиеся мастера производства Ивенин Михаил Андреевич (слесарь Электровода), Банников Иван Иванович—бригадир артели «Пищевик» и другие.

***

Третьей группой из числа первых поселенцев Саранска были пушкари. Эта группа по количеству была значительно меньшей, чем две первые группы—казаки и стрельцы. В 1661 году в Саранске было 21 человек пушкарей[1]. В 1674 году саранским пушкарям была отведена земля за рекой Инзарой. Об этом мы находим указание в депутатском наказе представителю саранских служилых людей в Екатерининскую законодательскую комиссию 60 гг. XVIII века.

«...В прошлом 1674 году, августа 14 дня,—писали в этом наказе саранские пушкари,—по указу от царя... Алексея Михайловича..., по грамоте из Московского дворца, дано дедам нашим пушкарям, близ города Саранска меж реки Тавлы и земляного вала, от Инзарского острога до посопной подъяческой земли, всего тридцать человекам именно на пашню

1. *С. Б. Веселовский* „Сметы военных сил Московского государства 1661—63 гг." Чтения Московского общества истории и древностей, 1911 г., кн. 3, стр. 1—60.

земли по осьми четвертей в поле, а в двух потому—ж, да сена по 16 копен 1 человеку, которою те деды наши и отцы... стого числа и владели...»[1]. Во время четвёртой ревизии в 1782 году в саранской пушкарской слободе было уже мужских душ 144, женских — 135. К этому времени пушкари имели земли пашни 424 десятины, сенных покосов 54 десятины, располагались их земли начиная от города Саранска в клину, между рекой Инзарой и речкой Тавлой[2], где ныне пушкарские выселки (Пушкарский посёлок)[3], по обе стороны дороги из города Саранска на деревню Макаровку.

К числу наиболее распространённых фамилий потомков пушкарей, живущих в настоящее время в Саранске и в Пушкарском посёлке, относятся фамилии Полежаевых, Срельниковых, Шапошниковых, Корабельщиковых, Дымковых, Разгильдеевых.

Из числа потомков саранских пушкарей вышел Герой Советского Союза, выдающийся пилот Семён Антонович Полежаев.

Такова в кратких чертах история первых поселенцев Саранска, скромных воинов и тружеников, которые в обстановке страшных опустошительных набегов врага—ногайцев и крымских татар положили крепкое начало нашему городу и честно из поколения в поколение служили своей родине в деле укрепления её могущества и славы.

---

1. Сборник русского исторического общества, т. 115, СПБ, 1903 г., стр. 158.

2. Центрархив древних актов. Материалы генерального межевания 1782—1797 гг. по Саранскому уезду.

3. Пушкарский посёлок возник в начале нашего века из выселившихся из Саранска потомков пушкарей-крестьян Пушкарского общества.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

(Архивные документы)

Грамота 1686 года, по делу о завладении землями саранских казаков князем Михайлом княж Ивановым сыном Черкасским.

«В Саранской уезд писцам нашим стольнику Якову Григорьевичу Левашеву, да подьячему Михайлу Дмитриеву».

От Великих госуд..... нна Алексеев ..... вича ..... Великие госуд ..... и Великие княжны Софии Алекс.... Великие и малые и белые России самодержцев, в Саранский уезд, стольнику нашему Якову Григорьевичу Левашеву, да подьячему Михайлу Дмитриеву.

В прошлом во 193 (1685) году ..... послан ..... на имя великих государей ..... по челобитью стольника нашего князя Михаила княж Иванова сына Черкассова, да Саранских казаков Ивашки Павлова с товарищи, а велено в тех их землях указ учинить по нашему в-х г-рей. Указу и уложению и по ..... статьям; а что ..... о том велено к нам в-м г-рям писать.

И в нынешнем в 194 (1686) году июля в 28 день писал ты к нам, в-м г-рем, и послал отписку, а под отпиской сыск по челобитью Саранских казаков. А в отписке написано: в прошл ..... июня 28 день в наше ..... грамоте из приказ ..... за приписью Дьяка Григория Протопопова, по челобитью стольника нашего князь Михайла княж Иванова сына Черкасского, в Саранский уезд писано к ним, велено о спорной земле, что у него князь Михайла в споре с Саранскими казаками учинить по нашему велик .....

уложению и по новым ..... наказ, а что ученено будет о том велено писать, и в прошлом во 193 (1685) году июля в 7 день, по нашему, в-х г-рей, указу, и по наказу, и по сыску, и по отводу старожилов и сумещиков, по Атемарским писцовым книгам писца Семена Вельяминова, да Ивана Бобрищева ..... да подьячего Анисимова ..... годов та земля, которая в прошлом во 183 (1675) отказана была стольником нашим князь Михайлу Черкасскому, да Ивану Селунскому, отмежевана Саранским казакам и в писцовые книги их, писали и меры и межеванья, написано за ними, казаками. А з ..... ево, стольник нашего князь ..... касского, по сказкам и отводу ..... и сумещиков поселена на их казачьей земле в писцовых их межах и гранях; А сверх их казачьи старые писцовые дачи примерено лишние земли 192 чети без третника в поле, а вдву потомуж. И та примерная земля в их межах и гранях к речке Су ....., а в сыску Саранских казаков пятидесятников — четыре человек, десятников—двадцать человек, рядовых казаков пятнадцать человек всего тридцать девять человек, по святой непорочной евангельской заповеди господней сказали: про писцовую межу писца Семена Вельяминова да Ивана Бобрищева-Пушкина, да подьячего Анисимова Ильина ..... 181 (1673) годов, а смежна та казачья земля с Саранскою стрелецкою землею, а спору де у них и челобитья у них казаков с саранскими стрельцы ..... от города Саранска, от выгонной земли от оврага до Утину ныне нет, и впредь не будет.

В сыску же саранских стрельцов пятидесятников два человека, десятников 12 человек, рядовых стрельцов 31 человек,—сказали, и указали старую писцовую саранских казаков межу писцов Семёна Вельяминова, да Ивана Бобрищева-Пушкина, да подьячего Анисима Ильина 180 (1672) и 181 (1673) годов, а смежна да та казачья земля с их стрелецкою землёю, а спору де у них, стрельцов ..... меже от города Саранска, от выгонной земли и от оврага до Утину ныне нет и впредь не будет.

В сыску же старожилов мордвы, шесть человек по своей вере, по шерти,— сказали, выслушав с писцовых книг выписи писцов Семёна Вельяминова. да Ивана Бобрищева-Пушкина, да подьячего Анисима Ильина, 180 и 181 годов, сказали: Саранских де полковых казаков земле писцовую межу и урочища от г. Саранск, от выгонной земли через

речку Мокрую Пензу прямо к Кочугэн Помре на вершину Кочуганского врага и Кочуганский враг и до реки Инзеры, они мордва знают и укажут потому что де Кочуган помра была их старая крепостная верховая вотчина. И с той де вотчины платят они, мордва оброк по вся годы.

Да тебе ж и подьячему, приехав на спорную Саранских казаков землю стольника нашего князь Михайлова люди Черкасского Родька Васильев, Бориска Сивцов подали вводную грамоту 185 года за приписью дьяка Петра Самойлова, и указали: едучи из Саранска по Московской дороге на левой стороне дуб, а от того дуба прямо к той Московской дороге 11 сажен; а на том дубу—грань, а другая де грань, которая указывала на Кочьюганскую помру и на вершину Кочьюганского врага, та вызжена, а кто де тое грань выжег, и на чьей земле тот дуб стоит, и с чьей землею межевана и грани на том дубу набиты,—того они не ведают. И в писцовой де атемарской книге тот дуб написан в их казачьей земле на меже, а от того дуба прямо на Кочьюганскую помру на вершину, а на вершине де того врага стоял дуб с гранью; и тот де дуб сожжен и грань вызжена, а кто сжег того они не ведают. А с которую де сторону на тем дубу грань была того они не ведают — же. И тем де врагом живым рубежом до реки Инзеры на праве де земля Саранских казаков, а на леве де земля стольника нашего князь Михайлы Черкасского. А кроме де вводной грамоты и отказных книг у них на ту землю иных крепостей нет.

В сыску ж Саранские конные полковые казаки пятидесятники Микита Констентинов, Мишка Гаврилов, Китунка Свитин, Ивашко Павлов с товарищи сказали: Стольника нашего князя Михайлы Черкасского люди его Родка Васильев, Бориска Сивцов, въехав на спорную их землю, указали едучи от Саранска по Московской дороге на левой стороне от той дороги в 11-ти саженях дуб, и в сказках своих написали, что будто де тот дуб с гранями написан на их казачьей земле в Атемарских писцовых книгах; и того де дуба у них, казаков, в писцовой выписи с атемарских книг и в писцовых Атемарских книгах не написано. А стоит де тот дуб на земле Саранских стрельцов, которые переведены из Темникова; а которые де дуб с гранями переехав речку Мокрую Пензу, написан у них, казаков, в Атемарских писцовых книгах и в выписи их казачьих земле на меже дубья с гранями все в видимости, а не позжены. А в писцовой де выписи написано у них, казаков, от речки Мокрой Пензы до Кочуганского врага только три дуба с гранями: от речки Пензы на дву дубах по две грани, а на третьем де дубу, что на Кочуганском враге на вершине, и на том дубу написана одна грань. А тот де дуб они Родка и Бориска указали на стрелецкой земле, а не на их казачьей земле. А от последнего дуба,что стоит на вершине Кочьюганского врага, на низ тем врагом живым рубежом до реки Инзеры.

Да стольника нашего князь Михайла Черкасского люди ево, Родка Васильев, Бориска Сивцов, привели, и указали, от дуба, что в сказке своей написали, через московскую дорогу на враг, направо, и у того врага меж двух вершинок на стрелке,—дубовой горелый пень; и сказали тот де дуб с гранью был, что написано в выписи с писцовых книг у саранских казаков на меже, на вершине Кочуганского врага. И Кочуганский де враг, который указывают они тот; и тем де врагом на низ живым рубежом до реки Инзеры, направе де земля Саранских казаков, а налеве земля стольника нашего князь Михайлы Черкасского, что ему дана из дикого поля и из порожжие земли.

В сыску ж старожилов, мордвы 5 человек сказали: который де враг стольника нашего князь Михайла Черкасского люди ево, Родка Васильев, Бориска Сивцов, указали и в сказке своей написали, и называют его Кочуганским врагом, и у того врага меж дву вершин на стрелке указали горелый дубовой пень, и тот де Кочуганский враг, и имя де они, мордва, тому врагу не знают, и дуба де того, к которому горелому пню привели они, Бориска и Родка, они, мордва, не знают; а куды де тот враг впал, того они, мордва не ведают. А прямо де Кочуганской враг, а по их де мордовскому языку «Кучкам», а помра де Кочуганская слывёт по тому врагу. И на вершине де того врага стоит дуб, а на нем писцовая одна грань Саранских казаков; а грань де указывает на низ по врагу, а Кочуганским врагом на них до речки Лямбири, а речкой Лямбирью до речки Сухой Пензятки, а Пензяткою живым рубежом до реки Инзеры.

В сыску ж мордва восемь человек сказали: который де враг стольника нашего князь Михайла Черкасского люди ево, Родка Васильев с товарищем называют Кочуганским врагом, они де тому врагу имени не знают; а слышали де они, мордва, от своей братии, от вотчинников, — который де

враг называют Кочуганским врагом Саранские казаки, и в тех де местах они, мордва, нанимали у них казаков сенные покосы, и на них де казаков, из найму сена кашивали, а пришел де тот враг в речку Лямберу, Лямберою в Сухую Пензу, а Пензою живым рубежом до реки Инзеры. И на вершине де того врага на дубу грань видели и ныне де на том дубу грани есть.

В сыску ж Саранских татар 13 человек сказали: который де Кочуганский враг называют стольника князя Михайла Черкасского, люди ево и тот де враг зовут они татаровя «Жёлтым врагом».

В сыску ж 9 человек татар сказали: который де враг называют указали стольника нашего князь Михайла Черкасского, люди ево, Кочуганским врагом, и тот де Кочуганский враг, или иным коим прозваньем — того они не знают, а в деревне де Лямбири стали они жить после бунтовова времени 179 (1671) года.

В сыску ж Атемарского острогу один человек, казак, сказал: как де были в Саранску писец Семён Вельяминов с товарищи, и он де в те поры при писцах был лет в полтретьятцать, и как де межевал писец казачью землю и он де с писцом на той казачьей земле был, и писцовую де межу той казачьей земли он знает; а межи де той казачьей земли от города Саранска через Мокрую Пензу, и за Мокрою де Пензою набиты грани на трех дубах и до Кочуганского врага, а Кочуганским врагом живым рубежом до реки Инзеры, а на Кочуганском де враге, на вершине набита на дубу грань. А что де стольника князя Михайла Черкасского, люди ево Родка Васильев, Бориска Сивцов, указали и в сказке своей написали враг и называют его Кочуганским врагом, и тот де не Кочуганский враг, и дуба де того, что стоит натем враге меж дву вершинок горелой пень, — он не помнит, и тем де местом писец не езживал, а деревня де стольника князь Михайла Черкасского построена на земле Саранских казаков.

В сыску ж 7 человек мурз, 11 человек татар, 11 человек мордвы,—всего 29 человек сказали: который де враг стольника князь Михайла Черкасского, люди ево, Родка Васильев, Бориска Сивцов называют Кочуганским врагом, и на том враге меж дву вершинок указывают горелой дубовый пень, и сказывают, что на том дубу были писцовые грани, и тот

де Кочуганский враг, или иное ему какое прозвание и горелой пень писцовой ли дуб был, и были ль на нём грани, про то они ничего не ведают; и что де Саранские казаки называют враг, Кочуганским врагом, и на вершине того врага указывают на дубу писцовую грань, и тот де враг Кочуганский, или какое иное прозвание про то они ничего не ведают. А на которой де земле построена деревня стольника князь Михайла Черкасского, и тою де землею преж сего владели Саранские казаки, а по каким крепостям, того они не ведают. Из тех же людей 7 человек мурз, один человек татарин, в речах своих пополнили, что де они в тое деревню пришли из Темниковского уезда после писцов.

В сыску же посацкий один человек, 10 человек мурз, 6 человек татар сказали: который де враг называют указали стольника князь Михайла Черкасского люди его Родка Васильев, Бориска Сивцов Кочуганским врагом, и у того врага меж дву вершинок на стрелке горелой дубовой пень, а сказывают на том дубу была писцовая грань на меже Саранских казаков; тот де Кочуганский враг, или иным каким прозваньем и у того врага горелой пень, — писцовой ли был дуб с гранями, про то де они ничего не знают; а что де и Саранские казаки называют врагом, Кочуганским врагом и на вершине того врага указывают на дубу писцовую грань, и того де они не ведают. А на которой де земле поселена деревня стольника князь Михайла Черкасского, и тою землею владели ль Саранские казаки и по каким крепостям того не ведают.

В сыску ж Инзерского острогу посацкой один человек сказал: межу де он Саранской земле знает, написана де в писцовых книгах Семёна Вельяминова Инзерского острогу с землею Саранского острогу от земляного валу речкою Инзерою вниз живым рубежом до устья речки Сухие Пензы; на праве де земля Инзерского острогу, а налеве земля Саранского острогу; а который де враг стольники князь Михайла Черкасского люди ево Родка Васильев, Бориска Сивцов, в сказке своей написали и называют Кочуганским врагом, и тот де враг в казачьей земле, — а про Кочуганский враг он не знает. А деревня де стольника князь Михайла Черкасского поселена на казачьей земле.

В сыску ж один же человек стрелец сказал: который де дуб объявили и указали стольника князь Михайла Черкасского,

люди ево Родка Васильев, Бориска Сивцов, едучи от Саранска по Мордовской дороге и к левой стороне в 11-ти саженях и сказали, что де тот дуб на меже Саранских казаков писцовой с гранями, и тот де дуб не писцовой, а стоит на их стрелецком поле; да они ж де, Родка да Бориска, обвели и указали на казачьей же земле враг и называют его Кочуганским врагом, а Кочуганский враг смежен с их стрелецкою землёю, где указали старожилы.

В сыску ж один жа человек стрелец сказал: Саранских де казаков земле межу, от города, от выпускной земли в поля, прямо через речку Мокрую Пензу до Кочуганской помры и до вершины Кочуганского врага, а тем врагом живым рубежом до реки Инзеры, — он знает потому, что та казачья земля смежна с стрелецкою землею. А что де стольника князь Михайла Черкасского люди ево Родка Васильев, Бориска Сивцов, указывают враг и называют Кочуганским врагом, и тот де не Кочуганский враг; и деревня его, стольника князь Михайла Черкасского, поселена на казачьей земле.

Из тех же людей: один человек посацкой, 13 человек мурз, в речах своих пополнили: слышали де они у мордвы, у вотчинников, Кочуганским де врагом называют тот враг, который враг называют и указывают Саранские казаки, и изстари де тою землею, на которой земле поселена деревня стольника князь Михайла Черкасского, владели саранские казаки.

И ныне били челом нам в-м г-рем, Саранские конные полковые казаки пятидесятники, десятники и все рядовые, Ивашко Павлов с товарищи: дано де им наше В-х Государей жалованье—на пашню земля, и на сенные покосы 200 человекам, от г. Саранска в ближних местах, в низ реки Инзеры до речки Сухой Пензятки — пятидесятникам по 40 чет. человеку, десятникам по 30 четей, рядовым по 20 четей человеку в поле, а в дву потомуж; да на сенные покосы по указу. И в писцовых де Атемарских книгах Ивана Бобрищева-Пушкина, да подьячего Анисима Ильина, та земля написана за ними, и по тем де писцовым книгам тою своею землёю владели многие годы, и спору и челобитья о той земле, ни от кого не бывало.

И в прошлом де во 183 (1675) году били челом нам в-ким г-рем стольник князь Михайло княж Иванов сын Черкасской да Иван Селунской назвав тое их писцовую

дачу порожжею землею на 400 четь в поле, а в дву потомуж, а потому своему ложному, неправому челобитью тою их писцовую дачею многою землею владеют они напрасно, и деревню себе на той их земле поселили; и по розыскам де и по чертежам и по досмотрам прежних воевод, та их земля писцовая дача им оправлена, и они де, князь Михайло Черкасской, да Иван Селунской, те воеводские розыски и чертежи и осмотры неправым своим челобитьем спорили и приносили ложные челобитье, и против того ложного их челобитья и спору, прислана нам в-х г-рей, грамота к тебе, да к подьячему, велено про ту их землю разыскать же, и по розыску указ учинить по нашему в-х г-рей указу; и по наказу, и по той грамоте на ту их писцовую дачу ты с подьячие ездили и разыскивали сторонними людьми и старожилы, и по наказу указ учинили ту их землю писцовую дачу мерили и отмежевали, по старым Атемарским писцовым книгам, грани ставили и ямы копали и всякие признаки учинили, и написали в писцовые свои книги за ними и велели владеть по дачам им, и дали им с тех своих писцовых книг владенную выпись. А деревни их, князя Михайла Черкасского да Ивана Селунского, с той их земли вы не сослали. Да у них же примерено в той писцовой даче земли 192 чети без третника, а их де братье, Атемарского острогу казакам 200 человекам дано земли всего 4468 чет. в поле, а в дву потомуж, сенных покосов по указу; а им де отведено 200 человекам только 4240 четей, да сенных покосов по указу. И против де Атемарских их братьи казаков, недодано им 228 четей по указу. А по нашему де в-х г-рей указу и наказу в писцовых дачах лишние земли, что примерено будет, отдавать не велено, а велено отдавать тем же людям в чьих писцовых дачах та примерная земля объявлена. А князь Михайла де Черкасской, да Иван Селунской против своего ложного челобитья землею их владеют лет с десяти и больше, и от того де их неправого челобитья они оскудали, и обедняли, и одолжали великими долгами, и стали бес хлеба, и детей своих в заклад позаложили; и нам, в-ким г-рем, пожаловати бы их, велеть тое их примерную землю, что объявитца в их писцовых книгах 192 чети бес третника, и отдать им, и братьям и детем их за многие службы против их братьи казаков Атемарского острогу в додачу. Потому что из писцовых дач за кем объявитца примерные земли

иным челобитникам на сторону отдавать не велено; а тое деревню что поселили князь Михайло Черкасской, да Иван Селунской с той их писцовой дачи сослать.

И как к Вам, сия наша, в-х г-рей грамота придёт, и вы б той земле за Саранскими казаками, за нынешними челобитчики, за Ивашкой Павловым с товарищи, велели быть по атемарским писцовым книгам Семёна Вельяминова 150 (1642) году, по прежним граням и межам, по очной ставке 185 (1677) году, и по досмотру и по чертежу Ивана Леонтьева 191 (1683) да по розыску ж да по чертежу ж воеводы Игнатья Огибалова 192 (1684) году и по нынешним писцовым и межевым книгам и по розыску твоему. А примерною землею, и которая примерена у них, казаков, велели владеть им, казакам, по нынешним писцовым книгам для того, что та земля примерена в их дачах и межах, и гранях. А по нашему в-х г-рей, указу и по наказу, теми землями велено владеть тем людем, у кого будет примерено; а казачьих и стрелецких земель давать никому не велено. А стольника нашего князь Михайло Черкасского и Ивана Селунского дачу 183 (1675) году отставить для того, по твоему Яковлеву досмотру и по сыску обыскных людей объявилась та земля за Саранскими казаками в их межах и гранях и тою землею ему, князь Михайлу владеть не велено и крестьян с той земли свести. Писан на Москве лета 194(1686) августа в 28 день». —

«Диак Федор Перфильев» Составил Сенка Коптяев»[1].

Выпись с Атемарских писцовых книг о земельных, луговых и других угодьях саранских стрельцов от 1686 года.

Стрелецкая земля по выписи с атемарских книг 171 (1663) года за приписью дьяка Томила Перфильева, письма Семёна Вельяминова, да подьячего Анисима Ильина 150 (1642) года и по выписи ж с отказных книг стольника и воеводы Федора Большого Языкова 190 (1682) году, з его федорового рукою, отказу Атемарца Ивана Неклюдова да подьячего Гаврилы Пичугина 173 (1665) году и по разделу Атемарца Вельямина Растригина, да подьячего Тимофея Анофриева 165 (1672) году по сказкам и по отводу, и по полюбовному договору, и по заручным челобитным их стрельцов, с сумещики.

1. Пензенский облархив, ф. 132, опись 2, д. 4, л. л. 1—7. Копия. (Начало документа имеет пропуски).

А межа той их стрелецкой земле пятидесятников Ромашки Герасимова с товарищи с Констентином Фадеевым сыном Пановым, д стольником с Петром Панкратовым сыном Нечаевым, где они указали по полюбовному своему договору и по заручной челобитной и по сказкам своим: от города Саранска под деревнею Берсеневкою, перешед враг на левой стороне у большого заповедного Руднинского лесу на одном корени два дуба и на одном дубу старую писцовую грань Семена Вельяминова с товарищи. И та старая заросшая писцовая грань означивана вся явна... а от того... сквозь ивова куста... через ржавец что под деревнею Берсеневкой 196 сажен поставили... дубовой столб на нём грань, по обе стороны одна с поворотом (поворот на лево локтем)... через саранскую большую дорогу... от двадесять четвертого столба 180 сажен у речки Мокрой Пензы поставлен двадесять пятый столб, на нем грань, по обе стороны подле него ямы копаны и от того столба прямо чрез речку Мокрую Пензу... по левую сторону ивова и осинова куста... через малый суходолец... на ржавец, а тем ржавцом на низ живым рубежом 516 сажен; на левой стороне того ржевца, что вышел вражек от деревни Лямберь и впал в тот ржавец ... Через Суркинскую дорогу до долинки, а долинкою до речки Лямбири, и от большого заповедного Руднинского лесу идучи до речки Мокрой Пензы — на праве — земля Саранских стрельцов Ромашки Герасимова с товарищи а налеве— Констентина Панова да стольника Петра Нечаева поместная земля, да дьяка Петра Самойлова вотчинная земля, а по другой стороне через речку Мокрую Пензу и через ржавец на праве—земля саранских же стрельцов, а на леве земля Темниковских дер. Черемишевой и дер. Лямбири служилых мурз и татар Ибрагима мурзы Чуракова, Алмакая Инякаева с товарищи... на право речкою Лямбири до устья Кочугановского врага до земли Саранских казаков, — направе земля Саранских же стрельцов, а на леве — земля темниковских дер. Лямбири служилых татар Алмакайки Акаева с товарищи...

Да за ними стрельцами, за Ромашкою Герасимовым с товарищи Августа в 11 день написано, что им дано за валом в 173 (1665) году 335 человекам в дополнок в их оклады из дикого поля к прежней их даче к 1340 четям по обе стороны реки Инзары 1340 четей в поле, а в дву потомуж. И из того числа дано им новоприбытным стрельцам пятидесятни-

кам Ромашке Герасимову с товарищи в дополнок к прежней их даче, в их оклад к 1521 чет. опричь темниковских переведенцев 15 человек, по обе стороны реки Инзары, пашни пахотные и перелогу добрые земли 1159 чет. в поле, а в дву потомуж.. А 181 четверть примерена у них же в валу в старой их даче да на сенные покосы 352 десятины, на десятине по 10 копен, 154 человекам по 4 чети человеку, сена по 10 копен с полукопною. Сту же семидесяти шести (176) человекам, по 3 чети человеку сена по 10 копен с полукопною, пяти чел. по 3 чети человеку, сена по 11 копен, всего им новоприборным стрельцам Ромашке Герасимову с товарищи 335 человекам, дано в валу и за валом и с примерною землею, что у них примерно в валу в старой их даче пашни 2680 чет. в поле, а в дву потомуж, а на сенные покосы 536 десятин, на десятине по 10 копен, итого 5360 копен; По 8 чети человеку в поле, а в дву потомуж, сена по 16 копен (по шестинадцать копен).

Да у них же стрельцов, сверх их старые дачи примерено меж речек Полеляйки и Левжи—Ризва тож 1269 чет. с третником в поле, а в дву потомуж, да за рекою Инзарою, к монастырской земле Саранского Богородицкого монастыря деревни Монастырской 600 четей в поле, а в дву потомуж.

А что бил челом в-ким г-м стольник Иван Постников сын Огарёв о земле в поместье себе в урочищах по речке Чернейке идучи от черного лесу... Да на вершине речки Саранки идучи от чёрного лесу... А речка Саранка вышла из заповедного лесу, и течет подле засеки, сквозь город Саранск, а землёю по той речке Саранки владели города Саранска всяких чинов жители в животинном выпуске... И та, выгонная земля от речки Саранки отмежёвана г. Саранска всяких чинов грацким жителям на животинный выпуск...

Да им же стрельцам, и казакам, и пушкарям, и затинщикам, и посацким людям и всяких чинов грацким жителям дано на животинный выпуск от реки Инзеры вверх речки Саранки до чёрного лесу, и до речки Чернейки и до стрелецкой земли 834 десятины, кроме посацкой слободки, что поселилась на той же выгонной земле на речке Саранке.

Да в том же выгоне лесу и лесные поросли по длиннику на версту, поперечнику с полверсты.

А межа той их стрелецкой и выгонной земле с устья речки Саранки вверх реки Инзеры 1130 саж., а от речки Инзеры направо через перелог до речки Чернейки и вверх по речке Чернейки до вершины, а с вершины той речки Саранки и от города Саранска с устья речки Саранки вверх реки Инзеры и от Инзеры по граням идучим до речки Чернейки... и до вершины той речки Чернейки и до речки Саранки направе выгонная земля... да их же стрелецкая земля за рекою Инзерою... по той Пензенской дороге, Саратовская тож... направе земля Саранских стрельцов пятидесятников Ромашки Герасимова с товарищи, а на леве земля Саранских же Черкасской слободы казаков, да Панкрата Васильева сына Нечаева... за валом от запсведного лесу, по речкам Саранке и Чернейке и Левже, Ризва—тож. Черный лес опричь бортного деревья с погари (пожень), и с полянки, и со всеми угодьи кои в том чёрном лесу есть в угодье. А по смете того чёрного лесу в длину на две версты и больше, поперёк на версту.

А река Инзера, по выписи с отказных книг стольника и воеводы князя Юрия Шеховского, да подьячего Ильи Амирева во 172 году за его ильиного прописью отказу Саранского площадного подьячего Захарья Яамятнина во 158 (1650) году Саранского Богородицкого мужского монастыря за казначеем старцем Власием с братьею отдана им на рыбные ловли, что преж сего те рыбные ловли были Атемарского Воскресенского монастыря за строителем Геннадием с братьею.

Велено нынешнего 194 (1686) года октября 21 дня им стрельцам против их братьи низовых городов ядринских, курмышских, уржумских, цывильских стрельцов против их челобитья 335 чел. отвести земли к прежней их даче, к 8 человекам пятидесятникам — по шти (6), десятникам по пяти, рядовым по 4 чети. Итого всего им 1375 четв. в поле, а дву потомуж... за валом из их же стрелецкой с остаточной примерной земли, что примерено за их стрелецкою дачею в прошлом в 193 (1685-м) году вверх реки Инзары по правую сторону меж речек Пелеляйки и Ризвы, Левжи тож и за рекою Инзарою из 1869 чет. с третником... что останется за стрелецкими указными четьми 484 чети, велено отвести Саранским посацким людем против алаторских посацких людех по развёрстке. А помещиками той остаточной земли отдавать не велено.

Всего им Саранским стрельцам с старою дачею, что им отмежёвано в прошлом 193 (1685) году в валу и за валом и

с примерной землею пятидесятниками по 14, десятникам по 13, рядовым по 12 чети человеку. Всего пятидесятникам и десятникам и рядовым стрельцам 4065 чети в поле... да на сенные покосы 536 десятин, на десятине по 10 копен, итого 5360 копен, по 16 копен человеку. А челобитники о той земле были вверх реки Инзары на правой стороне стольник Иван Постников (сын Огарёва), а за рекою Инзерею стольник Пётр, да стряпчий Лука Понкратовы дети Нечаевы. И той земли по указу в. г. и по грамоте челобитникам давать не велено...

Пенз. Облархив, ф. 132, д. 2 (тяжебное дело о порожжей земле в Саранском уезде), л. л. 15 — 21. (Копия).

Выпись с Саранских писцовых книг о земельных угодьях саранских стрельцов и об обмене части этих угодий на землю соседней помещиков от 1686 года.

Лета 7 194 — мая в 27 день по указу в. г., Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея великие и малые и Белые России Самодержцев писцы, стольник Яков Григорьевич Левашев, да подьячий Семён Матцынев (Мацынев) дали Саранским стрельцам пятидесятникам Ромашке Герасимову с товарищи с Саранских писцовых книг письма своего и межеванья, и мере на их стрелецкую землю выпись.

А в Саранских писцовых книгах 193 и 194 годов написано: Города Саранска з стрельцами за пятидесятники, за Ромашкой Герасимовым, за Мишкою Денисовым, за Антоном Фроловым, за Трошкою Ильиным с товарищи, что дано по Атемарским писцовым книгам Семена Вельяминова с товарищи, им стрельцам Корнилке Федорову с товарищи 15 человекам 122 чети в поле, а в дву потому—ж, сена 234 копны. Двум человекам десятникам по 9 чет., сена по 18 копен. Рядовым стрельцам по 8 четей человеку, сена по 16 копен. Да новоприборным стрельцам Степке Щербакову с товарищи 335 человекам писцовая ж сторожевая дача 750 чет. в поле, а в дву потомуж, и сена 1500 копен; да Андреевская дача Трусова, что были по писцовым книгам за Гаврилом Берсеневым 170 чет. в поле, а в дву потомуж, сена 340 копен.

И во 165 (1657) году, по разделу Атемарца Вельямина Растригина, да подъячего Тимофея Анофриева по мере той земли 1340 четей в поле, а в дву потомуж, разделённой стрельцам по 4 четв. человеку; (а) всего им Саранским стрельцам Темниковским переведенцам и новоприборным

стрельцам 350 человекам, старые их дачи пашни паханы... перелогу добрые земли 1462 четв. в поле, а в дву потомуж; да на сенные покосы 207 десятин с полдесятиною, на десятине по 10 копен, и того 2074 копны..

Темниковским переведенцам 15 человекам, 2 десятникам по 9 четв. человеку, сена по 18 копен, рядовым по 8 четей человеку, сена по 16 копен, новоприборным стрельцам 330 человекам по 4 чет. человеку, сена по пяти копен с полукопною; пяти человекам по 4 ж четверти человеку, сена по 5 копен.

Да у них же, стрельцов, сверх их старые дачи примерено 181 четв. в поле, а в дву потомуж, и та примерная земли отдана им же новоприборным стрельцам, в их оклад.

И те их стрелецкие дачи Темниковских переведенцев Кондрашки Алакаева с товарищи и новоприборных пятидесятников Ромашки Герасимова, Ивашки Денисова, Антошки Фролова, Трошки Ильина с товарищи — ж, по полюбовному их договору и по заручной челобитной отведено им вопче.

Да их же стрелецкой земли Андреевской дачи Трусова 120 чет. в поле, а в дву потомуж с сенными покосы и со всеми угодьи.

По полюбовному ж их договору и по заручной челобитной с Констентином Фадеевым сыном Пановым да с стольником Петром Панкратьевым сыном Нечаевым, отведено им Констентину и Петру. А их Констентинов и Петров земля Богдановская дача Берсенева 120 ть же чет. в поле, а в дву потомуж, с сенными покосы и со всеми угодьи, отведено им, стрельцам, потому, что та их, стрелецкая андреевская дача Трусова была за их Констентиновою и Петровою землею Богдановскою дачаю Берсенева через их землю, а лишняя 50 четв. из Андреевской дачи Трусова взяли они стрельцы от их, Констентиновой и Петровой поместной земли в Богдановской дачи Берсенева сряду к своим старым дачам.

И та их, стрелецкая земля—андреевская дача Трусова, примежована к той, старой их констентиновой и петровой усадьбе потомуж их полюбовному договору и по их заручной челобитной к деревне Берсеневке. А их, Констентинова—и Петрова Богдановская дача Берсенева, примежована к старой их стрелецкой сторожевой земле; Да к той челобитной Данила Панов, по приказу отца своего, Констентина Фадеева сына руку приложил, Петр Нечаев руку приложил, а вместо стрельцов города Саранска Соборной Спас-

ской поп Елевферий Акимов, да Воскресенской поп Афанасей Власьев, да Богословской поп Иван Козмин, прихожан своих и детей духовных руки приложили. Писа...

(конец оторван)

Пенз. облархив, ф. 132, опись 2, д. 2 (тяжебное дело о земле в Саранском уезде, т. 1) л. 13—15 копия.

Выпись лицевая из писцовых отказных книг 1686 года на землю Саранских посацких людей.

Летом 7 194 (1686) июня в 7 д. по Указу в. г. царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великие и малые и Белые России самодержцев писцы стольник Яков Григорьевич Левашев, да подъячий Симон Матцынев, дали Саранским посацким людем Ларьке Семенову с товарищи на их землю Саранских писцовых книг письма своего и меры и межевания выпись.

А в Саранских писцовых и межевых книгах 194 г. мая 24 дня написано за Саранскими посацкими людьми за Ларькою Семеновым, за Ивашкою Шапошниковым, за Гришкою Бурдиным с товарищи за девяносто за семью человеки... в прошлом в 191—1683 году марта в 26 день... против челобитья саранских посацких людей земского старосты Родки Маркова с товарищи написано: велено Саранским посацким людем земли в подживотину выпуск и на сенные покосы отвести за валом из порожжих земель, что будет по мере в излишке за стрелецкою указною землёю против Атемарских посацких людей... И по тому... Саранским посацким людем Ларьке Семенову, Ивашке Шапошникову, Гришке Бурдину с товарищи 97 человекам отведено за валом из примерной остаточной мереной стрелецкой земли Саранских стрельцов... что осталось за их указными четьми за рекою за Инзарою паханые и перелогу добрые земли 484 чети в поле, а в дву потомуж, и против атемарских посацких людей жылых дворов по разверстке недостало им Саранским посадским людям четвертные пашни 391 чети в поле и в дву потомуж, да на сенные покосы по 10 копен итого 875 копен. А межа той их Саранских посацких людей земле за рекою Инзарою от стрелецкой межи прямо тою Пензенскою дорогой 1094 сажен меж старой

и новой пензенской дорогой, что ездят из города Саранска на Пензу, а от столба через болото у реки Инзары против устья реки Левжи... и ездить им посацким людем и скотину гонять на ту свою землю за рекою Инзарою через земли саранских стрельцов подле большой Пензенской дороги.

Стольник Яков Левашев, приписал Семён Матцынев, писал Никита Фалилеев.

Пенз. облархив, ф. 132, дело 5, л. л. 1,2 (копия).

И. М. Корсаков.

РАЗГРОМ ПИТЕЙНЫХ ДОМОВ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ (1859 г.)

Крестьянское движение на обширной территории царской России, в том числе и Мордовии, не прекращалось никогда.

История феодально-крепостнической, а затем и капиталистической России, начиная с X века и вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, наполнена многочисленными событиями непрерывной крестьянской борьбы за свободу и землю. Борьба эта принимала самые разнообразные формы: побеги, отказ от выполнения барщины, убийство отдельных феодалов, массовые стихийные восстания, перераставшие в крестьянские войны. Однако, классовая борьба крестьянства в свою решающую стадию вступает в конце XVIII в. и особенно в XIX в. Период царствования Николая I был периодом острого социального конфликта крестьянства с помещичьим государством. Николай I управлял народными массами способом палача. В. И. Ленин в своей работе «Задачи пролетариата в нашей революции» пишет:

«Всемирный опыт буржуазных и помещичьих правительств выработал два способа удержания народа в угнетении. Первый—насилие. Николай Романов I — Николай Палкин и Николай II—кровавый показали русскому народу максимум возможного и невозможного по части такого палаческого способа»[1]. Но никакие экзекуции, массовые порки и расстрелы не были в состоянии остановить борьбу крестьян против крепостнического гнёта.

Невыносимо тяжёлое положение обездоленного крестьянства крепостной России в первой половине XIX века, всё усиливающийся гнёт помещиков-крепостников в связи с развитием товарно-денежных отношений, усиливающийся

1. *В. И. Ленин*, Собр. Соч., т. IX, стр. 116.

грабёж крестьянских земель помещиками не могли не вызывать протеста со стороны крестьян.

Только по заведомо неполным официальным данным статистики министерства внутренних дел с 1826 по 1860 г. в России насчитывалось около 1200 случаев крестьянских волнений. В конце 60-х годов, по этим же данным, на один год приходилось до 100 случаев волнений крестьян (с 1855 по 1860 г. — 473 волнения)[1].

Крестьянское движение на территории Мордовии в XIX веке почти не затрагивалось исследователями. Специальных работ по этому вопросу нигде не напечатано. Нам удалось выявить местные архивные материалы и на основании их сделать попытку хотя бы в возможных пределах дать описание крестьянского движения на территории Мордовии.

В «Записках» Мордовского научно-исследовательского института № 9 мы напечатали статью «Крестьянское движение на территории Мордовии в пореформенный период».

Одним из видов проявления классовой борьбы 50 гг. прошлого века были так называемые питейные бунты, которые получили тогда широкий размах на территории Мордовии. Настоящая статья посвящается краткому описанию разгрома питейных домов на территории Мордовии в 1859 году.

Основной силой движения по разгрому питейных домов были государственные крестьяне и городская беднота-мещане. Но на территории Мордовии вместе с государственными крестьянами и городской беднотой активное участие в этом движении принимали и крепостные крестьяне. Руководство движением принадлежало городской бедноте, а также бессрочно и временно отпускным солдатам.

Положение государственных крестьян в XVIII веке и в начале XIX века было очень тяжёлым и шатким. Екатерина II, Павел I, Александр I и Николай Палкин раздавали государственных крестьян со всею землёю своим сановникам в качестве крепостных. Сами помещики по всякого рода незаконным и подложным документам присваивали себе земли государственных крестьян. Захваты земель у государственных крестьян помещиками происходили вплоть до реформы 1861 года.

1. Сб. „Великая реформа", т. III, статья Игнатович „Крестьянские волнения".

Для государственных крестьян существовал целый ряд ограничений в правах, так, например, их не допускали на государственную службу, а детей не принимали в средние и высшие учебные заведения.

Особенно невыносимы были для государственных крестьян притеснения чиновников, которые всячески злоупотребляли своим служебным положением.

В своих наказах Екатерининской комиссии государственные крестьяне—мордва и татары—просят защитить их от притеснений чиновников и помещиков: «Многие помещики,—пишут они в своём наказе, — не боясь господа бога и не страшась прав ея императорского величества указов, насильством своим у нас, у новокрещен, завладели без всяких крепостей, а прочие уже, под видом якобы своей крепостной, и отмежевали, до владения и до пахания, и до покосов, и до лесов той земли не допускают и, захватя, бьют до смерти... от чего пришли в разорение, что уже на платёж податей принуждены занимать. И видя нас в бедном состоянии, в заём никто не даёт, зачем принуждены жён и детей закладывать, а другие и ныне не могут откупить от процента»[1]. Податели данного наказа просили запретить покупать у мордвы и татар всяким людям земли, а незаконно отнятые у них земли передать их законным владельцам—мордве и татарам.

Судьи же всегда стояли на защите интересов помещиков. Мордва жалуется на них в своём наказе: «А когда помещики станут от нас землю отнимать,—пишут они,—то мы не станем допускать, и то они на нас просят у суде, якобы его крепостная дача»[2].

Боясь дальнейших помещичьих захватов и «царских милостей» по раздаче вотчинных владений за счёт земель мордовских государственных крестьян, мордовское крестьянство просит оставить их навечно государственными ясачными крестьянами, точно определить подушные и прочие подати, организовать государственно-ясачный суд из государственно-ясачных крестьян, «а помещикам и дворянам их не судит»[3].

Злоупотребления чиновников и помещиков по отношению к мордве доходили до таких пределов, что мордва и татары многих сёл территории Мордовии совсем разорялись, оставляли свои сёла и переезжали в другие губернии и уезды. Где

1. *С. И. Р. И. О.*, т. 115, стр. 421—422.
2. *С. И. Р. И. О.*, т. 115, стр. 424.
3. Там же, стр. 422.

только позволяли малейшие возможности, путём всякого рода жульнических махинаций помещики протягивали свои лапы к землям государственных крестьян. Одна из множества таких махинаций сразу трёх помещиков Саранского уезда в незаконном захвате земель государственных крестьян татарского села Кривозерья разоблачается в апелляционной жалобе поверенного этого села на имя царя. Помещики Анненков, Шувалов и Струйский завладели землёю села Кривозерья под предлогом покупки её у принявших крещение татар. Несмотря на то, что по указу правительства от 21 октября 1737 года общественная земля казённых и государственных крестьян не должна была продаваться отдельно от общества, власти на местах обходили этот закон и допускали совершать купчие, «без различия рода продавцов, — как пишет в апелляции доверенный от с. Кривозерья, — без их допросов и преимущества, особенно же в такое время, когда сами покупатели и приобретатели находились в тех местах при должностях»[1].

В 1805 — 1806 г. на основании таких купчих Саранский уездный суд разрешил отмежевать от земель с. Кривозерья сорок десятин помещику Анненкову, 455 десятин Шувалову, 70,5 десятин Струйскому, несмотря на то, что лица, от которых якобы куплена земля, состояли в подушном окладе по селу Кривозерью.

Таким же путём помещик Анненков добился отмежевания 33 десятин земли, нескольких десятин лугов и лесной дачи от татарских деревень Татарской Тавлы, Рейтарской, Озерок и Инят[2].

Государственных крестьян из мордвы и татар обирали чиновники самых различных категорий. «Прежде всего,—писали мордва в своём наказе,—розыскные команды, ездя по нашим деревням, и с собою возят воров и смертноубийц, и жительство имеют в тех наших деревнях месяца по два и по три. А те воры, смотря из нас зажиточного, из одной лакомой своей корысти оговаривают напрасно; почему тот принуждённым себя находит по невинности своей через денежную дачу себя избавить»[3]. Конечно, воры эти были подставными чиновников людьми для обирания населения.

1. Госархив МАССР, ф. 15, дело 31, лист 829—836.
2. Там же, дело 24 и 31.
3. С. И. Р. И. О., т. 115, стр. 423.

Многих из крестьян брали для караула соли в казённых соляных амбарах, при которых стояли по году и более.

Балмейстеры (лесные стражники), разъезжая по сёлам, чинили описи и вымогали взятки. Военнослужащие и чиновники незаконно взыскивали прогонные деньги, съестные припасы, которые мордва, не имея у себя, покупала на стороне.

О развитии культуры среди крестьян царское правительство совершенно не заботилось. Зато безграничным и всемогущим влиянием в деревне пользовался сельский кабак — неизменный свидетель и участник крестьянских сходов, мирских судов, коммерческих сделок и всех событий семейно-бытовой жизни. Систематическое и поголовное спаивание государственных крестьян составляло кровную заботу винных откупщиков, поддерживаемых, с одной стороны, помещиками, с другой стороны,—земской полицией.

Редкая волость государственной деревни не имела особого кабака.

По данным ревизии V Отделения (1836—40 гг.) на одно питейное заведение приходилось 4830 душ крестьян в помещичьих деревнях, на 840 душ крестьян в казённых деревнях Пензенской губернии и на 3745 душ в помещичьих деревнях, на 1023 души в государственных деревнях Тамбовской губернии[1].

В помещичьих деревнях Пензенской губернии в 1836 году в среднем на ревизскую душу употреблялось вина на 3 руб. 12 коп., в государственных деревнях на 7 руб. 74 коп.[2].

Откупщики не только спаивали государственных крестьян — они систематически наживались на крестьянский счёт путём разнообразных воровских махинаций. Ревизоры доносили в V Отделение, что откупщики систематически не соблюдали принятых условий, они сбывали вино низкого качества, разбавляли его водой, взимали за него повышенную цену, допускали значительный недомер: при продаже вина извлекали огромные прибыли благодаря присвоению лажа—принимали у крестьян деньги по пониженному курсу ассигнаций и производили собственные расчёты по повышенному. Крестьяне выходили из кабака не только пьяными, но также обманутыми и ограбленными.

1. *М. Н. Дружинин* „Государственные крестьяне и реформа П. Д. *Киселёва*", т. I, Москва—Ленинград, 1946 г., стр. 369.
2. Там же.

Такое положение крестьян не могло продолжаться до бесконечности и вызывало протесты со стороны их.

«Нет такой вещи, которую бы можно было гнуть и тянуть бесконечно: дойдя до известного предела, она непременно изломится или оборвётся. Так точно нет на свете человека и нет общества, которого нельзя было бы вывести из терпения». Так пишет в своей статье «Народное дело», посвящённой борьбе крестьян с питейным откупом, великий русский публицист и критик, революционный демократ Н. А. Добролюбов[1].

Откупная продажа водки с некоторыми перерывами господствовала в России с 1765 г. до 1863 г. Эта система давала откупщикам большие возможности повышать цену на водку, чем обирала, грабила простой народ. На этом деле откупщики наживали себе громадные капиталы. Недаром впоследствии многие из них стали крупными банкирами и владельцами железных дорог.

Доход, получаемый с продажи водки по дорогой цене, ложился на плечи трудового народа как косвенные налоги, о которых метко сказано, что овца здесь не замечает, как её стригут. Поэтому правительство всячески покровительствовало откупщикам, равнодушно смотрело на все их беззакония и вооружало невиданными полномочиями. Впрочем, откупщики держали на откупе не только водку, но и всю администрацию. По официальным источникам («Сведения о питейных сборах в России», т. III, стр. 114), губернские откупщики платили в год по следующей табели[2]:

Губернатору на улучшение города	3000 руб.
Ему же на его канцелярию	1200 „
Полицеймейстеру	1200 „
Секретарю полиции	300 „
Частным приставам (три человека)	720 „
Квартальным надзирателям (шесть человек) .	360 „
Исправнику	600 „
Окружному начальнику	500 „
Становым (три человека)	720 „
Непременному заседателю	300 „

1. Н. *А. Добролюбов*, собр. соч. т. IV, Москва, 1939 г., стр. 108.
2. Сведения даются по статье Г. Лурье „Питейные бунты 1859 г. и П. П. Ланьков—Кочкин", напечатанной в „Звеньях"—3—4, Москва, 1934 г.

Секретарю земского суда	300	„
Председателю казённой палаты	2000	„
Советнику питейного отделения	600	„
Столоначальнику	500	„
Винному приставу	600	„
Итого	12900	руб.

Поэтому Н. А. Добролюбов совершенно правильно дал оценку откупной системе, что «откуп составляет государство в государстве, что он поставляет себя вне законов: не только сами откупщики, но и те, кому следует наблюдать за ними, смотрят на распоряжения, касающиеся откупа, как на одну лишь форму, не требующую действительного исполнения»[1]. А что это действительно было так, Н. А. Добролюбов приводит ряд примеров злоупотребления откупщиков и властей из корреспонденций с мест. В данном случае нас больше всего интересуют корреспонденции из уездов, вошедших в современную Мордовию. Страшные картины о насилиях откупщиков рисуются в них. Вот одна из многих корреспонденций, напечатанная в «Московских ведомостях» из бывшего Ардатовского уезда, подтверждающая то, что нельзя определить степень могущества, которым вооружён откуп против крестьян: старый откупщик «вследствие несогласия с новым, долженствующим занять его место с 1-го января, решился залить своего преемника и пустил в распродажу вино по 3 рубля, затем по 2 руб. 30 коп. и под конец по 2 руб. за ведро. Для ограждения смежных частей Нижегородской губернии от соблазна дешёвой водки, Нижегородский откуп выставил со своей стороны кордон. Кордон этот гонялся, ловил, хватал встречных и поперечных. Пойманные с контрабандой подвергались более или менее произвольным взысканиям, в основании которых преимущественно лежала денежная сделка (один известный мне крестьянин, попавшийся с ½ ведром вина, отпущен был за 30 руб.).

Там, где подобная сделка по каким-либо причинам не могла состояться, употреблялись наказания довольно оригинальные. Так, например, село К. было свидетелем такого зрелища: едут сани поверенного на рысях пары лошадей, за санями рысью же бежит на верёвке мужик (вероятно, злостный контрабандист), на плечах у мужика сидит, как в чехарде, сам поверенный. Такое примерное наказание придумано было, должно полагать, с целью устрашения и для спасительного примера.

1. *Н. А. Добролюбов*, цит. соч., стр. 115.

Этого мало. К крайнему своему удивлению, все жители околотка Ардатовского уезда, расположенного поблизости кабака с. Резоватово (Симбирской же губернии), были схватываемы кордонами в одном месте пути под предлогом завоза вина в чужую губернию, т. к. одна из дорог Симбирской губернии проходила по частице Нижегородской губ., и поэтому на этом клочке вся Симбирская губерния могла попасть под обвинение в контрабандном провозе вина в Нижегородскую губ.»[1].

В конце 50-х годов прошлого века откупщики увеличили сумму, уплачиваемую в казну, до 92 млн. руб. в год.

На 70 млн. населения было не более 216 откупщиков, ежегодный доход которых состоял от 500 до 800 млн. руб. Формально власти установили твёрдую цену на ведро водки—по 3 рубля, но фактически цена ведра сивухи, которую нельзя было брать в рот (плохое качество), выросла до 8—10 рублей.

Правительство всеми способами охраняло интересы откупщиков. Для расследования злоупотреблений откупщиков ещё 1 ноября 1850 года была организована комиссия, но 10 ноября этого же года последовало высочайшее повеление о немедленном прекращении действий следственной комиссии. Откупщики добились от министра финансов 19 января 1859 года издания распоряжения «об отстранении стеснения продажи откупщиками водки по вольным ценам». Но начавшееся народное движение трезвости против злоупотреблений откупщиков заставило правительство напомнить откупщикам об их обязанности продавать полугар по твёрдой цене в 3 рубля.

Откупщики же, со своей стороны, принимали все меры к тому, чтобы обманом простого народа удержать высокие цены на негодную сивуху, объясняя лживо, что 1 рубль от проданного ведра водки идёт в фонд выкупа крепостных крестьян от помещиков. На первых порах эта выдумка откупщиков действовала на умы крестьян, а впоследствии они убедились в обмане, что ещё больше раздражило их против откупщиков.

1. *Н. А. Добролюбов*, цит. соч., стр. 115.

Народы России, изнурённые феодально-крепостническим гнётом и натерпевшиеся от незаконных поборов откупщиков, выступили на борьбу против откупной системы. Стихийно, независимо одно от другого, по всей России стали возникать общества трезвости. Крестьяне решили не пить дорогую и совсем негодную, разбавленную водой водку. На своих сходках крестьяне выносили решения о неупотреблении водки всеми членами сельского общества, пока она в своей цене не снизится. Нарушителей постановлений сходов сельских обществ подвергали штрафам и публичным наказаниям.

Недовольство народа всё более и более усиливалось. Организация обществ трезвости явилась как бы накоплением сил для открытого выступления против откупной системы, прологом для разгрома питейных домов во многих губерниях России.

Что заставило крестьян выступить против откупной системы?

Н. А. Добролюбов ещё в то время дал правильную оценку причинам, вызвавшим это движение. «Холод и голод, — писал он, — отсутствие законных гарантий в жизни, нарушение первых начал справедливости в отношении к личности человека всегда действуют несравненно возбудительнее, нежели самые громкие и высокие фразы о праве и чести»[1].

Именно, холод и голод подняли крестьян на борьбу с откупной системой. Н. А. Добролюбов в той же работе пишет: «Какая бы ни была причина этого, факт имеет важное значение в том отношении, что доказывает способность народа к противодействию незаконным притеснениям и к единодушию в действиях»[2].

Первый сигнал для уничтожения питейных домов был дан крестьянами и мещанами в городе Нижнем Ломове, Пензенской губернии, в базарный день, 12 мая 1859 года. В этот день в Нижнем Ломове крестьяне многих окрестных селений, в том числе и крестьяне прилегающих к Ломову уездов, вошедших ныне в состав Мордовии, открыто выступили против откупщиков. События в Нижнем Ломове ещё не могли так сильно подействовать на губернские власти, но когда 18 мая в заштатном городе Верхнем Ломове и 20 мая в г. Наровчате произошли крупные движения по разгрому питейных

1. *Н. А. Добролюбов*, цит. соч., стр. 10.
2. *Н. А. Добролюбов*, цит. соч.

домов, со столкновениями восставших с воинскими командами, то пензенский губернатор 23 мая срочно сообщил об этом царю Александру II.

Вслед за движением в г. Наровчате начались крупные движения в Инсарском и Краснослободском уездах бывшей Пензенской губернии, в Спасском уезде бывшей Тамбовской губернии и в Ардатовском уезде бывшей Симбирской губернии[1].

В хронологическом порядке это движение на территории МАССР развивалось так[2]:

20 мая вспыхнуло восстание в г. Наровчате. В нём участвовали крестьяне разных селений. 24 мая—в селе Бобровка (современный Торбеевский район), Унуевском Майдане (совр. Кадошкинский район). 25 мая— в г. Краснослободске при участии 600 крестьян многих окрестных селений; 25 мая— в селе Большом Азясе (совр. Рыбкинский р-н), в с. Толковке, в казённом селе Базарные Дубровки (совр. Атюрьевский р-н).

В ночь на 28 мая в помещичьем селе Токмово (совр. Майданский район) крестьяне разломали топорами двери и окна винной лавки и уничтожили всё вино в ней. Занимавшаяся продажей вина мещанка Усанкина с сыном едва спаслись бегством. 29 мая в г. Инсаре во время ярмарки собравшаяся масса бросала каменьями и палками в солдат, которые усмиряли выступивших против откупщиков.

С 29 мая начинается массовое движение одновременно в нескольких казённых селениях совр. Инсарского р-на. В селе Ямщине крестьяне уничтожили все вина питейного дома. В этих событиях активно участвовали крестьяне села Паева и Засечного. При этом нанесены были побои сидельцу. В с. Адашеве совершено нападение на питейный дом, в деревне Вязеры питейный дом был уничтожен до основания, в Старо-Корсаковском Майдане государственные крестьяне уничтожили в питейном доме всё, что принадлежало откупу. Такое же выступление крестьян по разгрому питейных домов было в селениях Пятине (совр. Инсарского района), Малопо-

1. Перечислен. уезды ныне входят в состав Мордов. АССР, г.г. Наровчат и Спасск не входят в состав современной Мордов. АССР, но большинство сёл этих уездов также вошли в территорию современной Мордовии.
2. Факты выступлений крестьян по быв. Пензенской губ. приводятся по архивным материалам Пензенского облархива.

ляне (совр. Кадошкинский р-н), в заштатном городе Троицке (совр. село Ковылкинского района).

В Троицке против восставших было двинуто три роты солдат. При виде последних двое крестьян бросились на колокольню ближайшей церкви и ударили в набат. Крестьяне с кольями в руках напали на воинскую команду.

Кульминационного пункта это движение на территории Мордовии достигло 30 и 31 мая 1859 г., когда одновременно и с большей активностью произошли выступления крестьян во многих сёлах.

30 мая 1859 г. движение перекинулось в село Пушкино (совр. Кадошкинского района), принадлежавшее помещику Столыпину. Здесь крестьяне уничтожили всё в питейном доме, удалось спасти лишь две бочки вина. В этом выступлении участвовали, кроме государственных, местные помещичьи крестьяне. В казённом селе Шадым (совр. Ковылкинского района) местные крестьяне уничтожили «все питья» и забрали вырученные деньги.

В этот же день вторично совершено нападение на питейный дом в селе Унуевском Майдане, где уничтожено было всё до основания. В казённом селе Силаевской Пятине (совр. Инсарского р-на) было такое же движение. Государственные крестьяне с. Силаевского Майдана (совр. Кадошкинского р-на) уничтожили значительное количество вина с питьями. В деревне Старое Пшенево государственные крестьяне уничтожили все находящиеся в питейном доме питья, посуду, имущество откупа и сидельца, повредили устройство питейного дома, забрали вырученные деньги и избили сидельца. 30 мая около 2000 крестьян, мещан и бессрочно отпускных громили питейные дома в г. Спасске. Та же масса, разбившись на группы, произвела разгром питейных домов в селениях Кажладке (совр. Торбеевского р-на), Хомутовке и Леплейке.

31 мая 1859 г. государственные крестьяне села Навлей забрали из питейного дома выручку, причём главными организаторами разгрома этого питейного дома было несколько отпускных солдат. Во время разгрома Навлейского питейного дома мещанин Тумольский покушался на жизнь поверенного. Тумольского арестовали. В селе Болдове (совр. районный центр МАССР) большая группа государственных крестьян ворвалась в водочный магазин, забрала все находившиеся там деньги и имущество сидельца; в селе Каменный

Брод собравшиеся из разных сёл и деревень крестьяне разгромили питейный дом. Здесь главными руководителями и активными участниками были помещичьи крестьяне деревни Лыковщины.

В казённом селе Потижском Остроге[1] крестьяне уничтожили все питья и имущество. При этом крестьянин Сапунов при содействии своих детей и родственников нанёс побои управляющему откупом. В селе Алексеевке крестьяне окрестных селений, собравшись в большую массу, разгромили штофную лавку. Крестьяне села Паева (совр. Кадошкинского р-на) и деревни Алексеевки разгромили питейный дом в первом из упомянутых селений.

1 июня 1859 года государственные крестьяне села Новлей (совр. Болдовского района) разгромили вторично питейный дом в своём селе. Этого же числа государственные крестьяне села Болдова и помещичьи крестьяне деревни русской Баймаковы (совр. Рузаевский район), разгромили питейный дом в Баймакове. Сиделец питейного дома спасся бегством. В деревне Ст. Усаде (совр. Рузаевского р-на) государственный крестьянин деревни Трускляй (того же района) Мосеев учинил в питейном доме побои поверенному откупа и бывшему при нём ямщику, перебил довольно большое количество посуды с вином и питьями, причём собравшиеся крестьяне сговорились между собой не выпускать поверенного из села до ночи, а ночью убить его, но поверенный сумел скрыться. В этот же день выступили крестьяне с. с. Шувары и Старое Пшенево (совр. Кадошкинского р-на).

1 июня были произведены погромы питейных домов в сёлах современного Ширингушского р-на — Тархановском, Потьме, Очадове, Поквеи, Покровских селищах (совр. Зубово-Полянского р-на), Жукове и Дракине (совр. Торбеевского р-на) и в целом ряде других пунктов.

3 июня 1859 г. в разнопоместном селе Бутурлине помещичьи крестьяне сельца Калиновки, «ворвавшись большою толпою в питейный дом, уничтожили из оного все питья, посуду и забрали денежную выручку».

3 июня 1859 года в бывшей Пензенской губернии движение пошло на убыль, т. к. правительством были приняты все меры для подавления его. Но через некоторое время после выступления крестьян в Пензенской губернии вспыхнуло

1. Ныне с. Усыскино, Болдовского р-на.

такое же движение в Ардатовском уезде, бывшей Симбирской губернии, ныне Мордовской АССР. 2 июля 1859 г. в г. Ардатове, на базаре, чиновник уездного суда Никольский прочёл толпе указ о продаже дешёвого вина. Так как указ был в полном противоречии с действительностью, то и здесь дело кончилось выступлением крестьян против откупщиков. Затем движение перебросилось в уезды Ардатовский, Алатырский, Корсунский. В Корсунском уезде организовалась группа крестьян из 500 человек, которая стала громить питейные дома. Одним из руководителей этой группы был отставной прапорщик Попов. Любопытно отметить, что в Симбирской губернии среди восставших была жена одного отставного унтер-офицера.

Особенно сильным по своему размеру было движение в гор. Краснослободске.

25 мая 1859 года в 3 часа дня собравшийся народ в количестве до 600 человек подошёл к питейному дому и потребовал продажи водки по дешёвой цене. Власти заранее были предупреждены и приготовили воинскую команду в составе одной роты, находящейся вблизи базара. Когда восставшие с криками «ура» кинулись на питейный дом, то военная команда их приостановила. Некоторые бессрочно отпускные рядовые «хотели прибить полковника Попова» и начальника инвалидной команды гор. Краснослободска майора Жукова.

Властям удалось арестовать 6 человек зачинщиков.

Всё усиливающееся народное движение невозможно было остановить одними полицейскими мерами. Поэтому местные власти стали просить на помощь войсковые части. Инсарский земский суд просил пензенского губернатора, чтобы войска Углицкого и Суздальского полков, находящиеся в Инсаре, не отправлять на предполагавшиеся сборы в города Саранск и Краснослободск, т. к. «толпы народа продолжают в Инсарском уезде грабить питейные дома, из которых некоторые ограблены уже по два раза, обуздать подобные беспорядки полицейских мер недостаточно без содействия воинских команд»[1].

В рапорте инсарского городничего от 4 июня 1859 года говорится, что по случаю многочисленных грабежей питей-

1. Пензенский облархив, фонд канцелярии пензенского губернатора, дело № 3898, лист 3.

ных домов дух чёрного народа более и более приходит в раздражительное положение[1]. Движение всё усиливалось. Пензенский гражданский губернатор потребовал принятия самых строгих мер, но инсарский земский исправник сообщал ему, что происшествия эти повторяются всё чаще, волнение народа так быстро усиливается, что «при всём старании нет почти возможности предупредить беспорядки». По мнению земского исправника, «недостаточность мер земской полиции увлекает крестьян к продолжению разбития питейных домов и даёт повод распространяться постоянно усиливающейся молве о намерении крестьян действовать толпою относительно ожидаемой ими свободы»[2].

Далее движение приняло такие размеры, что им вынужден был заняться сам царь Александр II. Так, в распоряжении на имя начальника Пензенской губернии министр внутренних дел писал:

«Государь император, получив сведения, что в некоторых местах Пензенской губернии во время базаров и ярмарок толпы жителей, требуя понижения цен на хлебное вино, буйствовали и грабили питейные дома, оказывая сопротивление местным властям и воинским командам,—Высочайше повелеть соизволил: командировать г. генерал-адъютанта Яфимовича в Пензенскую губернию с тем, чтобы он по местным обстоятельствам и личным своим сообщением принял для прекращения беспорядков и наказания виновных подстрекателей такие меры, какие окажутся необходимыми»[3]. Движение по разгрому питейных домов беспокоило царское правительство особенно в связи с ожиданием «воли», оно могло вылиться в крупное крестьянское восстание, тем более, что это движение из Пензенской губернии перекинулось в Саратовскую, Тамбовскую, Симбирскую и другие губернии. Как известно, ещё до этого помещики и царское правительство боялись «второй пугачёвщины», а движение по разгрому питейных домов серьёзно им напоминало об этом. Кроме того, они боялись, что это движение вольётся в крестьянскую войну против крепостного права. Подобные опасения помещиков оправдывались тем, что крестьяне ряда помещичьих имений

1. Пензенский облархив, фонд канцелярии пензенского губернатора, дело 3898.
2. Пензенский облархив, фонд канцелярии пензенского губернатора, д. 3906.
3. Там же, дело 3906, л. 25.

прекратили исполнять барщину. Всё было подготовлено к тому, чтобы выступление против откупщиков переросло в выступление против существующего строя с целью уничтожения крепостной системы. О настроении крепостных крестьян Пензенской губернии в то время генерал Яфимович сообщал шефу жандармов следующее:

«При сем долгом считаю присовокупить, что во время проезда моего по губернии до меня дошли слухи, что в некоторых помещичьих имениях крестьяне не вполне исполняют барщинную повинность, почему я внушил оным, чтобы они были в полном повиновении своих помещиков и постановленных от них управляющих и приказчиков и выполняли все те повинности, какие законом положены, под опасением за противное строгого взыскания».

Как видно, царский палач был серьёзно напуган настроением крепостных крестьян. Чтобы создавшаяся революционная ситуация не вылилась в открытое революционное движение против всей крепостнической системы, генерал Яфимович предупреждал одних помещиков лично, а других через губернских предводителей, чтобы они от крестьян не требовали более положенного законом.

Долгое ожидание воли способствовало возникновению различных толков, соответствующих тогдашним ожиданиям крестьян, находившихся несколько столетий под тяжёлым гнётом крепостников. В 5-м листе «Под суд» (приложение «Колокола») приводится следующий рассказ о беспорядках 30 мая 1859 г. в городе Спасске (совр. Беднодемьяновск):

«На месте рассказывали, что будто бы в народе тогда явилось какое-то неизвестное лицо, называвшееся мещанином Кочкиным, которое имело на руке две печати, одну золотую, заявлявшую свободу помещичьих крестьян, и другую чёрную, удостоверяющую дешёвую (в 3 руб. сер. ведро) продажу вина»[1].

Учтя создавшуюся ситуацию, правительство решило принять срочные меры, чтобы подавить движение по разгрому питейных домов. Приехав в Пензу, генерал Яфимович взял бразды правления губернии в свои руки: подчинил себе все воинские части с тем, чтобы направить их на подавление главных очагов движения. Чтобы обезглавить движение, власти решили поймать и изолировать его руководителей.

1. «Звенья», т. 3—4, стр. 451.

Руководителем движения в Краснослободском и Инсарском уездах был краснослободский мещанин Пётр Линьков, он же Кочкин, и несколько бессрочно и временно отпускных солдат.

Мещанин Пётр Линьков по развитию был значительно выше рядовых крестьян: достаточно грамотный для того времени, он завоевал авторитет среди крестьян окрестных сёл. Он составлял разного рода прошения и жалобы о беззакониях властей и помещиков по отношению к обездоленным крестьянам. Авторитет Линькова среди окружающих крестьян выдвинул его руководителем движения по разгрому питейных домов.

В грамотном и авторитетном Линькове власти увидели прообраз второго Пугачёва и всеми силами устремились запрятать его в Сибирь. Генерал-адъютант Яфимович требовал, чтобы за возмущение народа сослать Линькова в один из отдалённых городов Сибири, с учреждением за ним строгого надзора[1].

Ревизующий по «высочайшему повелению» Пензенскую губернию сенатор Сафонов сообщил министру внутренних дел, что краснослободский мещанин Линьков, известный наклонностью к доносам и составлению ябеднических просьб, а также дерзким и буйным характером, беспрестанно возбуждает против себя жалобы, что он неоднократно подвергался суду и ныне состоит под оным за разные противозаконные поступки и что мещанин этот был одним из деятельных участников происходивших в недавнее время в разных местах Пензенской губернии беспорядков, посему для сохранения спокойствия в губернии и для устранения вредных последствий от приобретённого Линьковым влияния на простой народ, просит выслать его оттуда в одну из отдалённых губерний под надзор полиции»[2]. Александр II по поводу дела Линькова, представленного министром внутренних дел, наложил собственноручную резолюцию «так и исполнить», т. е. сослать Линькова в Сибирь. Действительно «так и исполнили». Линьков по решению военного суда был сослан в Сибирь, с учреждением за ним строгого полицейского надзора.

1. Пензенский облархив, фонд канцелярии Пензенской губернии, д. 6025, л. 3.
2. Пензенский облархив, фонд канцелярии Пензенской губернии, д. 3906, л. 179.

Личность Линькова-Кочкина довольно интересная. Это борец за право угнетённого, обездоленного люда. Свою борьбу с откупной системой и произволом отдельных представителей властей, а также с помещичьим произволом Линьков-Кочкин начал ещё в конце 40 гг. прошлого века.

10 мая 1847 г. он донёс губернским властям о притеснениях и злоупотреблениях одного из тамбовских откупщиков Савостьянова. В этом донесении и в следующих письмах он решительно выступает против тогдашних откупных порядков, против злоупотреблений в незаконном повышении цены водки, притеснений, подкупов чиновников и т. д. За этот донос его арестовали в 1849 г., и он просидел в тюрьме до 1855 г. Этим, однако, не кончаются его скитания по тюрьмам.

«В 1857 г.,—пишет Линьков,—скопом и сговором, с произведением фальши, я был оклеветан вновь и по 25 марта 1859 года содержался в секретном замке под тем предлогом, что будто бы не имею порук и не одобрен в поведении»[1]. 25 марта 1859 года Линьков был освобождён сенатором Сафоновым, но недолго был на свободе. Он, повидимому, пытался раскрыть сенатору всю сеть злоупотреблений откупщиков и властей, поэтому сенатор решил отделаться от Линькова при первом удобном случае.

«Колокол» Герцена и Огарёва писал тогда, что Линьков-Кочкин был у местных властей, словно бельмо на глазу. Обладая сильным умом, он пользовался огромным влиянием и безусловным уважением у крестьян не только Пензенской, но и смежных губерний: Симбирской, Саратовской и Тамбовской. Боясь фанатической преданности ему крестьян, местные и приезжавшие из Петербурга власти старались свалить на Линькова главную вину за разгром питейных домов..

17 мая 1859 г. Линьков-Кочкин был вновь арестован в связи с питейными беспорядками в Нижнем-Ломове. Его обвиняли как «подстрекателя в этих беспорядках».

Несмотря на арест, имя Линькова жило в народе. Многие мещане, используя авторитет его в народе, объявляли себя Линьковыми и поднимали массы на разгром питейных домов.

П. П. Линьков-Кочкин, будучи поэтом-самородком, в своих произведениях бичевал неправду властей и их преступное правление.

1. „Звенья", т. 34, 1934 г., стр. 455.

Из поэтических творений Линькова-Кочкина до нас дошло одно стихотворение, или, вернее, отрывок из поэмы, приложенной им к его жалобе в октябре 1860 г.

Сам Линьков называет это произведение произведением в прозе и стихах под названием «Русский Лимонат». В этом небольшом отрывке Линьков-Кочкин беспощадно бичует современный ему политический строй.

Небезынтересно будет привести из отрывка несколько выдержек с тем, чтобы убедиться в поэтическом даре и взглядах автора[1].

И не нашествия Мамая,
Или владык Бахчисарая —
С толпами дерзостных татар,
Мою отчизну пожинают.
И в духе хищных, злых зверей,
Ужасной пастию своей
Её нещадно пожирают.
В ней всё святое презирают.
Пестуя один обман,
Всё сокрушают, истребляют,
Как бури грозный ураган.
Нет, нет, не внешние враги
Её столь дерзостно терзают,
Но отечества слуги...
Сии наемницы Ефремли.
Превозносясь венцом гордыни,
В пределах меж неба и земли:
Как дикий варвар средь пустыни,
Иль разъярённый гладом лев,
Расширив свой прежадный зев,
На всё страх, трепет разливают,
Их гибельным корыстолюбием...

Далее он бичует чиновников, которые, невзирая на невинность, «влекут всех бедных под арест...

Повсюду гонят правду с честью,
И кровь невинных льют рекой.
Их дерзко в тюрьмах запирают...»

1. Это произведение напечатано в „Звеньях", т. 3—4, изд. „Академия" 1934 г., стр. 463—466.

Всё стихотворение Линькова—горькая правда о тяжёлом положении миллионов трудящихся, стонавших под невыносимым гнётом крепостнической России, в которой помещики и их власти

Все силы изнуряя,
Потом злой казни подвергают...
И наказуя, истязают:
Всегда в пример другим и в страх,
Страданью ж бедных указуют
Награду там, на небесах...

В своём произведении Линьков-Кочкин выступает против проповеди христианской церкви, сулившей для страждущих и бедных на земле—рай на небесах, где

От муки вечные спасутся
И там, в нетленье облекутся.

В этом, бичующем царских чиновников и существовавший тогда политический строй произведении Линьков перекликается с некоторыми произведениями Некрасова.

Линьков ещё верил в то время в царские милости и добивался улучшения положения крестьян и уничтожения злоупотреблений откупщиков и царской администрации путём жалоб и доносов к высшим сановникам и самому царю.

В своём донесении от 2 ноября 1850 г. он писал: «Великий предок вашего императорского величества рек:

«Если правда бежала от людей, то должно искать её в сердце государей». Не надеясь на местное правосудие и на аристократию, он пишет:

«Но что делать — там, где вся аристократия богачей, превозмогающая закон империи и распоряжения министерства». И в конце своей жалобы обращается к Николаю I: «Августейший монарх! Спаси, погибаем».

Но вместо того, чтобы обратить внимание на жалобы Линькова, царь приказывает сослать его в Сибирь.

По этому поводу в «Колоколе» Герцена сказано:

«Благодушный царь, раздражённый тем, что мужик осмеливается быть умнее многих его верных слуг и премудрых военных комиссий, приказывает покончить с глупым мужиком, не хотящим понять царских милостей».

Линьков был сослан в Сибирь на вечное поселение. Такая же жестокая расправа была учинена и над другими руководителями и зачинщиками выступлений крестьян. Временно отпускной канонир Иван Чернов «за подстрекательство крестьян к разбитию питейного дома в селе Азясе и возбуждение их к буйству против команды подвергся наказанию шпицрутенами—через сто человек шесть раз, его лишили медали в память войны 1853 — 1856 гг. и всех прав состояния, сослали на каторжную работу на заводы сроком на шесть лет.

Крестьяне села Потижской Слободы (совр. Кадошкинского р-на) Евстафий Фёдоров, Крисанф Родионов, Филат Сергеев и Антон Спиридонов, села Болдова—Василий Андреев, деревни Шехмаметьевки— Андрей Люленков, села Куракина—Илья Архипов, деревни Апраксино—Андрей Блохин, г. Краснослободска—Иван Шачни, села Гумен (совр. Краснослободского р-на) Гаврила Рысев, бывший дворовый человек помещицы Шмеппенбах—Евлампий Андреев были присуждены военно-полевым судом к наказанию шпицрутенами и к тюремному заключению.

Крестьяне села Усть-Каремешь (бывш. Нижнеломовского уезда) в количестве 25 человек подверглись наказанию шпицрутенами каждый через сто человек по пять раз и каторжным работам на заводах сроком на четыре года. Кроме того 35 человек зачинщиков из разных селений за возбуждение масс и участие в разгроме питейных домов лишены были всех прав и состояния, а нижние чины были лишены их медалей и нашивок за беспорочную службу, кроме того подверглись наказанию шпицрутенами каждый через сто человек по пяти раз и сосланы были на каторжную работу на заводах сроком на четыре года.

В Тамбовской губернии подавление восстания было поручено генерал-адъютанту Н. М. Толстому. Этот генерал жестоко подавил движение в Спасском уезде, и через 10 дней после подавления движения была произведена экзекуция. Толстой приказал: «не жалея наказывать». О зверствах царских палачей можно судить по следующему рапорту тамбовского жандармского штаб-офицера подполковника Дурнова шефу жандармов:

«В дополнение рапорта моего от 29 июня за № 115 Вашему сиятельству почтительнейше имею честь донести, что по прибытии в г. Спасск генерал-адъютант Толстой сделал следующее распоряжение:

1) Отобрав более виновных в буйстве и разбитии питейных домов 13 человек, приказал, при собрании войск и жи-

телей наказать розгами при личном своём присутствии. Эта мера имела сильное влияние на умы жителей, отличающихся своим упорным характером и до того не верившим, что они поступили незаконно.

2) Его превосходительство поручил начальнику губернии назначить под моим председательством комиссию, членами которой были губернский чиновник особых поручений Лебедев и исправляющий должность советника палаты государственных имуществ Кидошенков, с предписанием разобрать дела по этому предмету в селениях Спасского уезда, причём приказано относительно наказаний по возможности руководствоваться более полицейскими мерами и основываться на произведённых уже следствиях и словесных показаниях обществ и местных начальств. На основании этого предписания комиссия произвела разбор в 15 селениях, в которых произошло буйство и разграбление питейных домов, и подвергла публичному наказанию розгами 63 человека, предано военному суду разных полков 14 человек рядовых, находящихся в бессрочном и временном отпусках и два человека из мещан—суду гражданскому. Затем комиссия, окончив возложенное на неё поручение, сделала распоряжение о выводе из селений воинских команд к 1 августа.

Теперь положительно можно сказать, что мера эта совершенно восстановила в Спасском уезде порядок и спокойствие, хотя наказания по большей части были весьма умеренны, но при этом всего более действовали на умы народа торжественность и строгий порядок, с которыми приступали к разбору и наказанию виновных, так что все они высказывали сильнейшее раскаяние и, на коленях изъявляя покорность, просили прощения в своём проступке.

В заключение имею честь присовокупить, что по личному приказанию генерал-адъютанта Толстого я ездил в Пензу для доклада его превосходительству об окончании возложенного на комиссию поручения. Тамбов 27 мая 1859 года»[1].

Расправа Толстого в отношении лиц, участвовавших в разгроме питейных домов, описана в 5 листе «Подсуд», выпущенном в приложении к герценовскому «Колоколу» и специальной заметке в «Колоколе» 1860 г., № 67, под заглавием:

1. Цитирую по статье Лурье, напечатанной в „Звеньях"—3—4, 1934 г., стр. 445.

«Набег немецких татар в Тамбовскую губернию». В этой заметке сказано: «Несколько горячих голов разбивают питейные дома, забывая, что от безденежья правительства кабак поднялся в ранг церкви и дворца, что оскорбление кабака становится оскорблением величества. Кража вина—не просто кража, а винотатство»[1].

Так как главными инициаторами и руководителями движения по разгрому питейных домов были временно-отпускные и бессрочно-отпускные солдаты, то генерал-адъютант Яфимович предложил губернским властям и министру внутренних дел учредить особый надзор за ними, ибо в лице бывших солдат, прошедших 25-летний срок «адовой» службы в царской армии, самодержавие видело своего опасного врага. Поэтому с доводами Яфимовича был согласен и Александр II. Во всеподданнейшем докладе министра внутренних дел по этому вопросу упоминалось: «Относительно наблюдения за образом поведения бессрочно-отпускных нижних чинов», Александр II собственноручно наложил на это резолюцию «непременно»[2].

Это движение, с такой большой силой проходившее на территории Мордовии и с такой бесчеловечной жестокостью подавленное царским правительством, всё же не приостановилось.

Обстановка была такова, что нужно было ожидать крупного столкновения крепостной системы с недовольством народных низов. К. Маркс, учитывая сложившуюся обстановку в предреформенной России, в письме к Энгельсу от 8 октября 1858 года пишет: «В России началась революция». Маркс хорошо был осведомлён о росте революционного движения крестьян в России. По мысли Маркса, вся обстановка в России может привести к революционному взрыву. «Русская война 1854—1855 годов,—пишет Маркс, — хотя и паршивая и мало повредила русским... все же, очевидно, ускорила нынешний поворот событий в России»[3].

В. И. Ленин также указывал на наличие в России 1859—1861 гг. революционной ситуации.

1. Цитирую по статье Лурье, напечатанной в „Звеньях"—3-4, 1943 г., стр. 445.
2. Пензенский облархив, фонд канцелярии пензенского губернатора, д. 3906, л. 188, за 1859 г.
3. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XXII, стр. 362.

По мнению Ленина, высказанному в связи с крестьянской реформой, «самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание опасностью весьма серьёзной»[1].

Маркс был убеждён в том, что вопрос об освобождении крестьян откладывать надолго нельзя, что это не потерпят и сами крестьяне, которые заставили «помещиков переехать из деревень в города,где под защитой стен и гарнизонов они могут не бояться своих возмутившихся рабов» [2].

Одним из видов крестьянского движения, ускорившим проведение реформы 1861 г., явился и разгром питейных домов в России, сигнал которому и развитие которого произошли на территории уездов, вошедших ныне в состав Мордовии.

1. *Ленин*, Соч., т. IV, стр. 126.
2. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XI, ч. 1-я, стр. 531.

И. Воронин,

кандидат филологических наук.

СПОДВИЖНИК СТЕПАНА РАЗИНА.

Крестьянская война 1670—71 годов, возглавленная Степаном Разиным, развернувшаяся в Поволжье и Приуралье, охватила все районы, вошедшие ныне в состав Мордовской АССР.

Вместе с русским крестьянством против самодержавного деспотизма и крепостнического произвола восстали тогда и крестьяне мордовских сёл и деревень. По далеко неполным данным число повстанцев в районах, вошедших ныне в Мордовскую АССР, намного превышало 40 тысяч человек. Мордовский народ выдвинул тогда из своей среды немало бесстрашных борцов за народное дело, вместе с тем выдвинул он и талантливых руководителей, умело возглавивших движение народных масс.

Выдающимся организатором и руководителем крестьян мордовских сёл и деревень, сражавшихся в рядах армий Степана Разина, был мордвин Мурзакайка, создавший отряд повстанцев численностью более чем 15 тысяч человек.

Казалось бы, что имя этого народного героя должно привлечь внимание историков и писателей. Однако до сих пор ему не посвящено ни одного исследования, ни одного художественного произведения, неизвестно было даже, откуда он происходит, где состоял на службе и каково его подлинное имя: в различных документах он называется по-разному—Мурзакайко, Мурза Калка, Мурза Кайка, Мурза Акайка.

В настоящей статье мы попытаемся хотя бы кратко охарактеризовать эту выдающуюся личность в истории мордовского народа и события, связанные с её именем.

В отписке князя Ю. Долгорукова царю от 26 декабря 1670 года мы находим указание, что Мурзакайка «жил в

мордовской своей деревне Костяшеве»[1]. Но в настоящее время такой деревни не существует, не существовало её и в XIX веке, не было её уже и в XVIII веке. Она исчезла с географической карты. И поэтому не представлялось возможным определить местонахождение этой деревни — родины Мурзакайки. Только поиски в архивных материалах могли дать возможность разрешить этот вопрос.

В материалах Саранского уездного суда нам удалось найти ценнейший в этом отношении документ, в котором указано, что в 1675 году «дано дьяку Михаилу Прокофьеву, в приказ Казанского дворца подъячему Андрею Покрышкину, Дорофею Михачеву, Фёдору Маматову против их дач по дуброву, сенные покосы по пяти копен человеку к их дачам угодий по конец казачей земли деревни Пролей Салмы, до мордовской земли деревни Костяшевы...»[2]

В том районе находится приток Инсары речка Арефляйка. Бывшая деревня Пролей Салма, сейчас село Салма, Ромодановского р-на, Мордовской АССР, находится в пяти километрах от Арефляйки, а деревня Покрышкино, того же района, получившая имя от первого владельца этой деревни Андрея Покрышкина, стоит на речке Арефляйке. Следовательно, родина Мурзакайки—деревня Костяшева находилась в соседстве с современными деревней Покрышкино (в 17 километрах севернее города Саранска) и селом Салмой и стояла, повидимому, на той же речке Арефляйке, ибо слово Арефляйка — мордовское слово (эряф—жизнь, лей — речка)—река жизни.

Установление местонахождения родной деревни Мурзакайки представило возможным определить и служебное положение этого выдающегося героя мордовского народа. Мордовские мурзы, как правило, в те времена несли в нашем крае станичную службу и записывались они в десятни—в списки служилых людей. Служилые люди района, прилегавшего к деревне Покрышкино, приписаны были в то время к городу-крепости Атемару (ныне село Атемар, Саранского р-на) и значились в Атемарской десятне.

Просматривая Атемарскую десятню 1669—70 годов, мы находим в числе «станичных мордовских мурз, которые служат станичную службу на Чардане, по Саранску, с

1. *А. Попов* „Материалы для истории возмущения Стеньки Разина", М. 1857 г., док. № 58.
2. Госархив Мордовской АССР, ф. 15, д. 80, л. 219.

отцовских и родителей своих с поместных земель»... имя Мурзы Акайки Боляева[1].

Сопоставление указанных здесь архивных и печатных материалов позволяет сделать вывод, что записанный в Атемарской десятне Мурза Акайко Боляев и есть сам Мурзакайка. Указание о том, что записанный в Атемарской десятне Мурза Акайко Боляев служит станичную службу и именно по Саранску, является в свою очередь веским подтверждением справедливости сделанного здесь вывода, ибо месторасположение деревни Костяшевы совпадает с районом, где станичная служба была в XVII веке крайне необходимой. Фамилия же—Боляев, вполне естественно, писалась только в разборных списках (т. е. в официальных документах), в народе его звали просто Мурза Акайко.

Из «допросных речей разных лиц о Разине и разинцах» мы видим, что Мурза Акайко впервые выступил вместе с разинцами против правительственных войск в районе города Корсуня, что в ста километрах к востоку от Саранска в направлении к Ульяновску (бывш. Симбирску). «...И на Корсуни, — читаем мы в допросных речах, — воры, тутошние жильцы..., взяв их всех (разинцев) с собою пошли, собрався человекь с полчетвертаста, на Урень и на (Урени) стояли три дни, и после того пришел на (Урень) окольничей и воевода князь Юрья Никитыч Борятинский октября в 24 день (1670) г.) и воровские люди из Уреня против государевых ратных людей выходили, а с теми де ворами атаман Мурзакайко, и государевы де ратные люди тех воров побили и в Урень пошли, а они де разбежались все врознь и шли от Уреня в Алатырский уезд на Барыжскую слободу, на перевоз реки Суры, и у перевозу де стали воровские люди на заставе человек с пятьсот..., а от Барышской де слободы ушли они на Ардатовский перевоз, и на том перевозе стоят мордвы и чуваши на заставах человек со сто...»[2]

Отсюда видно, что Мурза Акайко с своим пока ещё небольшим отрядом не ждал прихода правительственных войск от Симбирска к Саранску, а выступил навстречу им, и его отряд дал бой противнику, этим самым прикрыв районы Мордовии с востока и дав возможность более успешному развитию движения в районах самой Мордовии.

1. „Атемарская десятня 1669—70 года", „Русская историческая библиотека", С. П. Б., 1908 г., т. 17, стр. 215.
2. „Материалы для возмущения Ст. Разина", док. № 97.

В бою под Уренью Мурза Акайко потерпел поражение, но он не растерялся и решил собрать под своим руководством более крупные силы и вновь встретить с боем правительственные войска.

В донесении Юрия Борятинского царю об этом этапе борьбы мы читаем:

«...после уренского, государь, бою отшел я холоп твой в Тагаев (Тагай)... И ноября в 5 день ведомо мне, государь, учинилось, что воры донские казаки Ромашко да Мурза Кайко с саратовскими и самарскими и с черты с корсунскими и малого Корсунова и с арзамасскими и с сурскими и с тальскими и с саранскими и с пензенскими и с алаторскими и с курмышскими и с уездными тех городов со всеми собралось их воров с пятнадцать тысяч, и стояли они у Барыша реки в Кандарате, и ноября ж в 6 день из Тагаева на тех воров я пошел и пришел к Барышу в Усть-Уренскую слободу, и в Усть-Уренской слободе... был у меня бой, и на том бою донского казака Мурза Кайку ранили... И на утрея, ноября ж в 12 день, поставя обоз, через Барыш реку сделал три моста и через мосты перебрался с полками и с обозом, а они воры стояли за Кондарскою речкою под слободою убрався с полками конные и пешие и поставя обоз да с ними двенадцать пушек... И стояли полки с полками с утра до обеда меньше полуверсты... и бой был великой и стрельба пушечная и мушкетная беспрестанная... так что на поле и в обозе и в улицах в трупу нельзя было конному проехать, и пролилось крови столько как от дождя большие ручьи протекли...» [1].

Следующее крупное сражение с правительственными войсками было предпринято Мурзою Акайкой 8 декабря под городом Ардатовом Мордовской АССР, в районе сёл Тургенево и Баево.

Об этом сражении Юрий Долгорукий доносил царю: «...воровские промышленники из Саранска донской казак Алешка Савельев, да Мурзакайко, да разбойник Янка Микитинский, а с ними было воров больше двадцати тысяч, и поставя де они, воры, обоз и пехоту построя, и рогатками обметався, и конные их полки стали у их пехоты, и пушки поставили около обозу и около конных полков, и твои де, великий государь, ратные люди почали на них наступать, пехота на пехоту, а конные на конных и учинился бой большой и твои ратные конные люди воровских конных людей сорвали, а пехота их воровскую пехоту сбила, и побили воров на голову, и секли их воров конные на пятнадцати верстах...»[1]

Силы были неравные. На стороне правительственных войск было большое численное превосходство. Однако сломить сопротивление восставших на борьбу за народное дело было нельзя. Два месяца Мурза Акайко удерживал восточные рубежи Мордовии, проявив здесь храбрость и умение организовать бой. Он от обороны переходил к наступлению, нанося царским войскам удар за ударом, увлекая своим героизмом всё новые и новые группы мордовских и русских крестьян на борьбу против самодержавного произвола и крепостничества.

Вынужденный под напором численно превосходящих сил противника отступить от Ардатова Мурза Акайко с боями отходил к Саранску и пришёл в двадцатых числах декабря 1670 года в свою родную деревню Костяшеву, где был окружён и пленён царскими войсками.

Так закончился героический путь борьбы выдающегося организатора и военачальника, героя мордовского народа Мурзы Акайки Боляева. Вслед за 1670 годом его имя исчезло из списков служилых людей Атемарской десятни. Он был казнён.

Вскоре исчезла с лица земли и родная деревня Мурзы Акайки—Костяшева. Из факта исчезновения этой деревни следует сделать вывод, что при пленении Мурзы Акайки царские карательные войска учинили жестокий погром и односельчанам героя, а потом некоторое время спустя и земля «неблагонадёжной» мордовской деревни была передана помещикам, принимавшим участие в подавлении восстания Степана Разина. Оставшиеся в живых после погрома, лишённые земли и преследуемые правительством за участие в отряде Мурзы Акайки его односельчане, крестьяне деревни Костяшевы, вынуждены были покинуть свои отцовские и дедовские места — на речке жизни, на родной Арефляйке и уйти в необжитые тогда ещё края, куда-то ближе к Волге или на юг за Пензенскую сторожевую черту.

1. „Материалы для возмущения Ст. Разина", док. № 6.

1. „Материалы для возмущения Ст. Разина", док. № 58.

И. Д. Воронин,
кандидат филологических наук.

ИЗ ИСТОРИИ СТАРОЙ РУЗАЕВКИ.

Город Рузаевка—один из важнейших центров Мордовии, а как железнодорожный узел он известен всей стране. Этот город вырос и оформился за годы советской власти. Он имеет большие перспективы своего развития в будущем, а также интересно и его прошлое, освещённое революционными событиями 1905 года.

История Рузаевки ещё не написана, хотя необходимость её написания назрела.

Как известно, железнодорожная станция и город Рузаевка выросли рядом с одним из древнейших населённых пунктов нашего края, селом Рузаевкой, и своё имя получили они от названия данного села.

В предлагаемом очерке мы попытаемся кратко охарактеризовать происхождение самого имени города, что до сих пор оставалось неизвестным, а также кратко изложить и историю старой Рузаевки с момента её возникновения и до начала постройки железнодорожной станции.

Архивные документы свидетельствуют о том, что ещё в конце XVI века в верховьях реки Инсары существовали бортные ухожаи мордвы[1], которые подходили туда и с северо-восточной стороны от города Алатыря, и с северо-западной —от города Темникова. Саранска тогда ещё не было. Через места современного Рузаевского района проходил тогда и важнейший тракт, связывающий Москву с юго-восточными странами,—Большая посольская дорога, в некоторых архивных документах именуемая ногайской, а в некоторых буртасской.

В 30-х годах XVII века в верховьях реки Инсары, на стыке двух уездов, Алатырского и Темниковского, начинают появляться первые населённые пункты татар и несколько позже русских.

1. Пчеловодство, которым мордва занималась в лесных урочищах.

В Госархиве Мордовской АССР, в старейшем фонде этого архива, в фонде Саровского монастыря, сохраняется документ, где указано, что татарскому князю Уразу, состоявшему на службе у московского царя, даны в поместье земля и сенные покосы «в Темниковском уезде на диком поле, что от Полгормы (старое название современной Пайгармы) едучи за рекою за Инзарою по Большой посольской дороге до Шинподачи по обе стороны речки Шинподачи (Шебдас) до речки до Инзары, да на речке на Сюгарге (Сузгарье) и по речке по Сюгарге до речки Пишли вверх до атаева рубежа...»[1]

Как видно из перечисленных в приведённом отрывке документа названий речек, сохранившихся с некоторыми изменениями до наших дней, речь идёт о районе современной Рузаевки.

В архивных фондах Инсарского уездного суда мной найден другой документ, который точно устанавливает и время отвода земли князю Уразу—1631 год—и то, что его детям и внукам отводились в этом районе дополнительно земли и другие угодья, а также устанавливает и то, что на отведённой Уразу земле позднее возникла деревня Рузаевка. Документ датирован 1806 годом, но составлен на основании более ранних данных. Приводим этот документ:

> «...движимое и недвижимое имение в давних годах бывше Саранского и Темниковского уездов, а ныне состоящее Пензенской губернии Инсарской округи прежде бывше за мурзами Тонкачеевыми деревни, а потом сельца Михайловского Рузаевки, а спустя несколько времени села Архангельского Рузаевки особое бывшее владение крестьянской земли по жалованным грамотам прежним владельцам темниковским помещикам мурз князей Тонкачеевых 7139-го (1631) года, а по отказным касимовца Сарая мурзы Урозая сына князь Емашева он же и Тонкачеев, что ему дано обще с темниковцами 181-го (1672) года ноября 7-го дня книгом поместной земли на речке Пишле, да на речке Нурколее, да на речке Пайгарме тридцать четвертей[2], сенных покосов триста копен[3] и со всеми угодьи, в поле, а вдву потомуж, да по

1. Госархив Мордовской АССР, фонд Саровского монастыря, д. 222, л. л. 16—26.
2. Четверть равна полудесятине земли.
3. 10 копен равны десятине лугов.

грамоте ж из приказу Казанского дворца 7203-го (1695 г.) февраля в 19 день, что дано по челобитию мурз Сулейману, да Юсупу Сареевым детям Тонкачеевым, а по отказным 7199-го (1691) года августа 21-го дня книгам примерной их земли за дачею деда их Уразая Мурзы Тонкачеева в Темниковском уезде на речке Пишле и по речке Пайгарме, и по обе стороны речки Нуркалея пятьдесят четвертей в поле, а в дву потому ж с лесы и сенные покосы..., а с отказных в Саранской канцелярии с троих книг Ибраима, да Юсупа, да Сулеймана Сараевых детей Тонкачеевых копий значит, что отказано вышесказанным мурзам в Саранском уезде по вышеписанным урочищам в первых написано 7193-го (1685) года, генваря 22 дня по челобитью Касимовских мурз Ибраима, да Юсупа, да посольского приказу переводчика Сулеймана Сареевых детей Тонкачеевых отказано им на речке Инзаре и по речке Шабдасе отца их поместье Касимовца Сарея мурзы Рузаева сына Тонкачеева жалованной по отказной ево 182-го (1673) года декабря 30-го дня дачи десять четвертей, сенных покосов двести копен, да примерной их дачи двести сорок четвертей, сенных покосов три тысячи копен...»[1].

Из приведённых документов выясняется, что князья Тонкачеевы были крупными феодалами-помещиками, в период времени с 1631 по 1695 год они получали всё новые и новые угодья в районе Рузаевки, к тому же они имели поместья в Касимовском уезде и вблизи города Темникова, причём некоторые из них служили при дворе московских царей в качестве переводчиков посольского приказа, поэтому они и захватили хорошо им известные плодородные рузаевские земли и другие угодья, расположенные вдоль Посольской дороги.

Из приведённых документов видно также, что первый из князей Тонкачеевых, появившийся в верховьях реки Инзары, называется в разных отказных книгах то Уразом, то Уразаем, то Рузаем, а, стало быть, и земля, отведённая ему, называлась то Уразова, то Уразаева, то Рузаева.

На этой земле князья Тонкачеевы и поселили во второй половине XVII века своих крепостных крестьян, русских людей, вывезенных из их Касимовских и Темниковских вотчин.

Вновь поселённая деревня стала называться Уразаева (Рузаева)—по имени первого владельца земли, на которой

1. Госархив Мордовской АССР, ф. 22, д. 579, л. л. 201—202.

она была поселена. С течением времени окончание названия деревни изменилось, и к концу XVII века она уже писалась в документах Рузаевка, иногда Урузаевка, ещё позднее русское произношение названия деревни (Рузаевка) совершенно вытеснило татарское (Урузаевка), во-первых, потому, что население деревни было русское, а, во-вторых, и потому, что с 1715 года в Рузаевке не стало владельцев её, татар, помещиков Тонкачеевых. Отголоски прежнего названия деревни до нашего времени сохранились лишь в произношении мордвы окрестных сёл и деревень, которые как село, так и город Рузаевку и доныне называют «Оразай».

Как видно из приведённых архивных документов, Рузаевка именовалась вначале деревней, потом сельцом. В актах, относящихся к 1715 году, она именуется уже селом[1].

В конце XVII в. в Рузаевке было только 15 дворов. В начале XIX века село Рузаевка насчитывало уже 500 душ населения обоего пола. Следует заметить также, что в XVII и даже XVIII веках, как это видно из тех же архивных документов, были попытки закрепить за Рузаевкой названия, основанные на приходско-религиозном принципе (Михайловка, Архангельское), но эти названия до нас не дошли, отмерли, удержалось же за селом название старинное, укрепившееся в народе с начала образования деревни.

Около полвека хозяйничали в Рузаевке мурзы и князья Тонкачеевы, но вот в 1715 году им было предложено принять христианскую веру. Они отказались, и «русские люди села Рузаевки за невосприятие мурзами веры греческого исповедания христианского крещения были отписаны на великого государя...»[2] Но недолго пришлось жить рузаевцам без помещика. Ровно через 10 лет, в 1725 году, к ним приехал новый хозяин, лейб-гвардии поручик Тихон Лукин, которому из казённого ведомства «пожаловано» было село Рузаевка с протчими деревнями и землями...»[3]

В середине XVIII вёка в Рузаевке появился опять новый хозяин. В 1757 году Лукины продали рузаевскую вотчину надворному советнику Еремею Струйскому, во владении потомков которого и была крепостная Рузаевка вплоть до реформы 1861 года.

1. Госархив МАССР, ф. 22, д. 579, л. л. 1—6.
2. Там же, л. л. 1—6, 231—233.
3. Там же, л. л. 231—233.

Жесток был произвол рузаевских помещиков. Они угнетали своих крепостных непосильной барщиной и оброком, сами судили их, подвергая пыткам,[1] забивали их до смерти. До нас дошло предание, свидетельствующее о том, что один из Струйских «столько посек людей, что числа им нет... А на которого мужика больно осердится барин, — говорит предание,—возьмёт да клеймо ему железное ко лбу и приложит...»[2] Сохраняется и другое предание о другом рузаевском «страшном барине», кормившем своих дворовых крестьян соломенной сечкой с желудями[3]. О жестоком произволе рузаевских помещиков свидетельствуют и многочисленные архивные документы[4].

Вместе с тем архивные документы свидетельствуют и о том, что рузаевские крепостные крестьяне не раз выступали против своих поработителей. Так, ещё в начале XVIII века они, вооружившись топорами и вилами, восстали против князей Тонкачеевых «завладели насильно землёю, а хоромное строение» своих господ «распродали и разорили»[5]. С большой активностью выступали рузаевцы против своих помещиков и в период восстания Емельяна Пугачёва. Архив сохранил нам заявление самого рузаевского помещика, который об указах и грамотах на владение им землёю писал, что «оные в бывшее 1774 года смутное время утратились»[6]. Вполне понятно, что рузаевцы не ограничились только уничтожением этих грамот и указов. Их помещику, повидимому, пришлось бежать и отсиживаться где-то вдали от своих имений, что, кстати сказать, подтверждается и преданиями. Отозвались рузаевцы и на восстание декабристов в 1825 году. В имениях Струйского были произведены «повальные обыски», некоторые крепостные были подвергнуты суду, и им было предъявлено обвинение в «разглашении ложных слухов, относящихся к нарушению спокойствия между помещичьих крестьян»[1].

1. „Русский архив", 1865 г., стр. 964.
2. Предание записано мною в деревне Покрышкине, Ромодановского р-на, в 1938 г. со слов 75-летнего крестьянина Н. Е. Мельникова. Покрышкино около ста лет принадлежало рузаевским помещикам Струйским.
3. Записано мною со слов 70-летнего крестьянина с. Рузаевки Е. Н. Вишлина в 1940 году.
4. Госархив Мордовской АССР, ф. 22, д. 214, л. л. 134—137 и др.
5. Госархив Мордовской АССР, ф. 22, д. 579, л. л. 231—233.
6. Госархив Мордовской АССР, ф. 22, д. 579, л. 29—37.

До сих пор живёт в народе предание о рузаевском бедняке-крестьянине Семёне Аккуратном, который, защищая интересы крепостных, учинил расправу над рузаевским «страшным барином», отрубив ему 2 июля 1834 года топором голову. После тяжёлых пыток Семён Куратов, прозванный односельчанами Аккуратным, за справедливую расправу над жестоким помещиком, сослан был навечно в Сибирь на каторгу[2].

Говоря о прошлом Рузаевки, необходимо отметить ещё два знаменательных факта её истории.

Первый—это организация там типографии Струйского, а второй—рождение в селе Рузаевке выдающегося русского поэта Александра Ивановича Полежаева.

Рузаевская типография Струйского—одна из старейших и по тому времени лучших типографий Поволжья. Она была основана в 1783 году. Рузаевские издания по своей внешности не уступали тогда столичным. Рузаевский поэт и типограф Николай Еремеевич Струйский не жалел средств для своей типографии. Книги печатались на дорогой бумаге, а некоторые экземпляры, особенно «подносные», даже на атласе. Гравированные на меди рамки, виньетки, концовки, исполненные лучшими по тому времени мастерами, придавали изданиям Струйского такой вид, что Екатерина II хвасталась ими перед иностранцами и посылала рузаевскому издателю в награду бриллиантовые перстни.

Сейчас рузаевские издания того времени являются библиографической редкостью, их можно найти только в крупнейших книгохранилищах Москвы.

Печатал Струйский преимущественно свои стихи и стихи своих друзей. В Рузаевке, например, был напечатан первым изданием «Камин» Долгорукова.

В типографии работали исключительно рузаевские крепостные: наборщики, граверы, рисовальщики; из крепостных рузаевцев вышел в то время и выдающийся художник—живописец Зяблов.

Следует, однако, заметить, что рузаевские издания только внешне были хороши, стихи же Струйского, типичного

1. Госархив Мордовской АССР, ф. 19, д. 179, л. 590, 607.
2. Госархив Мордовской АССР, ф. 22, д. 214, л. л. 134—137.

крепостника, были по содержанию реакционными, а по форме большей частью подражательными (подражал Струйский Сумарокову, Державину и другим поэтам-современникам). Державин на смерть Струйского написал надгробие-эпиграмму:

Средь мшистого сего и влажного толь грота,
Пожалуй, мне скажи, могила эта чья?
Поэт тут погребён: по имени—струя,
А по стихам—болото...

Однако, кое-кому из современников стихи Н. Е. Струйского и нравились. Так, например, с некоторым вниманием к его творчеству относился поэт П. А. Вяземский. В письме к И. И. Дмитриеву в 1824 году («Русский архив», 1865 год) Вяземский сообщает: «Жалею, что не успел по обещанию своему, напечатанному в «Телеграфе», поклониться памяти поэта (Струйского) и живописца его (Зяблова), но летом, когда опять буду в здешней стороне (в Рузаевке), исполню свой сердечный и журналистический обет». О «знаменитой Рузаевке» Вяземский отмечает и в своей «Записной книжке» того же года.

После смерти Н. Е. Струйского в 1796 году прекратила своё существование и рузаевская типография.

Только недавно, 7 лет тому назад, нам удалось установить место и время рождения поэта Полежаева. Он родился 30 августа 1804 года в селе Рузаевке. Всю жизнь не забывал поэт о родном селе, о нём он упоминает в своей поэме «Сашка», в Рузаевку он приезжал и гостить, получив отпуск из военной части, в Рузаевке он написал своё знаменитое стихотворение «Четыре нации».

В 1893 году через Рузаевку прошла железнодорожная линия. Рядом со старой Рузаевкой началось строительство новой Рузаевки, железнодорожной станции, рабочего посёлка, стал формироваться рабочий коллектив, вписавший славные страницы в историю пролетарского революционного движения.

Октябрь 1917 года дал новую жизнь Рузаевке — жизнь без помещиков и капиталистов, жизнь, полную радостей и самоотверженного труда, и этот самоотверженный труд обеспечил небывалый рост и подлинный расцвет нового социалистического города.

Н. П. Руткевич.

А. А. ТУЧКОВ.

I.

Наш земляк, участник тайного общества декабристов, близкий друг и постоянный корреспондент Герцена и Огарёва, один из добровольных распространителей герценского «Колокола» в России—бесцензурного «вольного русского слова», в самые мрачные годы николаевского режима мечтавший об «индустриализации» крепостной деревни и видевший в промышленности «победу ума человеческого над природой»,—Алексей Алексеевич Тучков, говоря словами А. Герцена,—«чрезвычайно интересный человек, с необыкновенно развитым практическим умом[1], чьё «живое лицо и история, по выражению Н. П. Огарёва, делаются для него предметом глубокой, искренней симпатии и вместе с тем этюдой» [2].

Тучков А. А., родившийся в феврале[3] 1800 г. в Москве, принадлежал к старинной дворянской фамилии.

Отец его, Алексей Алексеевич (1766—1853 гг.), дослужившись при Екатерине II-й до чина генерал-полковника, при Павле решил выйти в отставку, в виде демонстрации против антипатичного ему коронованного самодура, за что подвергся опале, был выслан из Петербурга и проживал в «белокаменной Москве».

Всем своим детям Алексей Алексеевич дал исключительное по тому времени образование. Он не жалел средств на приглашение лучших гувернёров и преподавателей.

Старший его сын Алексей Алексеевич (1800—1879 гг.), наш земляк, после окончания домашнего обучения поступает

1. *Герцен*, Сочинения, т. III, 1918, стр. 320.
2. Из письма Н. П. Огарёва Грановскому Т. Н. и Е. Ф. Коршу. „Звенья" № 1. М. Л. 1932, стр 120.
3. „Воспоминания" Н. А. Тучковой-Огарёвой. Л. 1929, стр. 76.

14-ти лет в Московский университетский благородный пансион, в котором обучались такие видные в будущем декабристы, как братья Бобрищевы-Пушкины, П. Г. Каховский, В. Ф. Раевский («первый декабрист»), Н. И. Тургенев и др. В этом пансионе А. Тучков пробыл до начала 1816 г., когда был «произведён в студенты» Московского университета. Университет в то время скорее походил на среднее учебное заведение, в него вступали даже в двенадцатилетнем возрасте и 15-ти лет уже кончали курс[1]. Как бы ни были плохи отдельные представители тогдашней университетской науки, всё же университет, несомненно, оказал самое благотворное влияние на формирование политических взглядов передовой части тогдашней молодёжи. А. Тучков пробыл в университете до сентября 1816 года. По настоянию своего отца, мечтавшего о военной карьере для своего сына, А. Тучков вынужден был оставить университет. Он поступает в школу колонновожатых Н. Н. Муравьёва, одного из просвещеннейших деятелей начала XIX в. «Это было,—говорит дочь А. А. Тучкова Н. А. Тучкова-Огарёва, — замечательное и лучшее в то время учебное заведение, в котором отец мой не только усвоил знание высшей математики, но и развил преподавательский талант, который впоследствии был очень полезен для нас и для его школы крестьянских детей»[2].

В училище Муравьёва, получившем право выпускать своих воспитанников колонновожатыми в квартирмейстерскую часть, т. е. в Генеральный Штаб, состояли преподавателями и помощниками начальника заведения вплоть до его закрытия в 1826 г. правительством, как неблагонадёжного в политическом отношении, некоторые члены Южного общества декабристов—Е. Е. Лачинов, В. И. Васаргин и др.

Влияние этой части преподавателей школы на своих учеников не подлежит сомнению; если декабризм, — «наша генезис, эпопея», по выражению Герцена[3], стал позднее чем-то в роде культа в семье Алексея Алексеевича, то в этом сказалось прежде всего влияние школы колонновожатых. В этой школе А. Тучков пробыл до сентября 1817 г., когда, будучи зачислен вместе со своим младшим братом Павлом

1. *Н. Чулков*—„Москва и декабристы", Сб-к „Декабристы и их время". М. 1932, стр. 294.
2. „Воспоминания", Л. 1929, стр. 9—10.
3. „Дневник" (1842—1845 гг.). Сочинения, т. I, 1918, стр. 320.

Алексеевичем в Пажеский корпус, он отправился в Петербург. Выдержав экзамены сначала при Пажеском корпусе, а потом—при Главном Штабе, А. Тучков был произведён 1 июля 1817 года в офицеры Генерального Штаба и прикомандирован к 5-му пехотному корпусу. Состоя при корпусе, поручик А. Тучков в 1818 г. командируется в Тульскую губ. для проведения топографического и статистического описания Одоевского и Белевского уездов. До нас дошёл отрывок из его дневника, который он вёл на работе, т. е. в ту пору, когда ещё не принадлежал к тайному обществу. Однако в этом дневнике А. Тучков высказывает уже взгляды, близкие к взглядам декабристов.

«Это обстоятельство,—как отмечал проф. Довнар-Запольский,—весьма любопытно, потому что указывает на тот несомненный факт, что в среду тайного общества входили уже люди, более или менее подготовленные, признающие безвыходность установившегося порядка вещей»[1].

Непосредственное знакомство Тучкова с крепостной деревней, одной из центральных губерний России, произвело на него самое тягостное впечатление и ещё более укрепило решимость его бороться против ненавистного ему самодержавно-крепостнического режима. «Вообще можно сказать,—записывает Тучков в своём дневнике,—что здесь народ угнетён до чрезвычайности». Искренно возмущённый беззащитностью крепостного крестьянства — сословия, дающего, по выражению Тучкова, «самое большое число защитников отечества» и поэтому «достойного уважения», он приходит к заключению, что «ни раба, ни господина быть не должно» и что только «рабы любят иметь рабов»[2]. Эти рассуждения молодого вольнодумца знакомят нас с настроениями и идеями, вокруг которых вращались товарищеские беседы будущих деятелей 14 декабря 1825 г. Вполне естественно, что в том же 1818 году А. Тучков вступает в члены тайного общества—Союза благоденствия. Прежние связи Тучкова с политическими единомышленниками теперь ещё более окрепли. «Мой отец,—пишет Н. А. Тучкова-Огарёва об этом периоде жизни своего отца,—был дружен со многими из членов Северного общества и с некоторыми из Южного, особенно

1. „Идеалы декабристов". М. 1907, стр. 160.
2. „Дневник"—Вестник Европы № 8-й (август) 1900, стр. 693.

дружен он был с Иваном Пущиным, с А. Бестужевым, Евгением Оболенским,[1] братьями Муравьёвыми-Апостолами[2] и другими. Михаил Михайлович Нарышкин был его друг»[3].

В октябре 1820 г. А. Тучков, находившийся в то время в Петербурге при Главном Штабе, выходит по болезни в отставку[4] и переезжает в Москву к отцу, крайне сожалевшему, что его умный Алексей из всех Тучковых не будет генералом. Последнее обстоятельство, очевидно, мало волновало Тучкова-сына: по натуре А. Тучков был не из честолюбивых. В 1822 г., по совету родителей, он предпринимает поездку за границу, где изучает медицину, физические науки, сельское хозяйство. По возвращении из-за границы в 1823 г. он женится на дочери генерал-лейтенанта Жемчужникова — Наталии Апполоновне.

Наступал 1825 г. К этому времени существовало два тайных общества: Северное с центром в Петербурге и Южное —с центром в Тульчине. Оба центра движения были одинаково отдалены от Москвы, где проживало немало членов тогдашних тайных обществ: И. Пущин, М. Нарышкин, С. М. Семёнов, М. А. Фонвизин, М. В. Орлов, П. Калошин, А. А. Тучков, который с марта 1825 г.[5] состоял в штатс-канцелярии московского военного генерал-губернатора, и другие. До 1825 г. никакого центра, объединяющего всех этих лиц, в Москве не существовало. Только с приездом в феврале 1825 г. Е. Оболенского было положено начало объединению членов общества: на собрании у И. Пущина была избрана московская управа во главе с самим Пущиным. После отъезда Оболенского состоялось собрание у Тучкова. «Было рассуждаемо,—показывал позднее И. Пущин,—о возможности ввести в России конституцию. При сем случае Тучков изъяснил,

1. *И. И. Пущин*—друг А. С. Пушкина.
О декабристах, друзьях Тучкова, см. „Воспоминания" Н. А. Тучковой-Огарёвой, стр. 501—502.
2. *Матвей и Сергей Ивановичи Муравьёвы-Апостолы*—участники „возмущения" Черниговского полка. *Нарышкин М.*—член Союза благоденствия, а затем Северного общества, был переведён в 1837 г. из Сибири в Кавказскую армию. При переезде на Кавказ на свидание с ним в подмосковную дачу сестры его кн. А. Галициной выезжал вместе со всей семьёй своей и А. А. Тучков.
3. „Воспоминания" Н. А. Тучковой-Огарёвой, стр. 15.
4. Формулярный список А. А. Тучкова. Пенз. облархив, ф. 196, оп. 2, д. 1103, л. л. 85—86.
5. Там же.

что мы говорим о конституции для России, когда не видим примера фермы для возделывания земли свободными людьми и способа управления ими, он предложил, чтобы общество лучше сначала приискало способы осуществить сию идею, дабы убедиться в возможности уничтожить рабство»[1]. Правильность показания Пущина оспаривалась другими участниками этого собрания. В частности Нарышкин указывал: «Мы посещали друг друга, а иногда предметом разговоров была политика вообще, России—в особенности»[2]. Разногласия в показаниях участников собраний свидетельствуют о наличии существовавших в ту пору группировок в среде членов московской управы: одни придерживались более революционных взглядов, это были по преимуществу «прапорщики-законодатели»—Нарышкин, Фонвизин, Пущин и другие, первоначально примкнувшие к обществу, позднее несколько отошли от него по тем или иным мотивам, но связи с обществом не порывали. К числу таких Н. Чулков относит и А. А. Тучкова. Что Тучков был тесно связан с обществом и в дальнейшем, в пользу этого говорит то обстоятельство, что он принимал участие в организации «практического союза» (ноябрь 1825 г.), входил в состав управы этого союза[3] и горячо пропагандировал его задачи, сводившиеся к постепенному освобождению владельцами своих дворовых людей.

Наступили решительные дни. «Мы часто, почти ежедневно, собирались у Нарышкина, — вспоминает А. Кошелев. — Толкам не было границ. Мне, юноше, казалось, что для России уже наступил 1789 год»[4].

Московские декабристы намечали свой план действий: предполагалось арестовать видных генералов — гр. А. Толстых, московского ген.-губернатора кн. Д. Голицына, — и увлечь к восстанию московский гарнизон. Утром 17 декабря в Москве стало известно о восстании в Петербурге. 18-го (по другой версии 19-го) состоялось собрание у Митькова. Однако оно не повлекло за собой вооружённого выступления в Москве. Вскоре начались аресты, следствие.

1. *Н. Чулков*, Цитир. соч., стр. 304—305.
2. Там же.
3. *Довнар-Запольский*, Цитир. соч., стр. 181.
4. *Н. Чулков*, Цитир. соч., стр. 305.

В числе привлечённых по делу 14 декабря оказался и А. А. Тучков: в середине января 1826 года он был арестован и увезён в Петербург, где просидел под арестом около трёх месяцев. 14 апреля 1826 года Тучков был освобождён[1] из-под ареста и возвратился к отцу в Москву. Службу в канцелярии московского военного губернатора пришлось после этого оставить. В августе 1826 г. Алексей Алексеевич вышел в отставку[2].

Вскоре вся опальная семья Тучковых переехала из Москвы в село Яхонтово (Долгоруково), Инсарского уезда, Пензенской губ. Маленький домик, где ранее проживали одни лишь приказчики, укрыл Тучковых и близких им друзей,—всех, кто в эту «моровую полосу» (Герцен) переживал крушение своих надежд.

Материальное положение семейства Тучковых к этому времени значительно пошатнулось: начавшееся в 20-х гг. XIX в. понижение цен на хлеб на европейских рынках и падение русского экспорта на главнейшие земледельческие продукты тяжело отразились на доходности помещичьих имений. При этих условиях всё бремя хозяйственных забот легло на плечи молодого Тучкова. Яхонтово с его отсталой техникой земледелия давало небольшие доходы. Пришлось серьёзно подумать об изыскании дополнительных доходов. Модным увлечением среди дворянства 30 гг. XIX в. было устройство в имениях «домашних» сахарных заводов, которые должны были, по мысли тогдашних экономистов, разрешить вопрос о повышении прибыльности дворянских имений. В 1827 году в Яхонтове начинается строительство сахарного завода[3].

В то же время А. А. Тучков принимает активное участие в работе «комиссии для совещания о сахароварении из свекловицы», которая была создана при Московском обществе сельского хозяйства[4]. В 1836 году Тучков выезжает на короткий срок за границу в Бельгию, северную Францию, Англию, где Лондонское общество свеклосахарных заводчиков чествует его как видного представителя нарождающейся в России сахарной промышленности. По возвращении из-за

1. Центр. архив.—Восстание декабристов, т. VIII, стр. 189.
2. Пенз. обл. арх., ф. 196, оп. 2, д. 1103, л. 85—86.
3. Пензенский обл. арх., ф. 5, д. 1252, л. 204.
4. Воблый. Опыт истории свеклосахарн. промышленности в России, т. 1. М., стр. 90, 107.

границы А. Тучков, ставший вскоре по семейному разделу[1] единоличным владельцем Яхонтова, перестраивает сахарный завод и одним из первых в России начинает применять паровое сахарное производство. Постепенно возле Тучкова собираются, образуя, по выражению Герцена, «первую стрелку кристаллизации в массе встречающихся атомов», и другие такие же сторонники «индустриализации» крепостной деревни. Тучков входит в группу таких передовых деятелей 40 гг., как Огарёв Н. П., сосланный в Пензенскую губернию под надзор отца, Ал. Римский-Корсаков, сосед Тучкова по имению, декабрист, один из членов бывшего московского «триумвирата», несколько позднее — поэт-переводчик Шекспира и Гёте—Н. М. Сатин, привлекавшийся «по пасквильному делу» (1834 г.). На фоне «трагикомических явлений разных уродливых личностей»[2] тогдашней провинциальной глуши друзья Тучкова представляли живую антитезу окружающему обществу. Люди высоких духовных запросов, они держались своего круга симпатичных и близких им по настроению людей, подчёркивая своими привычками, всем тоном своей жизни отвращение к пустой и мелочной жизни местного дворянства.

В феврале 1837 г. А. А. Тучков избирается инсарским дворянством на должность уездного предводителя[3]. «Моего желания занять должность предводителя,—говорил позже А. А. Тучков, — имея за собою пятикратное избрание на ту же должность (1837—1849 гг.), — никогда не было... Меня выбрали, я принял звание... Бремя тяжёлое, хотя круг действий и небольшой».

Исполняя должность уездного предводителя дворянства, Тучков столкнулся с тогдашним пензенским губернатором Панчулидзевым, человеком с большими служебными связями и огромным родством, в течение 28 лет бесконтрольно управлявшим губернией.

1. По дарственной записи от 20 мая 1841 года Тучков получил Яхонтово „со всем господским и крестьянским строениями, заведениями и имуществом" и 634 д. крепостных крестьян с обязательством ежегодной выплаты отцу 857 руб. сер. Пенз. обл. арх., ф. 196, оп. 2, д. 3102, л. л. 25,26.
2. Выражение Огарёва.
3. Пенз. обл. арх., ф. 196, оп. 2, д. 1103, л.л. 85—86.

«Что делалось в Пензенской губернии во время его губернаторства, — писал бывший саранский судья И. Селиванов,—это рассказать трудно, пожалуй, даже невозможно. Если исправник платил исправно подать, наложенную на него, советнику губернского правления А..., он мог делать, что хотел—в полном значении этого слова. Довольно сказать, что чиновником особых поручений, по народной молве, был у него, Панчулидзева, умерший, т. е. спасённый от какого-то уголовного преследования тем, что показан умершим, и вследствие этого процветавший под сенью Панчулидзева для производства следствий, требовавших особой деликатности или особого умения и ловкости. Становые пристава, исправники были просто на жалованьи у воров, особенно конокрадов»[1].

При таких нравах, царивших в губернии, Тучков, как человек исключительной честности, чувствовал себя одиноким среди этого сборища уродов; губернатор Панчулидзев почти открыто выражал неприязнь и ненависть к Алексею Алексеевичу, считая его «беспокойным» и политически подозрительным человеком. Все, кто близко знали А. А. Тучкова в этот период его деятельности, в один голос свидетельствовали, что он выделялся среди окружающего общества, что он «даже жил не так, как жили помещики того времени, как-то по-иному».

Тучков, несомненно, в молодые годы отдал некоторую дань французомании, которой было заражено русское дворянское общество конца XVIII и начала XIX в.в.; в семье его объяснялись по-французски, дочери его воспитывались у гувернанток-француженок, но к чести Тучкова надо сказать, что он был чужд «пустого, рабского, слепого подражания» стороне чужой. Отвечая в период следствия в 1850 г. на вопрос о предпочтении, якобы оказываемом им всему иностранному в ущерб своему русскому, он с чувством глубокого возмущения говорил: «Предпочитать иностранное, потому что оно не русское, есть глупое слабоумие, в котором меня нельзя упрекнуть. Я люблю всё, что русское, и где бы я ни был, я везде бы стыдился отвергать отечественные обычаи за то, что они не сходны с иноземными». Это было искреннее его убеждение, нашедшее выражение в первом его политическом произведении — «Дневнике» (1818 г.); он глубоко любил всё русское, любил русский народ, уважал русского крестьянина за его склад ума, за силу характера, развитое чувство гражданственности. Эти же настроения были господствующими и в том окружении (Огарёв Н. П., Сатин Н. М. и др.), в тесном общении с которыми прошла почти вся жизнь А. А. Тучкова. Когда же в начале 40-х гг. Н. П. Огарёв выехал временно за границу, Тучков вскоре встретился с интимнейшим его другом — А. Герценом и навсегда вошёл, как близкий человек, в семью Герценов.

1. Записки дворянина-помещика—„Русская старина" 1880 г., кн. VII, ч. II, стр. 289.

«Чрезвычайно интересный человек, с необыкновенно развитым практическим умом, — резюмировал Герцен в своём «Дневнике» (под 20 февраля 1843 года) первые свои впечатления от встречи с А. А. Тучковым[1]. У нас эта большая редкость: мы или животные или идеологи, как аз грешный—ничем не занимаемся или занимаемся всем на свете».

Герцен—этот «мощный дух, неутомимый борец, реалист до мозга костей» (Державин), отрешившийся от пережитков былого идеализма и подошедший «вплотную к диалектическому материализму» (Ленин)—несомненно оказал сильное влияние на своего нового друга; он во многом поколебал его «детский либерализм 1826 г.»—«веру в беранжеровскую застольную революцию», по выражению Герцена, которые сложились у Алексея Алексеевича под влиянием чтения сочинений французских просветителей, — окончательно же выжгли эти взгляды у Тучкова дни июньской революции 1848 г. во Франции. Именно благодаря Герцену Алексей Алексеевич окунулся с головой в ту атмосферу, полную напряжённой идейной борьбы, которой отмечены 40 гг. XIX в. в жизни московского и вообще русского общества. Два стана—«западники» и «славянофилы»—стояли тогда «на барьере», и Тучков безоговорочно примкнул к «западникам», признанными вождями которых были А. Герцен и В. Белинский. В течение

1. Герцен не изменил своего мнения о Тучкове и позднее. „Славный человек", — писал он Огарёву от 23/IV. 1843 г. —„Чудесный человек" —(письмо его к Огарёву от 1/13—1845 г.). „Превосходный человек" (письмо Герцена к Кетчеру от 26/I—1845 г.). Сочинения, т. III, стр. 259, 434, 455.

1844—1845 гг. Алексей Алексеевич не раз[1] бывал у Герцена в Москве, у него он познакомился с В. Белинским[2], Т. Грановским[3] и «был всеми очень чествуем, как декабрист»[4]. Новый 1845 год Тучков встречал у Герценов в Москве в обществе с известным актёром Щепкиным М. С., Е. Ф. Коршем, К. С. Аксаковым и другими наиболее видными представителями людей 40 гг.[5] Выезды в Москву, встречи с передовыми людьми того времени поддерживали в Алексее Алексеевиче тот прогрессивный дух, которым отмечена его тогдашняя деятельность. В том же 1845 г. А. А. Тучков был избран в четвёртый раз уездным предводителем дворянства, состоя одновременно посредником по размежеванию дворянских имений по Саранскому и Инсарскому у. у.[6] «Он не желал вести праздной жизни, которую вели помещики той эпохи, — пишет об Алексее Алексеевиче его дочь Наталья Алексеевна,—...и не будучи богат, не гнался за отличиями, ни за наградами по службе»[7]. Н. П. Огарёв, вернувшийся в конце 1846 г. из-за границы к себе в Ст. Акшино и имевший полную возможность наблюдать, по его выражению, «внутренний процесс жизни» Алексея Алексеевича, в своём письме к Т. Н. Грановскому (от 25 апреля 1847 г.) отмечал ту тяжесть борьбы, подчас весьма изнурительной, которую приходилось вести Тучкову против всякого рода беззакония и бесчеловечия. «Какой это чудесный человек, — писал Огарёв, — и сколько в нём утратилось бесплодно силы от тяжести разных скорбей — этого ты вообразить не можешь. Я больше живу у него для того, чтобы ему было жить легче»[8].—«Сколько трагического в каждом человеке!» — замечает Огарёв в другом письме к тому же Грановскому, адресуя своё замечание прежде всего к А. А. Тучкову. «Балаган политического устройства», как метко Герцен окрестил политический и государственный режим николаевской России, и «разбойнически-отеческое управление Панчулидзева»[1] отнимали, можно сказать, последние силы у Алексея Алексеевича. Вследствие расстроенного здоровья — Тучков страдал расширением жил—он с весны 1847 г. стал подумывать о поездке со всей семьёй за границу. Осенью того же года Тучковы были уже в Петербурге, и Алексей Алексеевич начал хлопотать о заграничном паспорте. Наконец, последний был ему выдан.[2] В письме от 12 января 1848 г. Герцен сообщал: «Встречаем русский новый год, поджидая приезда семейства Тучковых»[3]. В середине января того же года Тучковы были уже в Риме, где тогда проживали Герцены. «С того дня, как мы встретились с Герценом, — записывает Наталья Алексеевна,—мы стали неразлучны».[4]

Италия в ту пору переживала бурный подъём национально-освободительного движения. Встретившиеся после разлуки друзья каждый по своему воспринимали развивавшиеся в Италии события. Герцен, до того в течение года проживавший в Париже и глубоко разочаровавшийся во Франции, «нравственно выздоровел», по его выражению, переступив осенью 1847 г. границу Италии. Алексей Алексеевич не терял своей веры во Францию и французов. На этой почве между Герценом и Тучковым возникали горячие политические споры. «В одно из таких прений,—читаем мы в воспоминаниях Н. А. Тучковой-Огарёвой, — отец мой, выведенный из терпения безнадежностью взглядов Герцена на Францию, сказал ему: «Позвольте вам сказать, Александр Иванович, что вы не знаете этой страны, вы её не понимаете, одна электрическая искра падёт, и всё изменится». — «Из ваших слов о том, что делается во Франции, я заключаю, что мы не далеки от провозглашения республики». — «Я пари держу, — вскричал отец, — что Франция прогонит этого мещанского короля... и провозгласит республику»[5]. Герцен принял предложенное Тучковым пари. Наступило 12 (24) февраля 1848 г. — день рождения Тучкова, который оба семейства решили отметить интимной вечеринкой. Герцен почему-то запаздывал. «Вдруг послышались торопливые шаги, —

1. В 1844 г.—7/II; 15/III; 31/XII; в 1845 г.—1(13)/I; 26. 1—Герцен. Сочинения, т. XXII, стр. 231, 235, т. III, стр. 408, 434.
2. См. письмо Герцена к Н. Х. Кетчеру от 7/II—1844 г. Сочинения, т. III, стр. 385.
3. Письмо Герцена к Кетчеру от 15/III—1844 г. Соч., т. III, стр. 389.
4. „Воспоминания" Н. А. Тучковой-Огарёвой, стр. 100.
5. *Герцен.* Соч., т. III, стр. 431.
6. Пенз. обл. арх., ф. 196, оп. 2, д. 1103, л. 85.
7. „Воспоминания", стр. 39.
8. Сб-к „Звенья", № I, М. 1932, стр. 125.

1. Выражение Н. П. Огарёва —Избранные стихотворения. М. 1938, стр. 318.
2. Сначала на 4 месяца, в феврале 1848 г. был продлён ещё на тот же срок.
3. „Русские Пропилеи," т. I, стр. 212.
4. „Воспоминания", стр. 64.
5. „Воспоминания", стр. 66.

воспроизводит в своих воспоминаниях Наталья Алексеевна эту сцену, — то был Герцен. Герцен не шёл, а бежал. — «Алексей Алексеевич! — вскричал он, входя в комнату и ставя бутылку на стол. — Вы угадали: телеграф передаёт, что во Франции король[1] бежал и провозглашена республика»[2]. Радость была всеобщей. Совершив совместную с Герценами поездку в Неаполь, Тучковы заторопились в Париж. Алексей Алексеевич горел желанием видеть наяву свои мечты. 5-го мая в Париж приехали и Герцены. Революционная Франция захватила всех. Но радость скоро омрачилась печалью. Уже «пятнадцатое мая провело косой по всходам надежд»[3]. Было ясно, что «половинной революции» и «половинной республике» опереться не на что. Герцен снова стал нападать на Францию. Тучков не защищал её более. «Больно было Герцену и отцу моему сознавать, что они ошиблись,—фиксировала печальный опыт парижских наблюдений Н. А. Тучкова-Огарёва. — Герцен и мой отец становились угрюмы, молчаливы. Негодование, бессильный гнев в них брали верх над всеми другими чувствами»[4]. Вскоре настали «страшные — гнусные июньские дни».

«После бойни, продолжавшейся четверо суток, наступили тишина и мир осадного положения»[5]. 25 (или 26) июня у Герцена и Тучкова по распоряжению парижского полицейского префекта был произведён обыск. Полиция тщательно перерыла всё и отобрала у Алексея Алексеевича статью о французской революции, написанную им по-французски. Париж, омытый кровью рабочих, не удерживал уже никого. Все собирались ехать.

3-го августа Тучковы выехали из Парижа, унося в себе июньские дни, «взошедшие в кровь».—«После отъезда Алексея Алексеевича,—писал два месяца спустя Герцен Огарёву (17 октября 1848 года),—здесь всё сделалось хуже и отвратительнее. Я не могу выразить всей тяжести существования в этом очумелом, издыхающем городе... Я думаю, кончится тем, что я поселюсь где-нибудь между Яхонтовым и Ст.

1. Людовик-Филипп Орлеанский.
2. „Воспоминания", стр. 78.
3. Состоявшееся 15-го мая массовое выступление рабочих Парижа привело к созданию народного революционного правительства, вскоре разгромленного буржуазными батальонами национальной гвардии.
4. „Воспоминания", стр. 88.
5. *Герцен*. Сочинения, т. XIII, стр. 485.

Акшином»[1]. Глубокий скептицизм и пессимизм Герцена после 1848 г. «был крахом буржуазных иллюзий в социализме,... когда революционность буржуазной демократии уже умирала в Европе, а революционность социалистического пролетариата ещё не созрела»[2] (Ленин).

А. А. Тучков покидал Париж в состоянии полного духовного разлада. Глубокий, сокровенный смысл июньских событий во Франции, о чём говорил Ленин, остался для Тучкова (и не только для него) скрытым, но всё же уроки «страшных июньских дней» не прошли и для него бесследно. В письме «К друзьям», переданном Герценом с уезжавшими в Россию, он писал: «Алексей Алексеевич для вас будет кладезем премудростей. Он много видел и хорошо видел, июньские дни стожгли у него последнее дикое мясо, т. е. буржуазологию»[3],—остатки наивной веры в революционность буржуазии.

Осенью 1848 года Тучковы с тяжёлым чувством вернулись в Петербург во время разгула реакции. Первые же встречи с Перовским Л. А., министром внутренних дел, и Киселёвым, тогда министром государственных имуществ, показали, что правительство с крайней подозрительностью относилось к пребыванию Тучкова в Париже в период июньских дней. «От вас, — заявил Алексею Алексеевичу Киселёв, — за версту пахнет баррикадами»[4]. «Мой милый Тучков,—полушутливо, полусерьёзно добавил в заключение его собеседник,—красными или белыми чернилами записано ваше имя в чёрной книге, но что оно записано в ней, это факт»[5].

Приезд Тучковых (повидимому в самом конце сентября) в Яхонтово, встречи с дорогими и близкими людьми, которые сгорали от нетерпения услышать от непосредственных свидетелей июньских дней всю правду о событиях, на время заслонили и отодвинули на задний план всё остальное. «Приезд Алексея Алексеевича,—сообщал в письме от 7 октября 1848 г. Т. Н. Грановскому Н. П. Огарёв, — оживил во мне иные

1. *Герцен*. Новые материалы, стр. 64.
2. Ленин. Сочинения, т. XV, стр. 465. Подчёркнуто Лениным.
3. *Герцен*. Новые материалы, стр. 47.
4. Герцен и Тучков во время баррикадных боёв не раз появлялись на центральных улицах Парижа. Вполне естественно, что всё „русское подворье", которое концентрировалось тогда вокруг Герценов—П. Авненков, И. Селиванов и др.,—сделалось предметом постоянной слежки со стороны филеров, как „иностранные бунтовщики". Герцен. Соч., т. XIII, стр. 300—302.
„Воспоминания", стр. 88—89.
5. Там же, стр. 97—98.

струны, никогда не смолкавшие. Я желал бы тебя видеть, дорогой, чтобы сказать тебе всё, что передумалось»[1].

В это время ожили и сильнее зазвучали и струны того глубокого чувства, которое уже ранее связало Огарёва с младшей дочерью Алексея Алексеевича—Натальей Алексеевной. «Незаконный» их союз, поскольку первая жена Огарёва, Марья Львовна, была жива и находилась за границей, ставил Тучкова перед серьёзной угрозой опасных и для него и для всей его семьи акций. «Выхода два,—тогда же писал Огарёв Наталии Герцен,—просто уехать или вступить в легальные пути развода и женитьбы. Первое проще и откровеннее, но всё должно оскорбить отца и друга. Второе—лучше по всей обстановке». Было решено ехать в Петербург, где Огарёв надеялся при помощи друзей уладить дело развода с Марьей Львовной. Однако «враги порядочные», на которых намекал Огарёв в том же письме к Н. А. Герцен, уже привели в действие готовый к их услугам правительственный аппарат, чтобы покарать «безнравственные поступки господ пензенских помещиков». Первый ход был сделан Панчулидзевым. В начале 1849 г. он побывал в Петербурге в III-м Отделении и имел беседу с генерал-лейт. Дубельтом о Тучкове и помещике Селиванове. Свою беседу с Панчулидзевым Дубельт тогда же оформил в виде протокола: «Губернатор Панчулидзев объявил, что предводитель дворянства Тучков и помещик Селиванов вредны своим образом мыслей. Они внушают молодым людям в высшей степени либеральные мысли и распространяют ложное понятие о коммунизме... Граф А. Ф. Орлов[2] приказал наблюдать за ними. Тучков, — говорит Панчулидзев, — был даже на баррикадах в Париже». Почти одновременно с составлением этого протокола, положившего начало «делу Тучкова», министр внутр. дел Л. Перовский секретным отношением (от 12 марта 1849 г.) на имя Панчулидзева предложил установить надзор за лицами, поименованными в протоколе ген.-лейт. Дубельта, подчеркнув не только «вольный образ мыслей» Тучкова и Селиванова, но и «не довольную» их религиозность[3]. Во исполнение этого предписания Панчулидзев поставил в известность (20 апреля)

1. „Звенья" № 1, М. Л. 1932 г., стр. 141.
2. Шеф жандармов и главный начальник III Отделения.
3. Пенз. обл. архив, ф. 5, д. 2990, л. 1.

жандармского исправника Евтропова, что надзор за Тучковым он возлагает лично на него, «поручая доносить собственноручно о последующем каждый месяц».—«Само собой разумеется,—подчёркивал Панчулидзев,—что о таких действиях и поступках Тучкова, которые по свойству своему обратят на себя особое внимание, вы обязываетесь доносить немедленно, но, во всяком случае, донесения ваши адресуйте мне в собственные руки»[1]. Круг замкнулся: Тучков и всё его «окружение», знакомые, посещавшие дом Тучковых, попали в сферу наблюдений исправника и всякого рода добровольных агентов полиции. Создавая дело о Тучкове и прикосновенных к нему лицах, правительство склонно было видеть в «пензенских оппозиторах» связь с Петрашевцами, кружок которых в начале 1849 г. находился уже накануне неминуемого разгрома. Каждый шаг «оппозиторов», их выступления, особенно во время последних дворянских выборов, когда Тучков был избран в последний (пятый раз) уездным предводителем дворянства[2],—все «были и небылицы» подробно фиксировались добровольной и платной агентурой III-го Отделения и передавались по инстанциям. Один из таких агентов, барон Зальц, в январе 1849 г. сообщил III-му Отделению о «превратных суждениях» Тучкова, которые имели место в доме помещика Литвинова и касались вопросов «о расстройстве финансов в России, происшедшем будто от покойного Канкрина, о необходимости уменьшения войска, о неправильном основании опекунских советов, о разорении помещиков и т. д.» По проискам жандармского полковника Юрасова тогда же в число негласных осведомителей полиции попал и управитель имения Тучкова Пятов, пообещавший по злобе открыть всех этих «революционистов», разумея прежде всего Огарёва и Тучкова. Однако все закулисные интриги «врагов порядочных» и непорядочных не могли пока что поколебать авторитета Тучкова, к явному смущению его недоброжелателей. Последние же при каждом удобном случае стремились выставить перед властями в неблаговидном свете ненавист-

1. Пенз. обл. арх., ф. 5, д. 2990, л. 3.
2. Приводим из формулярного списка Тучкова относящийся к этому вопросу материал: впервые Алексей Алексеевич был избран предводителем дворянства 13/II—1837 г., вторично—15/XII—1839 г., в третий раз 14/XII—1842 г., в четвёртый—14/XII—1845 г., в пятый раз—в начале 1849 г. Пенз. обл. арх., ф. 195, оп. 2, д. 1103, л. 85—86, ф. 5, д. 2990, л. 6.

мую для них фигуру Алексея Алексеевича. Препровождая 7 мая 1849 г. министру внутренних дел формулярные списки чиновников и избранных дворянством Пензенской губ. при последних выборах с соответствующей аттестацией, Панчулидзев счёл нужным сопроводить их такой припиской: «В этом числе, — писал он, — находится формуляр инсарского уездного предводителя дворянства Тучкова, — но так как за г. Тучковым по особому предписанию вашего сият-ва учреждён надзор,[1] то полагаю, что за сим он не может назваться вполне способным,[2] и в формуляре аттестовал его только способным, о чём долгом своим поставляю донести вашему сият-ву»[3]. Минорный тон заключительной тирады Панчулидзева маскировал подготовлявшуюся в тиши губернской канцелярии фронтальную атаку против пензенских «революционистов». По дирижёрской палочке Панчулидзева атака начата была пропившимся саратовским помещиком, отцом Марии Львовны,—Рославлевым. 6-го сентября 1849 г. Рославлев направил шефу жандармов Орлову донос на Огарёва, Тучкова и Сатина, обвиняя их в организации «коммунистической секты» и в подготовке ими бегства Огарёва за границу. Прося задержать Огарёва в России и заставить последнего расплатиться с дочерью его, Рославлев выражал надежду, что сообщённые им факты помогут правительству «раскрыть и далее разлившееся зло такого рода»[4].

Аппарат III-го Отделения сразу же был поставлен на ноги. 19-го октября находившийся в Пензенской губ. корпуса жандармов подполковник Родивановский представил донесение, что слухи о принадлежности Тучкова и Сатина к «секте коммунистов» пока «не подтверждаются, тем более, что гг. Тучков и Сатин, видимо, стараются единственно о собственной пользе, для которой тот и другой пренебрегли даже законы, установленные св. церковью». Но вместе с тем доносчик заверял Орлова, что, «продолжая секретное дознание об обстоятельствах этого дела», он немедленно будет «иметь честь подробно доносить» своему высокому начальнику.

1. Согласно секретному отношению министра внутренних дел от 12 марта 1849 г., за № 132. Пенз. обл. архив, ф. 5, д. 2990, л. 1.
2. Первоначально написано—„достойным". Там же, л. 6.
3. Пенз. обл. арх., ф. 5, д. 2990, л. 6.
4. *Герцен*, Соч., т. VI, стр. 160.

Так сеть пересудов, сплетен, окружавшая с самого начала сближение Огарёва с Натальей Алексеевной, и женитьба Н. М. Сатина на старшей сестре Натальи Алексеевны — Елене Алексеевне (27 мая 1849 г.) — были сразу же включены III-м Отделением в «дело Тучкова—Огарёва—Сатина» и стали источником глубочайших моральных страданий как для самого Алексея Алексеевича, так и его семьи и близких[1].

В дополнение к своей докладной записке Родивановский 26 ноября снова сообщал шефу жандармов, что «безнравственность г. Тучкова и особые понятия о религии и высших постановлениях общественных составляют некоторым образом предмет осуждения многих благомыслящих членов общества, но тем не менее при некотором влиянии его... на дворян Инсарского уезда, влияние это может доставить г-ну Тучкову последователей».

30 января 1850 г. в первом своём докладе Николаю I III-е Отделение представило все собранные по «делу» сведения. После «всеподданнейшего» доклада Орлова и беседы его с Николаем последний от резолюции временно воздержался. 9-го февраля[2] 1850 г. шеф жандармов представил второй доклад, 10-го февраля Орловым была записана резолюция Николая I, которая предписывала: 1) всех четырёх лиц, фигурирующих в деле, — Тучкова — Огарёва — Сатина и Селиванова—арестовать и вместе со всеми изъятыми под час ареста бумагами доставить в Петербург в III-е Отделение, 2) Тучкову, как наиболее, очевидно, по делу замешанному, приказано было при аресте объявить «высочайшую» волю об исключении его из предводителей дворянства[3].

Во исполнение «высочайшего» повеления Орлов 13 февраля предписал генералу Куцынскому немедленно отправиться в Пензенскую губ. для проведения арестов; Сатина же, ввиду нахождения его в Москве, должен был арестовать московский губернатор А. Закревский.

1. Эти сплетни, как известно, захлестнули близких друзей Огарёва—Грановского Т. и др. Достойную отповедь эти грязные слухи получили в письмах Герцена и Огарёва—см. Соч. Герцена, т. VI, стр. 159 (№ 501).
2. У Лемке—10 февраля. Герцен. Сочин., т. VI, стр. 161.
3. *Герцен*, Соч., т. VI, стр. 162.

Тучков был арестован Куцынским и сопровождавшим его чиновником особых поручений при пензенском губернаторе Карауловым в Яхонтове 22 февраля в 11 ч. утра; при аресте Караулов объявил Тучкову «высочайшее» распоряжение. Тогда же был произведён обыск в кабинете Алексея Алексеевича, сопровождавшийся изъятием некоторых бумаг и книг[1].

3-го марта Куцынский вместе с арестованными — Тучковым, Сатиным и Селивановым прибыли в Петербург. Огарёв был доставлен 5-го марта. В докладе, представленном III-ему Отделению, в разделе о Тучкове Куцынский сообщал: «Весьма удовлетворительное образование, состояние независимое,.. не общителен, живёт уединённо, строго и добросовестно исполнял свою должность, за свою заносчивость[2] большинством дворян не любим, но нельзя допустить, чтоб не пользовался уважением, иначе не был бы избираем в предводители в продолжение пяти трёхлетий. Крестьяне его в весьма хорошем состоянии. Некоторые служебные столкновения у Тучкова и Селиванова с начальником губернии... ещё более дали повод видеть в них людей опасных, заражённых западными идеями и вредных правительству»[3].

Следствие и допросы Тучкова, как и всех вообще арестованных с ним—Огарёва, Сатина и Селиванова, — производились в III-ем Отделении по заранее составленным Дубельтом «вопросным пунктам». Эти пункты отражали всё уменье Дубельта, матёрого и ревностного служаки Николая Палкина, травить и мучить попавшуюся в лапы III Отделения жертву.

Приведём некоторые из этих вопросов, предложенных Дубельтом своей «жертве».

«...7. Добросовестно ли вы управляли имением дворянина Николая Огарёва, которое он вам вверял, отъезжая за границу, и правда ли, что вы по возвращении Огарёва снисходительно смотрели на непозволительную связь его с младшей дочерью вашею, Натальей?

1. Подробности ареста Тучкова см. у Н. А. Тучковой—Огарёвой. Цитир. соч., стр. 122—128.

2. Отличительной чертой характера Тучкова Куцынский считал „безграничное самолюбие" и „самоуверенность", что он объяснял продолжительным пребыванием за границей.

3. *Герцен*. Сочин., т. VI, стр. 163—165.

8. Справедливо ли, что вы после упрёков Огарёву убеждали его жениться на дочери вашей Наталье и для этого приезжали с ним в С.-Петербург, но как Огарёв, бывуже женат на другой, не мог этого исполнить, то вы отдали ему попрежнему упомянутую дочь вашу с тем условием, чтобы он устроил судьбу старшей вашей дочери, Елены?..

10. Справедливо ли ещё другое сведение, что Огарёв был в связи прежде со старшею дочерью вашей, а потом, когда Сатин женился на ней, вы передали Огарёву уже младшую дочь вашу?

11. Не были ли таковые поступки ваши следствием принадлежности к «секте коммунистов», и если так, то не вовлекли ли вы в эту секту Огарёва и других лиц и кого именно?»

Ответы Тучкова на эти и другие вопросы, то краткие, то пространные, выдают всю глубину нечеловеческих мучений пленника III-го Отделения, защищавшего в эти дни честь свою, своей семьи и дорогих ему людей. — «Ужасно отвечать, — читаем мы в записи ответов Алексея Алексеевича. —Все эти вопросы проистекают из источника гнусной и подлой клеветы... Пусть отвечает муж моей дочери (т. е. Сатин—на 10-й вопрос—Н. Р.), отцу на вопрос этот, вымышленный злобою и коварною клеветою, отвечать не должно».— «Трудно и тяжко писать в своё оправдание, хотя и с чистой совестью»,—заканчивает свои показания Тучков перед высшим судилищем Николая I.

По окончании следствия особая комиссия, в составе Дубельта и двух тайных советников, рассмотрев все материалы, составила доклад и представила его шефу жандармов.

15 марта 1850 г. Орлов объявил всем привлечённым по делу «высочайшее» решение: Алексею Алексеевичу, уже ранее отрешённому от должности предводителя дворянства, был запрещён на два года въезд в Пензенскую губернию, и он должен был проживать в Москве или Петербурге. Тучков был поражён чрезмерной жестокостью приговора. —«За что же это, граф?—спросил он печально.—Мне помнится, помещикам запрещают жить в своих поместьях за жестокое обращение с крестьянами. Я бы желал, чтобы было назначено следствие по этому поводу». — «А, милый Тучков, вы всё тот же, — сказал Орлов, — будьте довольны и этим,

вам, конечно, не за то запрещён въезд в имение, скорее, наоборот; представили, что все слишком любят и ценят там — это всё пройдёт, уляжется, два года скоро пролетят, может, мы вас и раньше выпустим»[1].

Исход дела Тучкова не удовлетворил ни Перовского, министра внутренних дел, ни Панчулидзева: временная изоляция Алексея Алексеевича им, конечно, не улыбалась. Поскольку первую скрипку в только что закончившемся деле играло III-е Отделение, Перовский решил «обскакать» Орлова.

С благословения Перовского Панчулидзев поручает известному уже нам по делу Тучкова—Огарёва—Сатина подполковнику Родивановскому и советнику губернского правления Никифорову произвести в имении указанных лиц повторный обыск. Донося Перовскому 29 марта о результатах этого обыска, произведённого 27 марта, Панчулидзев счёл нужным сообщить своему патрону о некоторых обстоятельствах, оправдывавших необходимость подобной акции, особенно в отношении А. А. Тучкова. «Сей последний,—писал Панчулидзев,—накануне своего арестования находился по должности уездного предводителя в Инсаре и был очень весел, но после обеда, получив какое-то письмо, вдруг сделался мрачен и неожиданно отправился в свою деревню. От кого было это письмо и кем доставлено, неизвестно, но могло быть, что оно, содержа в себе неприятные для Тучкова известия, было поводом к неожиданному его отъезду и, может быть, к истреблению некоторых бумаг. Исполняя предписание вашего сият-ва (от 11. III № 31—Н. Р.), я немедленно сделал распоряжение, по которому штаб-офицер корпуса жандармов и один из советников губернского правления отправились в Инсарский уезд для произведения обысков в имении Огарёва и Сатина, а так как известно было, что оба они жили в доме Тучкова, то поэтому и там нельзя было оставить без обыска»[2]. На этот раз враги Тучкова могли действительно торжествовать: «При этом обыске найдены у Тучкова и Огарёва разные бумаги, — писал Перовский. — Бумаги эти все направлены против существующего порядка в России, в особенности обращают на себя внимание многие предположения Тучкова о преобразовании разных государственных отраслей управления и предначертанный им план сочинения «О промышленности российской в XVIII столетии». Особое внимание Перовский и Панчулидзев уделили двум большим, переплетённым в кожу и писанным старинным почерком книгам под заглавием «Библиотека здравого смысла или собрание важных сочинений для спасения». «Эти книги,—писал в своём донесении Панчулидзев, — наполнены нелепостями, ужасающим богохульством и рассуждениями, которыми сочинитель старается опровергнуть всё начало христианской религии»[1].

Сознавая всю «зловредность», а вместе с тем и убедительность аргументации этой материалистической и атеистической пропаганды XVIII в., заключённой в указанной книге, Панчулидзев снова возвращается к этому вопросу в своём докладе—описи Перовскому (от 13 июня 1850 г.). «Зловредность ее той степени,—писал он,—что она неотменно должна быть истреблена. Заманчивость слога, увлекательность предмета, убедительность доказательств и доводов не может не заронить пагубной искры в том, которого ум и правила ещё не утвердились, в особенности при духе нынешнего времени трудно удержать её в той неприкосновенности, которой она требует».

Знаменательно, что русский перевод этого «вольтеровского динамита» принадлежал брату отца Тучкова — Николаю Алексеевичу, герою Бородинского сражения. Важнее, конечно, то, что атеистические идеи философии XVIII в. прочно привились в самом семействе Тучкова. Несколько малозначащих слов по поводу злополучной книги, какие мы находим в более позднем письме А. А. Тучкова к Орлову (от 28 августа 1850 г.)[2], имели своей задачей дезориентировать III-е Отделение в столь важном для Тучкова вопросе. Несомненно, большую опасность для Тучкова представляли выводы врагов его, сделанные тогда же в отношении связей его с Герценом. — Обыск 29 марта подтвердил это документально. «Представляя вашему сиятельству нащет Тучкова,— подчёркивал Панчулидзев в цитированном уже нами письме (от 29 марта 1850 г.).— я доносил о нём как о человеке безнравственном и нерелигиозном, не касаясь отношений его к предметам политическим, между тем переписка его с Герценом может служить доказательством,

1. „Воспоминания", стр. 136. *Герцен*, Сочин., т. VI, стр. 179.
2. Пенз. обл. архив, ф. 5, д. 3033-а, л. 130.

1. Пенз. обл. арх., ф. 5, д. 3033-а., л. 130 и след.
2. См. „Русские Пропилеи", т. IV, стр. 121.

что он в сношениях с лицами, которые на дурном счете у правительства»[1]. Связав имя Герцена с Тучковым, Панчулидзев рассчитывал, конечно, повысить степень политической неблагонадёжности Тучкова в глазах правительства и сделать пребывание последнего в Пензенской губ. вообще невозможным. «Ежели бы случилось,—выбалтывал он свои сокровенные соображения,—что Тучков, будучи арестован и взят, возвратился бы в своё имение, возвращение это без всякого сомнения будет иметь вредные последствия. Будучи признан оправданным, он, конечно, ещё более прежнего приобретёт влияние, а образ мыслей его против правительства и неуважение к России легко могут найти последователей»[2].

Повидимому, такого же мнения придерживалось и III-е Отделение. В ответ на ходатайство, обращённое Тучковым 17 апреля 1850 г. к Орлову о дозволении вернуться ему в деревню к своему семейству, ген.-лейт. Дубельт в своём ответе (от 29 апреля 1850 г.) подчеркнул всю неуместность подобного обращения при наличии новых уличающих Тучкова документов: «Его сиятельство,—писал Дубельт,—изволил отозваться, что, находя последовавшее о вас решение государя-императора так милостивым, он не считает себя вправе входить со всеподданнейшим представлением о разрешении вам отправиться в деревню, тем более в настоящее время, когда при вторичном в вашем доме обыске найдены бумаги и письма непозволительного содержания, о которых вы умолчали, быв в III-ем Отделении собственной его и. в. канцелярии приглашены к откровенным показаниям»[3].

Решением министра внутр. дел Тучков и Огарёв отдавались под строгий надзор полиции, Орлов согласился с этим (4 июля 1850 г.) [4]. Разлука с семьёй и оторванность от промышленной деятельности, которой он отдавался с увлечением и страстью, причиняли Алексею Алексеевичу большие страдания. В ход были пущены все родственные связи и влияния. Возможно, что правительство получило к этому времени некоторые доказательство своекорыстной деятельности самого Панчулидзева. Всё это привело к тому, что отдельные стороны дела Тучкова приобрели более благоприятную для него трактовку. 29 ноября 1850 г. Орлов известил

1. Пенз. обл. архив, ф. 5, д. 3033-а, л. 120 и след.
2. Там же.
3. „Русские Пропилеи", т. IV, стр. 111—112.
4. Герцен, Сочин., т. VI, стр. 180.

П. А. Тучкова, члена государственного совета, дядю Алексея Алексеевича, что император «соизволил» поручика Тучкова освободить от надзора и от всех наложенных на него других ограничений.

19 декабря 1850 г. после 10-месячного отсутствия Тучков прибыл в своё именье, а на следующий уже день инсарский земский исправник Евтропов поспешил поставить об этом в известность пензенского губернатора. Таким образом, надзор за Тучковым фактически не был прекращён. Однако формальное снятие ограничений с Тучкова выдвигало вопрос о возможном его участии в жизни местного дворянского общества. Подобная мысль, очевидно, волновала недоброжелателей Алексея Алексеевича и прежде всего Панчулидзева. Основываясь на том, что в «высочайшем» приказе (от 6 июня 1850 г.) Тучков почему-то назван был «не отрешённым, но лишь уволенным от службы», Панчулидзев в «совершенно секретном» запросе на имя министра внутренних дел просил дать разъяснение по столь щекотливому и волнующему его вопросу. «Не подлежит никакому сомнению,—подчёркивал он в своём запросе, выдавая тем свою тревогу,—что Тучков по беспокойному своему характеру опять будет домогаться участия в службе [1]. Чтобы избежать всякого в этом деле недоумения, я долгом считаю заблаговременно о сем представить вашему сиятельству на благоусмотрение и распоряжение». [2].

Однако Алексей Алексеевич не стремился вернуть утраченные за время вынужденного отсутствия позиции.

Бурные события 1848—50 гг., крушение июньской революции во Франции, жестокая правительственная реакция в России, беспощадно подавлявшая даже малейшие проявления оппозиционных настроений в среде русского общества, отчаяние, охватившее после 1849 г. прогрессивные круги русской интеллигенции (Грановский..., Герцен) — всё это оставило неизгладимый след на душевном состоянии Алексея Алексеевича и вызвало некоторую смену в его политических настроениях. Сообщая (весной 1849 г.) в письме к Герценам о тяжёлом душевном состоянии отца, Наталья Алексеевна писала: «Он мно-

1. Зачёркнуто—„и прежнего в уезде влияния".
2. Пенз. обл. арх., ф. 5, д. 3033-а, л. 271, 278.

го пошёл назад, с тех пор как возвратился из чужих краев»[1]. Алексей Алексеевич с головою уходит в промышленную деятельность, уделяет много времени Огарёву, расширявшему тогда писчебумажное производство на Тальской фабрике, и старается в сфере общественной деятельности держаться «в тени».

Атмосфера, окружавшая Тучковых, несколько разрядилась лишь в 1853 году, когда смерть первой жены Огарёва позволила оформить ему союз с Натальей Алексеевной. В 1856 году Огарёвы после пожара на Тальской фабрике выехали за границу.

Дом Тучковых опустел. Только приезды Сатиных на время оживляли пустынные комнаты тучковского дома. Самые близкие и дорогие были теперь за границей.

Со сменой царствования былые рогатки, стеснявшие выезд за границу, были несколько ослаблены, и в конце июня 1856 года[2] Алексей Алексеевич уже прибыл в Лондон на свидание с Герценом и Огарёвым. Время быстро пролетело в дружеских разговорах и встречах с соотечественниками, во множестве посещавшими тогда Герцена. III-е Отделение, между прочим, связало тогда же пребывание Алексея Алексеевича у Герцена с появлением на страницах «Колокола»—«Разбора манифеста 26 августа 1856 г...»[3] Не подлежит, однако, сомнению ближайшее участие Тучкова в доставлении в Россию «Колокола» с материалами Герцена по поводу появившегося сочинения Корта от 14 декабря 1825 года, которое оскорбляло память погибших декабристов[4].

18 июля 1857 г. Тучков через Париж, Дрезден выехал обратно в Россию, унося с собою горечь разлуки с близкими людьми. Особенно тяжело переживал разлуку с Алексеем Алексеевичем Огарёв, она оставила, по его словам, «большую пустоту».

«Кажется, — писал он позднее Алексею Алексеевичу, — что родины недостает». Душевная пустота, о которой говорил Огарёв в этом письме, объяснялась ещё и тем, что в середине 1857 г. в отношения Герцена и Огарёва входит новый элемент—любовь Натальи Алексеевны к Герцену. Не

1. „Русские Пропилеи", т. IV, стр. 88.
2. *Герцен*, Сочинения, т. VIII, стр. 547.
3. Сочинения, т. IX, стр. 598. Разбор этот в действительности был написан Огарёвым.
4. Там же, стр. 584 *(к № 966)*.

разъединив друзей, эта любовь до чрезвычайности осложнила их взаимоотношения и внесла массу страданий в жизнь Тучковых. Приезд Натальи Аполлоновны, матери Натальи Алексеевны, в Путней, предместье Лондона, в сентябре 1858 г., вызывался, повидимому, этими обстоятельствами. Вместе с тем начавшиеся в России подготовительные работы по проведению крестьянской «реформы», естественно, должны были поставить в порядок дня вопросы о дальнейших промышленных делах Тучковых. В апреле 1865 г. А. А. Тучков вновь посетил Герцена и Огарёва уже в Женеве. «Дела мучат, папа,— пишет Наталья Алексеевна,—отчего он не старается продать Яхонтово, чтобы он был покоен? Жили бы то с Еленой (Сатиной—Н. Р.), то со мной».—К этой же мысли она возвращается и позднее. Тучков вскоре после приезда из-за границы произвёл раздел имения, выделив некоторую часть его Наталье Алексеевне.

Попытки Натальи Алексеевны (1871—1872 гг.) вернуться на родину не дали никаких результатов. В декабре 1875 года[1] Тучков в последний уже раз собрался за границу для свидания с дочерью и осиротевшим после смерти Герцена Н. П. Огарёвым.

Наконец, весною 1876 года III-е Отделение разрешило Наталье Алексеевне, «жене русского изгнанника Огарёва», вернуться в Россию на поручительство её отца[2]. Она осуществила это только по смерти Огарёва. Когда она прибыла в Россию, ни сестры Елены, ни Н. М. Сатина уже не было в живых, были лишь живы престарелые её родители.

II.

К началу своей общественной деятельности А. А. Тучков был человеком с достаточно определившимися взглядами по основным политическим вопросам, волновавшим передовые круги русского общества 30—40 гг. XIX в. Общение с виднейшими представителями тогдашней общественной мысли в лице Огарёва, Герцена, Белинского, Грановского, знакомство с политическими сочинениями французских писателей конца XVIII и первой половины XIX вв.[3]—всё это значи-

1. Архив Н. А и Н. П. Огарёвых, стр. 216—217.
2. Герцен. Сочинения, т. XXI, стр. 582.
3. См. опись библиотеки А. А. Тучкова в Яхонтове, составленную в 1849 г. советником Пензенского губернского правления А. Рудневым, и особенно список запрещённых книг.—Пенз. обл. арх., ф. 5, д. 3033-а, л. 173 и след.

тельно расширило и углубило его взгляды. Как видно из сохранившихся от Алексея Алексеевича бумаг, заметок и донесений его политических противников, преобразовательные планы его отличались разносторонностью и касались таких вопросов, как «предположения о преобразовании разных государственных отраслей управления», «распространение средств к увольнению крепостных в свободные», реформа судопроизводства в направлении установления гласности в виде «адвокатства с присяжными и открытым обсуждением дел», пересмотр рекрутского устава и др.

Наибольшее внимание в его планах и практической деятельности занимал крестьянский вопрос, ибо в 40 — 60 гг., по выражению Ленина, «....все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»[1]. Вся его деятельность в этой области базировалась на тех теоретических предпосылках, которые впервые нашли своё выражение в его дневнике (1818 год).

Исходя из позиций о естественных правах человека, провозглашённых просветителями XVIII в., Тучков полагал, что «рабы и господин—равные люди, богом созданные». Отсюда, естественно, напрашивался сам собою вывод, что «ни раба, ни господина быть не должно», так как «быть властителем и иметь рабов... противно закону божию». Рассматривая эти отношения с точки зрения политической, Тучков ясно отдавал себе отчёт, что между «самодержавным правлением русских помещиков» и всем самодержавно-крепостническим строем России существовала неразрывная, тесная связь: «...кнут в руках помещика, — читаем мы в его дневнике,—не всё ли равно, что кнут в руках правительства»[2]. Сторонник «постепенновщины» в вопросе отмены крепостнических отношений во избежание «неприятных последствий» А. А. Тучков ставил своей главнейшей задачей всемерно защищать крепостное крестьянство от «беззаконной помещичьей власти и злых властелинов»,—«ибо, по собственному его выражению, они сами рабы, но не ищут своей собственной свободы, а довольствуются тем, что могут угнетать других»[3]. Сделавшись в мае 1841 г. самостоятельным владельцем Яхонтова, Алексей Алексеевич прежде

1. Ленин. Сочин., т. II, стр. 315.
2. „Дневник"—Вестник Европы, 1900, № 8.
3 „Дневник" Тучкова.

всего осуществил свои планы в своём имении: он по-новому организовывает отбывание барщины крестьянами, отменяет все натуральные поборы с них в том виде, как они взимались ещё при его отце. «У нас, — говорит Наталья Алексеевна в своих «Воспоминаниях»,—крестьяне ходили на барщину с тягла, т. е. наделённые землёй, неженатые и девушки не знали барщины, мальчики и старики назначались в караул, тогда как у других владельцев все поголовно выходили на барщину... Отмена поборов имела большое влияние на благосостояние крестьян, они не только перестали даром отдавать баранов, свиней, поросят, кур, яйца и т. п., но стали нам продавать все эти продукты для домашнего обихода, для содержания дворовых»[1].

Управляющего сельским хозяйством у Тучкова не было: им заведывал бурмистр, ежегодно избиравшийся крестьянами на мирском сходе.

Верный заветам просветительства Алексей Алексеевич завёл тогда сам для крестьянских детей школу (на 40 душ), поставленную по ланкастерскому методу: старших учеников он учил сам арифметике, алгебре, геометрии, в свою очередь старшие обучали младших; он вкладывал в эти занятия много терпения и любви, обнаружив при этом незаурядный преподавательский талант.

Все эти мероприятия Тучкова воспринимались местными властями с крайней подозрительностью и неудовольствием, в них склонны были видеть прежде всего дурной пример для других помещиков, заражённых гуманными идеями к своим «рабам». Когда в марте 1850 г. при повторном обыске в кабинете Огарёва была найдена тетрадь с его проектом «народной политехнической школы», то Панчулидзев заподозрил в этой «затее» Огарёва прежде всего влияние и руку самого Тучкова: «...считаю обязанностью, — писал он «совершенно секретно» Л. Перовскому,—обратить внимание вашего сиятельства на бумаги сего последнего (т. е. Огарёва—Н. Р.), в особенности на ту, которая, как должно судить по заключающимся в ней предложениям о изменении народного образования и по первым словам самой бумаги, не могла быть обсуждена и составлена одним Огарёвым, ибо по известной мне слабости его характера, легко подчинялся влиянию людей,

1. „Воспоминания", стр. 42.

коими был в тесных отношениях, подобно как с Тучковым»[1].

Тем большую подозрительность и даже ненависть должна была возбуждать деятельность Алексея Алексеевича, направленная к ограждению интересов закабалённого крестьянства. Крепостные и казённые крестьяне Инсарского уезда беспрестанно и с полным доверением обращались к нему с жалобами и заявлениями по самым различным поводам. Алексей Алексеевич очень внимательно относился к подобного рода заявлениям, входя во все подробности дела. «Иногда до моего отца,—пишет Наталья Алексеевна, — доходили слухи о жестоком обращении с крестьянами или дворовыми кого-либо из помещиков его уезда, он тотчас являлся на место сам, расспрашивал о взаимных отношениях крестьян с владельцами, внимательно выслушивал большею частью неосновательные жалобы помещиков; если дело касалось кого-либо из дворовых, то он убеждал помещика дать отпускную... и нередко успевал убедить своего собеседника, а иногда, по пословице «куй железо, пока горячо», заручавшись согласием владельца, вынимал из кармана гербовый лист и приказывал своему протоколисту написать отпускную, которая тут же подписывалась помещиком. Когда же дело касалось крестьян, то он выслушивал обе стороны внимательно и порознь и, оставшись наедине с помещиком, убеждал его отменить жестокости и несправедливости, угрожая в противном случае взять имение в опеку»[2]. Что подобные заявления со стороны Алексея Алексеевича не были одной лишь угрозой, показывает дело помещицы Анны Поповой (по д. Николаевке). В 1848 г. крепостные крестьяне и дворовые обратились в дворянскую опеку с жалобой на жестокое обращение своей помещицы и проживавшего у неё Саранского землемера Протопопова. Как видно из «бумаг А. А. Тучкова», Анна Попова вылила из чашки за пазуху на голое тело 70-летней стряпухи Дарьи Евдокимовой горячую уху на том основании, будто бы последняя плохо ею была сварена. Решением инсарской опеки имение Поповой было передано в опекунское управление.

Передавая в опеку по тем или иным основаниям дворянские имения, Алексей Алексеевич чрезвычайно внимательно следил за выполнением опекунами всех установленных законом правил опеки: когда назначенный от инсарской опеки

1. Пенз. обл. архив, ф. 5, д. 3033 а, л. 151.
2. «Воспоминания», стр. 48.

опекун С. Воинов представил в январе 1838 г. «раздельный акт» по с. Тепловке с раздроблением между совладельцами имения отдельных семейств крепостных крестьян, то инсарское опекунское управление опротестовало этот акт и предложило Воинову пересоставить акт, а затем явиться в опеку с отчётом по управлению имением[1].

В другом случае вдова ген.-майора Петра Голицына, Агафья Голицына, опекунша своих малолетних детей, сочла для себя стеснительным правила опекунства и начала проявлять свой деспотический характер в отношении крепостных крестьян, обвиняя их в неповиновении ей и в намерении убить её и т. п. «Чтобы придать более вероятия этим упрёкам,—читаем мы в отношении А. А. Тучкова на имя саранского предводителя дворянства (от 4 августа 1842 г.), — княгиня Голицына на фоминой неделе в один вечер стала кричать, что мужики идут её убить, выбежала из дома своего и пошла искать ночлега в с. Бутурлине... Мои увещания рассердили кн. Голицыну, — она отвечала, что я слушаю мерзавцев-мужиков, что когда она найдёт управителя, то люди не будут приходить ко мне и т. д.». После того, как две её дворовых девушки, спасаясь от преследований Голицыной, ушли к своему отцу, проживавшему в Саранске, она подала заявление в полицию о побеге их с ложным доносом, будто бы малолетние эти девочки (11 и 15-ти лет) украли у неё 500 руб. Саранская полиция без всякой проверки взяла под защиту Голицыну и, несмотря на неоднократные просьбы Тучкова расследовать указанные Голицыной «факты», отделывалась отпиской. Алексей Алексеевич принял всё зависящее от него и добился передачи опеки над имением Голицыной в другие руки[2].

По установившейся, очевидно, традиции дворяне-помещики готовы были рассматривать и самое опекунское управление как учреждение, отстаивающее по преимуществу их узко-сословные, «шкурнические» интересы, и часто переходили в своих отношениях к нему на «панибратский» тон. Алексей Алексеевич никогда не позволял переступать за границы официальных к нему обращений. Однажды один из опекунов—М. Михин обратился к инсарской опеке с тако-

1. Госархив МАССР, ф. 67, д. 25, л. 5 (протокол заседания опеки от 24/I—1838 г.).
2. Госархив МАССР, ф. 29, д. 59, л. 15 и след.

го рода фамильярным заявлением: «Я тебя, опека, просил, но просьба моя, тобою во уважение... не принята» и т. д. Алексей Алексеевич немедленно предложил (журнал от 4 ноября 1838 г.) [1] «рапорт возвратить ему, Михину [2], с надписью и предписать, чтобы он впредь в рапортах своих подобных выражений не употреблял, а изложил бы обстоятельства с ясностью и должным уважением». Также решительно Тучков пресекал всякие попытки отдельных представителей инсарского дворянства использовать в своих низменных целях, в ущерб интересам крепостных, неприязненные отношения, существовавшие между ним и пензенским губернатором, и заручиться против него столь могущественным союзником. «Однажды, — рассказывает в своих воспоминаниях Наталья Алексеевна,—по настоятельной просьбе помещицы Тре-вой, губернатор послал чиновника особых поручений вместе с уездным исправником произвести у неё следствие без ведома моего отца, однако, крестьяне тотчас дали ему знать об этом, и он отправился немедленно в дом г-жи Тре-вой. «Господа,—сказал входя отец,—вы забыли, кажется, меня предупредить, ведь я здесь хозяин, это — мой уезд». Чиновники отвечали сконфуженно, что им не было приказано приглашать его на следствие. «О чём же вы производите следствие?»—спросил отец. В ответ на эти слова чиновники объяснили ему сущность жалобы г-жи Т. на 16-летнюю девушку, которая будто бы отравила её. Обвиняемая стояла испуганчая, заплаканная и босая, а дело было зимой.—«Господа, —заявил отец,—прикажите обуть и одеть подсудимую, как следует зимой, иначе я по закону не имею право её допрашивать». — Тр-ва побледнела. «Да ведь это за ее вину»...—начала было она. — «Сударыня, — возразил отец, — когда вы пригласили нас разбирать это дело, то должны подчиниться требованиям закона». «Как вижу, — продолжал он, — г-жа Тре-ва здорова». — «Меня рвало тогда тотчас после обеда»,—заявила Тр-ва. — «Это не есть еще доказательство. Где же рвота? Только химический анализ может доказать, было ли это отравление

1. Госархив МАССР, ф. 67, д. 25, л.л. 95—96.
2. М. Михин не забыл преподанного ему Тучковым урока вежливости в 1848 г. В отместку он избил до полусмерти крепостного А. А. Тучкова кр-на Тимофея Семёнова. Только благодаря настойчивости Алексея Алексеевича дело это было передано в Инсарский земский суд.
Документы и материалы по истории МАССР, т. IV, ч. I, стр. 77—80. (Рукоп. фонд института.)

или просто желудочное расстройство».[1] Благодаря вмешательству Тучкова следствие кончилось ничем.

В 30-х г. XIX в. дело помещика Наровчатского уезда Охлябинина получило громкую известность: по натуре человек—зверь в отношении своих крепостных, которых он довёл до полного разорения, он имел до 40 судимостей, законченных разбором, и около 30 дел, не решённых из-за неявки его в суд. В 1835 г. Охлябинин подал в Наровчатский земский суд объявление о побеге от него 16-ти дворовых людей и крестьян. Дознание, произведённое весьма поверхностно чиновником особых поручений Карауловым и мокшанским уездным предводителем дворянства, не дало результатов: взаимные обвинения тяжущих сторон лишь затягивали судебное решение. В июне 1838 г. командирован был для проведения следствия А. А. Тучков, что и было им выполнено с полной добросовестностью и объективностью в течение одного месяца[2].

Особенно был чуток и положительно незаменим Алексей Алексеевич, по общему признанию всех близких его друзей, при проведении рекрутских наборов, бывших, несомненно, одной из наиболее тяжёлых натуральных повинностей для крестьянства.[3]

Не имея возможности в какой бы то ни было степени изменить положения рекрутского устава, Алексей Алексеевич всегда стремился всячески облегчить тяготы крестьянства при проведении призывов.

Именно благодаря этому Тучкову не раз удавалось распутывать даже самые сложные хитросплетения взяточников из числа членов присутствия—лекаря, приёмщиков, пытавшихся нередко в интересах зажиточной кучки крестьянства переложить всю тяжесть наборов на плечи немущих[4].

Внешнее, казалось, невозмутимое спокойствие его, с которым он проводил заседание рекрутского присутствия, при душу раздирающих сценах, происходивших тут же на его глазах, поражали всех. Только близкие знали, что стоила

1. „Воспоминания", стр. 50—51.
2. Материалы и документы по истории МАССР, т. IV, ч. 1, стр. 46, 47. (Рукоп. фонд института).
Госархив МАССР, ф. 67, д. 25, л. 90.
3. См. Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва, стр. 336—338.
4. См. случай, рассказанный в „Воспоминаниях" Натальей Алексеевной, стр. 45.

эта выдержанность Алексею Алексеевичу. Вот что сообщал Огарёв в своём письме к Грановскому Т. Н. от 17 января 1847 г. по поводу одного из таких заседаний, где ему пришлось лично наблюдать поведение Алексея Алексеевича: «Я в первый раз был в рекрутском присутствии, — читаем мы в этом письме,—а ты никогда не бывал, и тебе трудно вообразить, как тяжело это зрелище. Грудь сжалась, и голова закружилась, я думал, что у меня или слёзы хлынут или я упаду... Если Алексей Алексеевич где действительно полезен и гуманен, это при наборе. Честь ему и слава!» [1] Прекрасным дополнением к этим словам Огарёва служат в данном случае воспоминания самой Натальи Алексеевны. «Возвращаясь из уездного города домой по субботам, — пишет она, — потому что присутствие закрывалось до понедельника, отец рассказывал нам со слезами на глазах о тяжёлых сценах, происходивших почти каждый день во время присутствия. Когда набор бывал окончен, нередко у моего отца делалась нервная горячка от усилия казаться хладнокровным, когда внутренно он бывал глубоко потрясен» [2].

Вследствие отмеченных обстоятельств Алексей Алексеевич, как человек по преимуществу практический, вообще уделял много внимания вопросам организации рекрутских наборов. От него сохранилась любопытная записка о реформе рекрутского устава, написанная им в 1866 г. «Доказав несостоятельность вредного и ненавистного народу очередного порядка по работникам в нераздельном дому, и ещё более ненавистной жеребьевой системы, он предлагал вернуться к исконному, выработанному народным опытом очередному порядку по родным братьям. Эти очередные наборы должны, по его плану, производиться в каждом обществе особо, так как каждое общество владеет землёю особо. Установление очередей есть дело суда, составленного в мирском обществе не из очередных семейств, а из людей, не подлежащих рекрутской повинности, ибо такие люди... могут судить беспристрастно, тогда как сельский сход есть скопище людей, в котором сами же очередные домохозяева судьи в своём деле, и где несправедливость совершается очень часто под влиянием мироедов или диктаторов посредников» [3]. Судная изба, по

1. Сб-к „Звенья" №1, стр. 112—113.
2. „Воспоминания", стр. 41.
3. Введение к "Дневнику Тучкова" — Вестник Европы, 1900, № 8.

проекту Тучкова, должна была состоять не менее как из 12-ти хозяев, не опорочечных ни судом, ни общественным мнением соседних деревень. Только при такой системе, по мнению Алексея Алексеевича, сельское население действительно само сможет распоряжаться назначением очередных рекрут и распоряжаться беспристрастно, разумно и самостоятельно [1].

Пристальное внимание к вопросам, касающимся различных сторон деревенской жизни, острая наблюдательность, уменье найти на «опыте народном» выход из тупика, искренняя любовь к обездоленному и обобранному помещиком и государством крестьянину—всё это снискало Алексею Алексеевичу широкую популярность и уважение среди крестьянства Инсарского уезда и далеко за его пределами. Наталья Алексеевна приводит любопытный рассказ о встрече (в Тамбовской или Симбирской губ.) с одним «простым человеком», который со всей убеждённостью заявил ей и Огарёву, что «на Руси только один человек жалеет крестьян» — это А. А. Тучков. [2]

Конечно, это гиперболизм, но весьма характерный.

Характеризуя Тучкова, А. И. Герцен со всей решительностью подчёркивал его необыкновенно развитый практический ум. Практический склад его ума нашёл своё выражение прежде всего в его попытках «индустриализации» крепостной деревни. Этой стороной своей деятельности Алексей Алексеевич примыкает к той группе передового дворянства, которая продолжала традиции наших «прогрессистов—вольтерьянцев» конца XVIII в., — и в противоположность «консерваторам», сторонникам феодального прошлого, являлась апологетом промышленности и сельскохозяйственной рационализации. Это увлечение А. А. Тучкова вопросами промышленности проявлялось и в тех чисто теоретических изысканиях, результатом чего явилось сочинение его «О промышленности российской в XVIII в.», и в той разносторонней деятельности, которой отмечены его шаги по организации и развитию сахарной промышленности в России и в частности в нашем крае.

Как человек, прекрасно разбирающийся в вопросах производства, Тучков не разделял многих тогдашних заблуждений, которые объяснялись недостаточным знакомством с технологической стороной производства; он отрицал ложный взгляд, будто свёкла истощает почву, и сам пустил под посев свёклы

не только конопляники, как это обычно практиковалось заводчиками, но и часть своей полевой земли, он отвергал рекомендовавшуюся некоторыми сахароварами (Давыдовым и др.) холодную вымочку свекловицы и одним из первых в России перешёл на паровую обработку последней.

В техническом отношении завод Тучкова, несомненно, являлся передовым предприятием того времени: на заводе его насчитывалось свыше 68 машин, в том числе — 2 паровика, отдельная 6-сильная паровая машина для тёрки, два гидравлических пресса, 8 фильтпрессов Дюмоня, сменивших ранее существовавшие при его отце простые прессы с их многочисленными (до 140) холстинами и сукнами; безвоздушный аппарат для сгущения свекловичного сока; широко развитая водопроводная сеть—наружная и внутризаводская и т. д. Сама «фабрика», первоначально деревянная, оштукатуренная, после перестройки в 1847 г. превратилась в солидное каменное сооружение. Предприятия Тучкова А. А. (сахарный и водочный заводы) принадлежали к числу т. н. «сельскохозяйственных», и вследствие небольших своих размеров и крайне ограниченной продукции не оправдали ожидаемого эффекта. Итоги его деятельности были подведены в конце 40-х гг. XIX в. Н. П. Огарёвым. В письме к Грановскому Т. Н. и Е. Коршу, сообщая о своих и Алексея Алексеевича проектах «индустриализации», Огарёв иронически подчёркивал, что «пока» богатство того и другого=нулю». Это огарёвское «пока» сопутствовало Алексею Алексеевичу до самого конца его промышленной деятельности. После реформы 1861 года, вызвавшей переход на более дорогооплачиваемый вольнонаёмный труд, эта деятельность несколько сократилась по своему объёму, а в начале 70-х гг. XIX в. и совсем прекратилась.

Ко времени приезда Наталии Алексеевны в «отчий» дом в 1877 г. вся эта деятельность стала уже «прошлым»: она оживала лишь в рассказах самого Алексея Алексеевича, воспроизведённых его дочерью Натальей Алексеевной в своих воспоминаниях. Алексей Алексеевич уже доживал последние годы. Он умер в 1879 г.

М. И. Зевакин.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ МОРДОВСКОГО НАРОДА В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ РАЗИНА.

> „Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачёв и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетённых классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства".
>
> (Сталин).

Разин Степан Тимофеевич — донской казак, родом из Зимовейского Верхнего городка (на правом берегу р. Дона). Проявив железную волю и талант организатора, Разин возглавил борьбу порабощённого народа против феодалов-крепостников в 1667 году. В 1670 г. при его походе в сельскохозяйственные районы Поволжья здесь восстание приняло уже ярко выраженный антикрепостнический характер. Основной движущей силой этой войны было маломощное казачество, обездоленное крестьянство и работные люди.

Под Царицыном в отряде Разина было лишь около 5000 человек, в Саратове 8000 человек, а под Симбирском до 20000 человек. В пределах Среднего Поволжья действовало тогда не менее 200 000 повстанцев, причём некоторые отряды были не менее отряда, предводимого самим Разиным, достигая 15—20 тысяч человек.

В октябре месяце 1670 года Разин, разбитый царскими войсками под Симбирском, бежал на Дон и был выдан там зажиточной частью казачества правительству...

В решительной битве под Симбирском в отрядах Разина находилось немало русских, мордвы, чуваш, татар, башкир

и т. д. из пределов Казанского, Нижегородского, Пензенского и др. уездов. По писцовой книге 1671 г. Путятина, по далеко неполным данным, показано, что в Симбирске сложили свои головы 34 мордвина-домохозяина Алатырского уезда[1].

Основными причинами недовольства и ненависти крестьянства к помещикам-крепостникам было то, что помещики систематически экспроприировали крестьянские земли и закрепощали живущих на этих землях крестьян. Вместе с помещичьей колонизацией в Поволжье расширялся и углублялся крепостнический гнёт. Так, например, по Березопольскому стану (населённому мордвою), находящемуся в 40—60 километрах от г. Горького, между Окой и Кудьмой, в первой четверти XVII века в руках государства, помещиков, церквей и монастырей находилась большая часть земель. На территории этого стана было 458 помещичьих владений[2]. По Закудемскому стану, расположенному между Кудьмой, Сурой и Пьяной, было лишь 103 владения. Чем далее на юг, тем процент помещичьего землевладения всё более и более падает.

В Саранском уезде по пензенским десятням было 70 помещичьих владений, владевших от 100 до 200 четей.

Запустение, т. е. бегство мордовского населения, имело место из пределов Керенского, Темниковского, Нижегородского, Инсарского, Кадомского, Алатырского и Арзамасского уездов. Исходя из более полно сохранившихся архивных материалов, яркую картину этого запустения можно показать по Арзамасскому уезду. Если по писцовым книгам 1628 г. в Арзамасском уезде[3] числилось 58 мордовских деревень и 4 починка с 1470 людей, то к 1678 г., сравнительно с данными писцовых книг 1628 г., в Арзамасском уезде прекратили своё существование как населённые пункты 11 деревень мордовских да 4 пустоши, а в них было написано 162 двора мордовских и бобыльских, людей в них 198 человек мордвы, да бортничьих и бобыльских (русских) 16 дворов; людей в них 18 человек. Итого 180 дворов с 216 людей, что составит по убылым деревням сокращение дворов примерно на 20%. Наряду с этим процессом бегства населения шло расхищение

1. Архив Древних Актов, арх. № 38, оп. 3552. Список с писцовой книги по Алатырскому уезду за 1671 год.

2. *Садовский*, Землевладение Нижегородской губ. после смутного времени.

3. Горьковский облархив. Коллекция Нижегородской Учёной Архивной Комиссии. По старой описи № 136. Писцовая книга Измайлова по Арз. у. 1628 г.

мордовских земель. По писцовой книге 1678 г. Киреева[1] в мордовских деревнях за 50 лет убыло мордовской пашни на 4157 четей и на 12750 копен сена (из общего количества пашни по книгам Измайлова 16903 дес. земли и 45105 копен лугов), т. е. сократилось на 25%. За это полстолетие почти полностью пали промыслы от бортных ухожаев. Если в 1628 г. мордва Арзамасского уезда платила 496 пудов 9 фунтов мёду да 143 куницы, то в 1678 г. только 282 пуда 14 фунтов мёду. В результате расчистки мордовских лесов помещиками под пашню промысел на пушного зверя настолько упал, что мордва не в состоянии была уплачивать 139 куниц натурой, а целиком расплачивалась за них деньгами из расчёта 51 руб. 30 алтын с полуденьгою.

Подобного же рода картину запустения мы наблюдаем и по Алатырскому уезду. В этом уезде в 1624—26 гг. было 109 деревень, а в 1696 г.—91 деревня. Если по наиболее колонизуемой помещиками территории Алатырского уезда Низурскому стану в 1624—26 гг. было тяглых дворов мордвы 693 двора[2], то в 1671 г. осталось только 443 двора[3]. В общем из наличных во время письма Пушечникова деревень сохранилось до 1696 года только 60 деревень, или 55% общего количества населённых пунктов, существовавших во время переписи Пушечникова, остальные бежали или переселились частью в тот же Алатырский уезд, но в большинстве в пределы юго-восточных районов Поволжья. По Темниковскому уезду в 1630 годах числилось 1350 дворов мордвы, а в 1670 году 1120 дворов. К 70-м годам XVII века мордва начинает усиленно селиться в пределах «новых» уездов—Саранского и Пензенского.

В Саранском уезде, выделившемся частью из Алатырского и Темниковского уездов, в 1670 г. считалось 3000 дворов,

1. Горьковский облархив. Коллекция Нижегородской Учёной Архив. Комиссии, фонд 1411, опись 602, дело № 37. Копия писцовой книги мордовских деревень Арзамасского уезда по селениям Атяшеевского и Ризоделевского приказов. В писцовой книге Киреева, хранящейся в архиве древних актов (Москва) половины XVIII в., текст сильно попорчен потому, что писцы XVIII в. не могли справиться с разбором скорописи XVII в., с др. стороны, потому, что у списка были перебиты листы.

2. Архив Древних Актов. Книга письма и меры писцов Дмитрия Юрьевича Пушечникова 132—134 годов. По старой описи д. № 3535. См. также рукописный фонд Ульяновского Дворца Книги. Копия писцов. книги Пушечникова.

3. Книга переписи князя Ивана Путятина Алатырского уезда мордовс. деревень 1671 г., д. № 3551. Архив Древних Актов.

тогда как в первой половине XVII в. в рамках территории будущего Саранского уезда проживало не более 900 дворов. В Пензенском уезде в 1670 г. было 4104 мордовских двора, а в рамках территории будущего уезда, Пенз. у., в первой четверти XVII века числилось более 1000 дворов.

В Саранском уезде по пензенским десятням было всего 70 помещичьих владений, из этого числа 12 помещичьих имений владели землёй от 100 до 200 четей в поле, а в дву потомуж (т. е. 150—300 дес.), помещичьих имений с количеством земли от 50 до 100 четей числилось 28, до 50 четей 32 владельца. Помимо помещиков, значительными фондами располагало государство, монастыри и церкви. Так, к моменту крестьянской войны 1670 г. по Инсарскому, Пензенскому, Темниковскому уездам 75% всей земли находилось в руках государства, монастырей и помещиков.

Монастыри не довольствовались теми землями, которые передавались им правительством, они зачастую прибегали к захватам крестьянских земель окрестных селений. Многие крестьяне, не вынося ограблений и издевательства, убегали в те районы, куда ещё крепко не наступала помещичья колонизация, в частности в районы Заволжья и Приуралья. Вследствие бегства крестьян в районах Поволжья, Приуралья в XVII в. образовалось значительное количество мордовских, чувашских, русских и др. поселений (сёл и деревень).

«И по Инсарской государь, и по Потижской черте казачьи службы татар и мордвы в пусте и пашни залегли... а те татары и мордва померли на твоей, в. г. службе, а детей после них не осталось, а иные татаровя и мордва бежали в Пензенской, Саранской и Нижне-Ломовские уезды»[1]. Что же делалось с этими землями: «Керенские земли были издревле мордовские и татарские и бортные ухожаи в дальних годах, до поселения городу Керенску и Керенскому уезду имелись у мордвы по знаменам, а как та мордва разошлась в разные уезды... то уже те земли розданы разным помещикам». Мордовские «покидные» земли передавались помещикам, а последние стремились свои угодья всеми средствами притеснения и насилия ещё больше расширить. За счёт крестьянских мордовских земель помещикам постоянно делались прирезки. «Русским людям (помещикам) даны бортничьи и мордовские всякие земли и те русские сверх своих дач завладели многими землями и русским людям отмерить и отмежевать дачи их сполна»[2].

1. Архив Нижегородской Уч. Арх. Ком. Столб. 12 6.

В связи с сокращением земельных наделов у мордовского населения, экспроприацией государством и помещиками лесов, а также массовой их расчисткой, падает промысел на пушного зверя и пчеловодство. Мордовское население зачастую уже не могло уплачивать и повинности натурой, но правительство не желало лишиться доходных статей, заменив их денежными взносами, т. н. деньгами за «бобровые гоны», за «белку», «соболя», «куницу», за «рыбные ловли» и т. п. Вместе с сокращением земельных владений увеличивались подати. Чтобы сильнее грабить и угнетать мордовское население, нужно было сохранять отсталость и аграрность территории с коренным мордовским населением.

И царизм предпринимал все средства к задержке возникновения городов и промышленных центров: мордовскому населению препятствовалось заниматься ремёслами, строить кузницы, ковать серпы, косы и иные сельскохозяйственные орудия из металла, запрещался выезд в город на ярмарки и вести торговлю. Вообще ограничивалась возможность сбыта произведений крестьянского труда установлением высоких пошлин[2]. Вместо продажи своих произведений труда на рынках мордва регулярно, бесперебойно должна была «по вся годы» доставлять в Москву воск, поташ, скот, рыбу, мёд, пушнину, хлеб, холст, шерсть и т. д. Приказ Тайных дел предложил даже феодалам-крепостникам «здесь завесть пашни великие (так как) земли в тех местах самые добрые»[3]. При этом имелось в виду, что экспорт хлеба из Среднего Поволжья будет гораздо прибыльней, чем из Н.-Новгорода. Тайный приказ организовал на территории Мордовии и государственную рыбную ловлю, поташные заводы и даже десятинную пашню[4].

1. Горьковский областной исторический архив. Столбец № 15, быв. фонд Нижегородской Учёной Архивной Комиссии.
2. Мордовское население Пензенской губернии. Пенз. 1927 г., стр. 23.
3. Гурвич. Приказ Тайных дел.
4. Десятинная пашня—попытка введения государством среди крестьянского населения при Алексее Михайловиче особой формы отработочной натуральной повинности, особой доли имеющейся у населения земли и обработки её общиной, продукты с которой должны целиком пойти в фонд государства. Введением этой повинности не отменялись уже платившиеся населением другие налоги. Однако качавшееся восстание Разина заставило правительство отменить этот вид повинности, заменив его, однако, новым рублёвым налогом с „выти"—земли.

С сокращением доходных статей мордовского крестьянства, увеличением налогов и уменьшением земельных владений увеличивалась нужда в деньгах, а это вело или к вынужденному бегству, или продаже за бесценок имущества и земли. Данное обстоятельство усилило влияние общего аграрного кризиса в России и особенно тяжело отразилось на территории Мордовии с сопутствующим ростом безземельных. Во второй половине XVII века количество бобылей на территории Мордовии возросло на 10—15% по сравнению с началом XVII века [1].

Крепостническое государство, чтобы не ослаблять поступления налогов с податного населения, предпринимает ряд мер, несколько сдерживающих упадок хозяйственной жизни среди населения Поволжья. Так, был издан указ, по которому «у татар, и мордвы, и у чуваш, и у черемисов (мари), и у вотяков (удмуртов), и у башкирцев—боярам и окольничим, и думным людям, и стряпчим, и дворянам московским, и из городов дворянам, и детям боярским, и всяких чинов русским людям поместных и всяких земель не покупати, и не меняти, и в заклад, и сдачею в наём на многие годы не имати»[2]. На практике же законы, ограничивающие захват земель или их скупку, не соблюдались, о чём свидетельствует отписка из центра, что «бортники и новокрещенцы и мордва бьют челом беспрестанно... (о захвате у них земель),—а межевому и розыскному делу чинится конечная остановка» [3].

Не находя выхода из всё туже затягивающегося феодально-крепостнического ярма, мордовское население вынуждено было бежать с своих земель; но это не спасло положения, так как беглое население либо возвращалось на старые места, или попадало в тяглое состояние на новом месте. Единственным путём облегчения оставался путь восстаний. «Царствование Алексея Михайловича богато крестьянскими движениями, особенно в десятилетие перед появлением Стеньки Разина»[4].

В 1657 г. для усмирения посланы были в понизовые города: Казань, Нижний, Алатырь, Курмыш—сыщики из дворян, они должны были брать от воевод стрельцов, пушкарей и

1. Книга переписи князя Ивана Путятина по Алатыр. у. 1671 г. д. № 3551, Архив Древних Актов.
2. Уложение. XVI, 41—43.
3. Горьковский обл. исторический архив. Столбец № 15.
4. Костомаров „Исторические монографии и исследования", стр 235—237.

зачинщиков, вооружать уездных людей и ловить возмутителей и беглых.

В 1665 году заметили, что преследуемые таким образом беглецы стали прибывать из пределов Среднего Поволжья, преимущественно в низовья Волги, как будто ища сборного пункта[1]. Правительство приказывало тогда воеводам городов Самары, Саратова, Царицына, Чёрного Яра находиться между собой в постоянной связи, посылать друг другу частые станицы, отправлять в степь детей боярских и стрельцов и ловить «подозрительных» людей из верховых городов, называющих себя казаками[2]. В 1667 г. восстание распространилось по России в значительном размере. На север, на юг и на восток были посланы от Разбойного Приказа сыщики—предписано всем воеводам помогать подавлять восстания, разорять «разбойничьи» станы, казнить смертию и разными муками злодеев, к числу которых относились и ведуны (колдуны). Смертная казнь постигала вместе с ними не только укрывателей, но и тех, которые, слыша крик разбиваемых людей, не пойдут на помощь сыщикам[3].

В пределах Урала началось в 1662 г. мощное восстание башкир (т. н. Сеитово восстание). В захвате Кунгура принимали участие мордва и др. народности Поволжья. «Кунгур повоевали татары, и башкиры, и черемисы, и мордва, и чуваша»[4]. Повстанцы решили поднять все угнетённые народы России. Это восстание поволжских и приуральских народов продолжалось до 1668 года и затем слилось с Разиновским восстанием.

В том же 1668 году уже в самой Москве на масленицу убивали и грабили по улицам. Боясь подъёма народного движения даже в Москве, правительство организовало ночные караулы, обязанные хватать всех, кто «шатается» ночью, за исключением священников и царских стольников, позволено прочим людям ходить по Москве ночью только в продолжение первых четырёх часов (иначе: до 10 часов вечера по нашему счёту времени).

1. Акты исторические, т. IV, 344.
2. Акты исторические, т. IV, 345.
3. Дополнение к актам историческим, т. 5, 330. См. также Костомаров, „Исторические монографии и исследования".
4. Известия Архангельского о-ва изучения русского севера, № 21. Архангельск, 1911 г., ст. Трапезникова „Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения". См. также Зименская хрестоматия по истории Сибири. Новосибирск, 1930 г.

Было ясно, что на Руси готовится какое-то огромное волнение[1], как пишет об этом Костомаров.

Как видим, задолго до начала восстания Разина Поволжье и Урал клокотали в огне восстаний. Только этой подготовленной почвой предшествующих событий можно объяснить смелость и быстроту натиска Разина в продвижении его в центр России.

Ещё в декабре 1669 года из Астрахани через Саранск проехали в Москву агитаторы Разина. В Саранске «лазутчики Разина» узнали о настроениях крестьян, горожан, служилых людей и перед отъездом сообщили: «Ждите скорого нашего возвращения». Благодаря этим сообщениям и аресту лазутчиков казаки, находящиеся на службе в Саранске, подняли восстание и хотели бежать на Дон.

Только освобождение и отправка «лазутчиков Разина» в Астрахань и арест наиболее ненавистных для казаков главарей саранского служилого элемента предотвратили здесь на время массовое выступление. 12 января 1670 года саранский воевода вторично сообщил царю, что «казаки учинились сильны, в Астрахань не поехали... и Аникея Хомутовского и их провожатых били и ружьё у него Аникея отняли». Вслед за этим восстанием вдоль всей сторожевой черты началось движение и сопротивление властям[2].

Воодушевлённые наступлением разинцев ломовские казаки, оберегавшие черту в селе Кочелаеве (ныне Ковылкинского района, МАССР), 13 сентября восстали и высекли приказчика ломовского воеводы[3].

В с. Жукове и окружающих селениях (ныне Торбеевского района) восстали крепостные крестьяне, «помещика убили и церковь божию и двор его сожгли»[4]. В половине сентября месяца 1670 года разиновские отряды уже находились в 30 верстах от Саранска, а «воевода Вельяминов сидит в осаде»[5].

15 сентября 1670 года воевода из Алатыря писал, что Разин «собрал изо всех городов Симбирской сторожевой черты татар, чуваш, черемис (мари),..... мордвы и др. и с

1. П. С. З. 1. 738. См. также Костомаров „Монографии и исследования".
2. *Попов.* Материалы для истории возмущения Стеньки Разина 1857 г., стр. 40—41. См. также Центрархив. Материалы. Крестьяне и национальности в Разиновском движении.
3. Центрархив. Материалы по истории рев. движения, стр. 16.
4. Там же, стр. 17.
5. Там же, стр. 15.

великими силами пошёл наступать». Волна восстания ширилась.

На территории Мордовии во многих селениях произошли восстания, как, например, в Селищах, Мареевке, Низовке, Сырятине, Пузе, Шугурове, Веденяпине, Баеве, Адашеве и др. Эти мордовские селения сформировали повстанческие отряды и заняли все лесные дороги.

Мордовские деревни Ичалки, Лабаски, Алово, Аржадеево, Кабаево, Батушево, Атяшево, Луньга, Колаево, Пилисево, Монадыши, Селищи, Чукалы, Чамзино, Черепаново, Поводимово, Турдаки и др. послали свои повстанческие отряды в помощь Мурзакайке и Разину, участвующим в крупных боях[1].

Наиболее активными районами в Мордовии были районы, прилегавшие к Саранской и Алатырской засечным чертам «Алатырской и Саранской черты черемис. и чуваш. и мордва в измене вся».

Восстание распространялось из-под Симбирска по 2-м направлениям: с одной стороны, по будущим губерниям, Симбирской, Пензенской и Тамбовской, с другой, — на северо-запад через Симбирскую губ. в Нижегородскую.

Первый отряд действовал под начальством Михаила Харитонова, по преимуществу на территории Мордовии. Харитонов, начав из-под Карсуня свои действия с 4-мя казаками, довёл численность своего отряда на территории Мордовии до 5 тыс. человек. 17 сентября 1670 года Харитонов подошёл к Атемару. Атемарский воевода, получив подкрепления в войсках, готовился к обороне, но подосланные Харитоновым в крепость лазутчики склонили гарнизон, и в ночь на 18 сентября гарнизон открыл ворота крепости и целиком перешёл на сторону повстанцев. Взятого в плен коменданта крепости «били всенародно кнутами», а потом повесили.

19-го сентября сдался и Инзерский острог, после чего Харитонов направился к Пензе. На его пути небольшое сопротивление было оказано лишь гор. Сарайском, но город был взят, ратные и служилые люди перебиты, после чего отряд Харитонова взял Пензу. Здесь он объединился с отрядом Василия Харитонова и вместе двинулись на Наровчат. На пути движения к Наровчату к ним присоединился ещё

1. Архив Древних Актов. Переписная книга Алатырского уезда мордвы 1671 г., арх. № 38 по описи 3552.

ряд повстанческих отрядов. Преобладающая масса в этих отрядах состояла из мордовского и русского населения.

Задача Харитонова состояла в том, чтобы соединить свой отряд с армией Разина. Однако этот отряд в 6 тыс. человек из мордвы, татар и русских, взявший курс из Наровчата на Алатырь, под Алатырем встретился с царскими войсками, где и повстанцы потерпели поражение, отступили по направлению к Саранску.

Второй отряд Харитонова действовал в пределах Темниковского уезда. Атаманом этого отряда был освобождённый разинцами из Саранской тюрьмы «сиделец» Фёдор Сидоров. Этот отряд по мере продвижения к Темникову пополнялся за счёт присоединившегося крестьянства. Темников с боем был взят, служилые люди, подьячие и ратники были перебиты.

3-й отряд под руководством 20 донских казаков, в октябре месяце 1670 г. который состоял из 6000 повстанцев уренских и корсунских жителей, преимущественно из мордвы, татар, чуваш, действовал в районах Корсунской черты, а затем слился с армией мордовского атамана Мурзакайки.

Четвёртый отряд повстанцев под предводительством Осипова действовал в пределах Марийской и Чувашской автономных республик и среди мордвы Нижегородского уезда. В составе этого отряда было более 15 тыс. человек, главным образом марийцев, мордвы и чуваш, «а пущими заводчиками — (по организации похода на Нижний-Новгород)—была мордва—терюшане»[1]. Взяв приступом Макарьевский монастырь, повстанцы готовились к осаде Н.-Новгорода и Арзамаса, но от Разина был получен вызов двигаться под Симбирск для отражения приближающихся правительственных войск.

После ухода более дисциплинированного состава восстание крестьян вдоль Волги в Горьковской области было обезглавлено и быстро подавлено.

Основная задача Разина состояла в том, чтобы сконцентрировать возможно большее количество войск к моменту прихода царских войск под командованием Барятинского к Симбирску. Сформировавшиеся партизанские отряды из народностей Поволжья должны были своими вылазками задержать войска Барятинского, что действительно ими

1. Горьковский областной исторический архив. Летопись XVII века (Рукопись). См. также Нижегородский летописец под ред. Гацвеского.

и делалось. Так, например, 20 сентября Барятинского встретили за рекою Свиягою под селом Куланги татары, казаки, чуваши, черемисы и мордва, более 3000 конных и пеших людей...

А уренские и корсунские и малокорсунские жители и по сей час тебе в. г. не добили челом и вины своей не принесли и из деревень многие воровские люди казаки и крестьяне татаровя, и чуваши, и мордва тысячь с шесть, да с ними воровских казаков 20 человек и на них государь пошёл с полки окольничий и воевода князь Юрий Никитич Барятинский[1].

Отряд Осипова двигался, чтобы преградить наступление правительственных войск на северо-запад к г. Алатырю. 4 октября г. Алатырь был взят и сожжён; воевода Акинф Бутурлин с женою и детьми, а также дворянами заперлись в соборной церкви, где все и сгорели.[2] После этого Максим Осипов направляется к г. Курмышу, а отражение наступающих войск Барятинского поручает местному населению. Для поддержки местного населения атаман Никитинский 19 октября призывает население Саранска к тому, чтобы итти на Алатырь для искоренения войск Барятинского[3].

Восстал почти весь и Арзамасский уезд, но не имел ещё достаточных сил для отпора правительственным войскам. Из отписки Долгорукого от 10 октября 1670 г. мы видим, что крупное «сборище» имело место в с. Кременках «пришли воровские люди от Темникова в Кадомский уезд в вотчину Ивана Залистина сына Леонтьева в с. Кременки от Арзамаса до 30 вёрст и сбирают изо многих уездов для «воровства русских людей и мордву, и собравши, хотят приходить под Арзамас»[4].

«От Арзамаса в 30 верстах дороги к Нижнему засечены и стоят на засеках Терюшевской волости крестьяне и мордва и взяли их (посыльных кн. Долгорукого) в Терюшевскую волость: и привели к атаману тое волости к крестьянину к Аксенку Фёдорову и учали их бить, и расспрашивали их с пристрастием, и хотели пытать и отсечь голову, а грамоты царские изорвали, и говорили непристойные слова».

1. *Попов*, Материалы для истории возмущения Стеньки Разина 1857 г., стр. 62—67.
2. *Соловьёв*, История России, т. XI, стр. 315.
3. Центрархив, Крестьяне и национальн в Разиновском движении.
4. Там же.

Так в начале октября м-ца развернулись крупные бои в Арзамасе и селениях Арзамасского уезда [1].

Труднее было развернуть крестьянские движения на территории Керенского, Шацкого и Ломовского уездов.

15 октября 1670 г. повстанцы Керенского и Шацкого уездов действовали преимущественно в мордовском селе Кобеебеве, где сначала было только «ста два донских казаков, а третье де сто с ними мордва, да татарва. А как де те воровские казаки пошли из Керенска и они де в уезде зовут с собой на воровство Керенского уезда мордву и татар, в Шацкий уезд воровать».

Аналогичное сражение имело место в Верхнеломовском уезде, где русские, мордва и татары восстали всем уездом. Приехали к ним «донские атаманы» и организовывали массу для похода на Верхний Ломов. 17 октября развернулись ожесточённые бои повстанцев с войсками под Шацком; в этих отрядах участвовали Кадомского и Керенского уездов татары и мордва, они же «ходили на города Пензу, Нижний и Верхний Ломовы — воевод били и помещиков разоряли» [2].

Верхнеломовский воевода организовал из городских жителей отряды для отпора разинцам, но соединёнными усилиями повстанцев, пришедших из других смежных уездов, эти отряды принуждены были сдаться. «Мы спрашивали,—пишет осведомитель,—для чего они приехали». Они отвечали, что для подчинения батюшке Разину, в случае же противления мы всех вас верхоломовцев с воеводой вашим побьём и город ваш, и дворян ваших, и жён ваших, и детей всех порубим, и разорим без остатку. Ввиду малолюдства боем с ними мы не бились, нам против их биться было невмочь. Разинцы вошли в город, — воеводин дом с животы разграбили, разрубили попа Фёдора Семёнова, и иные наши дома разгромили и многих людей плетьми били.

В это время в течение месяца Разин осаждал Симбирск. Силы Разина день ото дня увеличивались приходом русских, мордовских, чувашских и татарских крестьян. Четыре раза приступали к городу, всё по ночам, чтобы поджечь город, местное мордовское и чувашское население возило из уездов солому, делали туры, в туры клали зелье, смолу, сухие дранцы, но все приступы были отбиты, и город оставался невредимым [3]. И лишь в ночь с 3 на 4 октября 1670

1. Центрархив. Крестьяне и национальности в Разиновском движении.
2. Известия Тамбовской Учёной Архивной Комиссии, вып. XI.
3. Там же, стр. 32—34.

года разиновские войска потерпели поражение. Сам Разин вынужден был бежать, а 20-тысячную, руководимую им армию побили наголову..., а когда приблизились к судам и там в Волге всех потопили.

Однако поражение Разина не означало конца крестьянского движения. Выкованные Разиным народные вожаки из недр окружающего населения, зарекомендовавшие себя храбростью и организаторскими способностями, продолжали борьбу. Казаки, оставшиеся на местах, продолжали схватку с царскими войсками на жизнь или на смерть, на полное уничтожение помещиков-крепостников. Широта крестьянского движения на территории Мордовии и сопредельных районов в связи с особенно усилившимся феодально-крепостническим гнётом помещиков, их произволом и насилием как по отношению к русскому, так и особенно к мордовскому населению вызывали всё новые и новые пополнения повстанческих отрядов.

В целях большего натиска с уходом Разина была объявлена мобилизация по 1 человеку с двора. Мобилизовывались не только люди, но и лошади. Крестьяне организовывали снабжение армии повстанцев продуктами, деньгами, оружием и т. п. Например, все саранские посадские кузнецы были мобилизованы для ковки оружия и «денно и нощно» готовили холодное оружие (бердыши и саадаки), в которых ощущался недостаток. В крепостях и отрядах имелась артиллерия, которая изнашивалась, и некоторые из кузнецов переключались на ремонт пушек, свезённых в Саранск из различных мест. Крестьянская беднота как русская, так и национальная особенно была активна во всех мероприятиях по обороне. Саранск становился опорным пунктом восстания вслед за уходом из-под Симбирска Разина.

Задача руководителей восстания сводилась к тому, чтобы все пути (стратегические) со стороны правительственных войск заградить и не дать им возможностей проникнуть к Саранску. Таким путём вокруг Саранска образовались мощные опорные пункты и заградительные линии повстанцев.

Одним из мощных опорных пунктов повстанцев являлось преграждение дороги между Арзамасом и Алатырем. В своём донесении окольничий Иван Богданович Милославский от 5 ноября 1670 г. сообщал, что на дороге между Арзамасом и Алатырем приходили на него многие «воровские» люди с нарядом. Против них двинулся воевода Леонтьев,

разбил их в Алатырском уезде, у села Апраксина. Разбитые бросились в лес, в свои засеки, расположенные под деревнею Селищами, здесь сидели они с жёнами, детьми и со всем «воровским» обозом, засеки были взяты. Пленные рассказывали, что было их в сборе больше 3000 русских людей и мордвы, собирались итти к Арзамасу и Нижнему. Отряд из 500 повстанцев стоял также в мордовской деревне Андреевке, но, узнав о селищинском поражении своих, они били челом. Бежавшая с боя мордва спряталась в своих деревнях. Леонтьев велел сжечь эти деревни[1]. По переписной книге Путятина упоминается один запустелый двор на Полое, его хозяин убит во время сражения. Полое—село на р. Алатыре в 12 километрах к югу от Ардатова. Несомненно, была какая-то стычка и в самом Ардатове, т. к. при описании этого пункта Путятин делает отметку, что владельцы двух пустых дворов «убиты в своей деревне»[2]. Леонтьев, разбив повстанцев и приведя покорившихся к присяге, доносил своему начальнику: «В Арзамасском... и в Алатырском уездах по сю (т. е. по левую сторону Алатыря) воровских людей в сборе нигде нет, а которых деревень мордва с твоими великого государя ратными людьми бились с бою, в тех деревнях перехоронились и он, думный дворянин и воевода (т. е. Леонтьев) велел те деревни сжечь и воровские... люди многие в тех деревнях сгорели»[3]. Положение тех деревень, в которых Путятиным зарегистрированы сожжённые дворы (Старая Баева, Старые Чукалы, Старые Селищи, Андреевка и Баева на Печенеях, Тургакова на этой же речке, Кечушева на Васмолотке и Ардатова на Алатыре) даёт указание не только на путь шествия всесокрушающего, грозного воеводы, но и на то, что мордва особенно упорно, не надеясь на «царскую милость», отказывалась подчиниться «кротким мерам» усмирителя. Успокоение, как преувеличенно сообщает Леонтьев, по Алатырю далеко ещё не наступило. Наоборот, сюда продвигалась огромная армия Мурзакайки в колич. 20 тыс. человек. Мурзакайка, заняв стратегические пункты на большом Казанском тракте, запер Ардатовский Перевоз, преградив тем самым путь правительственных войск с северо-востока на Саранск.

1. *Соловьёв*, том XI, стр. 322.
2. Писцовая книга Путятина по Алатырскому уезду. (Список) 1671 г
3. Писцовая книга Путятина по Алатырскому уезду. 1671 г. (Архив Древних Актов), д. № 3552.

На большом Нижегородском тракте к северу от Саранска в селе Мамлееве под руководством атамана Свищева находился 4-тысячный отряд повстанцев, вооружённый 5-ю пушками.

На юго-западе от Саранска отряды Харитонова засели в укреплённых пунктах—Н.-Ломове, Керенске, Шацке; выдержали ряд сражений с передовым отрядом правительственных войск, а затем с 5-тысячным отрядом укрепились в с. Ачадове и Зарубкине. Вся территория волости была засечена. На севере все дороги мордвою-терюханами также были заграждены укреплениями.

Крестьяне Кадомского у. в 1670 г. устроили засеки «промеж Кадомского и Шацкого уездов за селом Устьем, в лесу на Кадомской дороге»[1]. Вдоль всей реки Ужовки были сооружены 2 засеки и рвы. Исправлена была и старая сторожевая линия по направлению от Кадома на Темников и Алатырь. Между сёлами Журавкино и Зарубкино были устроены засеки и выкопаны рвы. Для охраны и наблюдения за ними были выставлены 3 сторожевых отряда по 100 человек пеших и конных в каждом отряде[2]. В ряде деревень, например, в дер. Юнан Шацкого у. и вокруг Красной Слободы (Краснослободск) крестьянами воздвигались баррикады, улицы были завалены телегами и заделаны надолбами.

Как видим, повстанцы не на шутку прилагали огромные усилия, чтобы спасти себя от наступающих правительственных войск, преградить им путь продвижения вперёд. Во всех пунктах, связывающих очаги восстания, развёртывались партизанские сражения, останавливаться на которых мы не будем, а укажем лишь на крупнейшие бои, решавшие исход крестьянской войны на территории нынешней Мордовии. К числу крупнейших боёв в исходе ноября следует отнести сражения в Темниковском уезде. Здесь сосредоточивались крупные военные силы повстанцев, руководимых атаманом Фёдором Сидоровым.

В г. Темникове было 4 тыс. повстанцев, располагавших пушками и др. огнестрельным оружием. Из Арзамаса в подкрепление темниковцам прибыл отряд в 600 человек, руководимый старицей Алёной.

Атаман Сидоров упорядочил наступательную и оборонительную тактику этих отрядов, действовавших в Темников-

1. *Попов*, Материалы для истории возмущения Разина, стр. 155.
2. Там же, стр. 163.

ском уезде. Часть отрядов Сидоров отправил на помощь арзамасским повстанцам, а другую часть направил в с. Веденяпино (в 20 км. от Темникова), занятое воеводою Лихаревым. 30 ноября 1670 г. начался бой, в котором участвовало против отрядов воеводы Лихарева 5 тыс. темниковцев, 2 тыс. служилых казаков Троицкого острога и сотни саранских казаков. Однако в результате неорганизованности и разрозненности в действиях отрядов повстанцы потерпели поражение, потеряв при этом 4 пушки, 16 знамён и 30 пленных[1].

Повстанцы, отступив, вновь собравшись с силами, 1-го декабря опять начали наступать на село Веденяпино. Однако известие о наступлении кн. Долгорукого со стороны Арзамаса на Веденяпино заставило повстанцев вновь отступить по направлению к Темникову. Но войти повстанцам в Темников уже не удалось, ибо купцы «лучшие люди», крупные и мелкие помещики, мордовские и татарские мурзы приготовились к обороне. В результате неудачи укрепиться в Темникове повстанцам пришлось рассеяться на мелкие отряды и укрыться в лесах. Но предатели восстания сами ещё до прихода Долгорукого начали преследовать эти отряды. И когда 4-го декабря Юрий Долгорукий подступил к Темникову, навстречу к нему с крестным ходом вышли «всяких чинов люди» и уездных церквей священники, которые вели вместе с собой 18 повстанческих атаманов. Долгорукий начал расправу, атаманы все были казнены, а старица Алёна сожжена живой в срубе. Алёна, испуская дух, ответила: «Когда бы все воевали, как я, князь Юрий давно навострил бы от нас лыжи».

Внутренняя реакционная сила организуется и в другом очаге восстания, в г. Алатыре и его уезде. 17 ноября 1670 г. кн. Барятинский, подойдя к Суре, принимает огромную толпу челобитчиков из г. Алатыря и его уезда. Строители Алатырского Троицкого монастыря и священники с образами, посадские люди, стрельцы, пушкари и казаки, все со слезами, принесли свои вины, били челом, чтобы князь или сам шёл в Алатырь, или воеводу прислал. Барятинский отпустил к ним воеводу Шильникова со стрельцами и солдатами, а сам пошёл по черте к Корсуни. 18 ноября Барятинский для расправы останавливается в мордовской деревне Котякове и принимает челобитчиков из Корсуня, Малого Корсуня и Тальского. Барятинский довольствуется этим и спешит к г. Алатырю[1], чтобы опередить двигающегося туда атамана Мурзакайку. 23 ноября Барятинский входит в Алатырь и делает острог (крепость). Прежде всего для нас ново и интересно участие мордвы в армии Мурзакайки и неуверенность Барятинского в предстоящей решающей битве. Барятинский, донося в Москву, говорит, что на Кондорати собралось—«воров» с 15 тысяч, и в их числе «воры донские казаки Ромашко да Мурзакайко с Саратовскими и с Самарскими, и с черты с Корсунскими, и Малого Корсунова, и с Арзамасскими, и с Сурскими, и с Тальскими, и с Саранскими, и с Пензенскими, и с Алатырскими, и с Курмышскими, и с уездными тех городов со всеми»[2]. Наиболее упорным был бой 5 ноября 1670 г., «бой был великий и стрельба пушечная беспрестанная»[3].

Битва на р. Кондарати, имевшая место 12 ноября 1670 г., отличалась большим упорством со стороны побеждённых и жестокостью, проявленной победителями. Повстанцы по всем правилам военного искусства укрепились на левом берегу Кондорати, повидимому, на мысу, образуемом этой речкой и Уренем, и Барятинский сначала пытался выманить их из укреплений. Не дождавшись этого, прождав «с полками с утра до обеда», «он наметав сенами речку Кондорать», перебрался на её левый берег и «учинился бой великий». Сражение кончилось не в пользу повстанцев, они потеряли 12 пушек, 24 знамени, захвачено в плен 323 человека, после чего повстанцы побежали «разными дорогами». И прибавляет «победитель» «секли их, воров, конные и пешие», так что «на поле и в обозе и в улицах в трупу нельзя конному проехать и пролилось крови столько, как от дождя, большие ручьи потекли»[4].

Бой на Кондарати был генеральным сражением, последней крупной попыткой сопротивления со стороны восставших, дальше идёт уже усмирение. Усмиряемые, однако, не спешили с изъявлением своей покорности, давали отпор. Отсюда ряд мелких стычек и столкновений, в которых также сотни мордвы платились своей головой. В начале декабря

1. Центрархив. Крестьяне и национальн. в Разиновском движении, стр. 60—61.

1. *Соловьёв*, т. XI, стр. 321.
2. *Попов*, Материалы, стр. 69.
3. Центрархив. Материалы, стр. 87—88.
4. Центрархив. Материалы, стр. 135 и 155. См. также Попов, Материалы, стр. 68—71.

м-ца соединённые отряды атаманов Мурзы Кайки, Алёшки Савельева, Янки Никитинского, Ивана Маленького, Петрушки Леонтьева, собрав последние силы, вновь двинулись на решительную схватку к гор. Алатырю. Но об этом узнал воевода Василий Панин, отправленный для соединения с Барятинским. Панин, поспешив наперерез повстанцам, встретил их недалеко от мордовской деревни Баево, вступил в бой, побил их, взял десять знамён, пушку, много пленных и погнал бегущих в обоз, находившийся в с. Тургеневе, но обоза взять не мог и вынужден был ночью вновь отступить с версту, к деревне Баевой. В эту же самую ночь явился в дер. Баеву и кн. Юрий Барятинский с конными и пешими людьми[1].

7-го декабря Мурзакайко вступил в самую решительную схватку с соединёнными отрядами Барятинского под «мордовской деревней Баевой и с ними было «воров» больше 20 тысяч... и поставили де они, воры, обоз, и пехоту построя, и рогатками обметався, а пушки поставили около обоза и конных полков». И стали наступать «пехота на пехоту, а конные на конных». В этом бою повстанцы потеряли 20 пушек и 68 знамён, отступив сначала в Тургенево[2].

8 декабря оба воеводы, кн. Барятинский и Василий Панин, рано утром отправились из деревни Баевой к Тургеневу на «воровские» обозы, взяли их приступом и секли бегущих на 15 верстах, добыли три пушки медных, три бочки пороху, 8 знамён, воз фитилю, тридцать семь мушкетов[3]. После этого Мурзакайко, отступая к Саранску, терпел поражение за поражением и, наконец, потерпев окончательное поражение, укрылся «в мордовской своей деревне Костяшеве»[4].

Из других крупных атаманов, предводительствовавших мордовскими отрядами, был мордвин Пашатка из деревни Шугурова, который «ходил с мордвою атаманом и с воровскими казаками на всех боях был»[5].

В то время, как Мурзакайко вёл сражения с многочисленной армией Барятинского, в западной стороне от Саранска велись сражения также с мощными отрядами под командованием кн. Долгорукого и кн. Щербатова. Это в

1. *Соловьёв*, т. XI, стр. 320.
2. Центрархив. Материалы, стр. 135—155. Попов, Материалы стр. 68—71.
3. *Соловьёв*, том XI, стр. 320.
4. Центрархив. Материалы, стр. 135—155.
5. Там же, стр. 87—88.

районах Краснослободска. Трудность осады Краснослободска состояла в том, что жители города не примкнули к восстанию и вместе с правительственными войсками отстаивали город. 9 декабря 1670 г. князь Долгорукий подступил к городу Краснослободску. Осаждавшие город повстанцы отступили к Троицкому острогу.

Кн. Долгорукий, войдя в город Краснослободск, потребовал от всего уезда жителей присягу и выдачу всех повстанцев. Выданные повстанцы тут же были казнены. После этого Долгорукий выделил карательную экспедицию во главе с кн. Щербатовым, которая повела успешное наступление на повстанческие отряды, засевшие в Троицком остроге.

На помощь повстанцам Троицкого острога по совету керенских повстанцев направился с сильным отрядом атаман В. Фёдоров, но в 8 верстах от Троицка, в мордовской деревне Панцеве, столкнулся с большим отрядом окольничьего князя Щербатова, и начался бой. В этом бою также приняли участие повстанцы Троицкого острога. Бой был сильный и стрельба пушечная беспрестанная как со стороны правительственных войск, так и повстанцев. Однако повстанцы были разбиты и отброшены к Наровчату, потеряв при этом 2 знамени и много убитых. Решающие бои были также на территории юго-западной части Мордовии, под сёлами Зарубкино и Ачадово. Укрепившись в Зарубкине, Михаил Харитонов прилагал усилия задержать наступление правительственных войск, но был разбит, «отступил к с. Ачадову, где произошло генеральное сражение с войсками. Ратные правительственные войска осаждали (повстанцев) жестокими приступами и из пушек по их воровскому обозу били с третья часу дня по 4-й час ночи». Однако, несмотря на упорное сопротивление повстанцев, они были разбиты.

Из изложенного материала видно, что в восстании под руководством Разина беднейшая часть казачества, русского и нерусского крестьянства выступила самоотверженно и храбро. Мы не можем привести ни одного случая межнациональной борьбы. Восстание проходило под лозунгом борьбы за уничтожение крепостнического гнёта. Борьба была направлена, в первую очередь, против великорусских помещиков-крепостников. «Дворян и детей боярских и в городах воевод и подъячих всех переводили и побивали».

Эксплоататорские слои из среды народов Поволжья в ряде случаев выступали на стороне Разина в качестве попутчиков восстания. Участие эксплоататорских слоёв из нерусских народностей объясняется их стремлением оттеснения великорусского крепостника как эксплоататора из среды «своей» народности, чтобы воспользоваться самим исключительным правом на эксплоатацию своего народа. В их лице Разин надеялся получить необходимую для него поддержку из более обученных военному искусству бойцов. Однако эксплоататорские слои нерусских народностей, не будучи заинтересованными в полной отмене крепостничества, выступали не всегда единодушно и последовательно. Когда же движение принимало всё более и более антикрепостнический характер, эксплоататорская верхушка из угнетённых народов Поволжья всё чаще и чаще стала переходить на сторону правительственных войск[1]. Разин приказал: «Мурз и татар, за которыми крестьяне есть—рубить». Этим призывом борьбы с крупными феодалами Разин надеялся ещё шире вовлечь в ряды повстанцев крестьянство. Но не только феодалы нерусских народностей Поволжья, а и зажиточная часть населения часто тормозила движению. Так, 25 ноября 1670 г. били челом Арзамасского и Алатырского уездов, Пьянского стану мурзы и татарове и Нижегородского уезду мордва разных деревень и подали нам (Барятинскому) челобитную, что они де не желают приставать к повстанцам и живут по домам, но их разоряют разницы[2]. Просят направить к ним Любима Бахметьева, да две сотни костромич дворян и детей боярских, а с ними арзамасских и алатырских мурз и татар, да арзамасских посадских людей 100 человек[3]. Крестьяне-мордва с. Вад, зажиточная её часть, выносила на своих собраниях «атят» верноподданнические резолюции «оберечь их от воров, богоотступника и клятвопреступника Стеньки Разина». Угодники его казачишки, нас сирот твоих государевых разоряют, а приезжают почасту. И мы, сироты твои, от тех «воров» разбрелися по лесам с женушками и детишками, домишков своих не знаем, а тебе в. г. не супротивники и не драчи, помня своё в. г. крестное целование, рады за тебя в. г. помереть[3]. Село Вад (Покров-

1. *Попов.* Материалы, стр. 105—106.
2. *Попов.* Материалы, стр. 105—106.
3. Материалы. Крестьянство и национальности в Разиновском движении, стр. 129 и 324.

ское) принадлежало боярину Морозову. Население помимо оброка должно было работать на будных станах. Среди оброчных крестьян была и зажиточная эксплоататорская прослойка (коштаны, откупщики, целовальники, будники, судовладельцы, торговцы и пр.), против которых была направлена борьба крестьянской бедноты. Мордва с. Вад играла крупную роль в Разиновском движении, которому противодействовала зажиточная верхушка. И хотя эта помощь правительственным войскам в подавлении движения со стороны этой прослойки была значительна, однако, основная причина поражения восстания заключается в том, что крестьянская война протекала стихийно, неорганизованно, без определённого плана переустройства общества в случае победы. И потому, что в руководстве этим восстанием не было сложившегося ещё класса пролетариата, единственно способного привести крестьянство к победе. «Отдельные крестьянские восстания, даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьёзному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»[1]. Но для крестьянства иного выхода тогда не было, не вынося безмерного угнетения, они стали искать лучшей доли. Крестьяне решили, что лучше умереть в борьбе с угнетателями, чем умирать без борьбы голодною смертью.

Царское правительство объявило крестьян бунтовщиками, разбойниками, ворами и грабителями, послало против них войска, как против неприятелей. Крестьяне были разбиты, в них стреляли, многих убили, повесили, сожгли, засекли до смерти и истязали самыми мучительными муками. И после всех этих репрессий при подавлении восстания крестьян опять-таки судили судом чиновников. По этому суду подвергнуто было репрессиям в России более 100000 человек. Почти 10% всего мордовского населения было начисто сметено с лица земли. Всего в связи с событиями 1670 — 1671 гг.

1. *Ленин и Сталин.* Сборник произведений, т. III, Партиздат, 1937 г., стр. 527.

запустело только по Алатырскому уезду 188 дворов мордвы[1]. Из них домохозяев: 34 убиты под Симбирском, 63 на Кондорати, 4 под Тургеневым, 4 под Алатырем, 1 на Полой, 2 под Четвертаковым, 4 в своей деревне, 8 без указания места, 1 повешен, 1 сожжён в своей деревне и 2 без указания причины[2]. А всего почти 10%.

29246.

БИБЛИОТЕКА
№
научно-исслед. ин-та яз. лит-ры

1. Архив Древних Актов, Писцовая книга 1671 г. по Алатырскому у. Путятина. № 3552.
2. Архив Древних Актов, Писцовая книга 1671 г. по Алатырскому уезду Путятина. № 3552.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

И. М. Корсаков, А. И. Куркин
К вопросу об участии трудящихся Мордовии в Великой Отечественной войне 3
А. Чернухин
Наш земляк — адмирал Ушаков 41
И. Фёдоров
Заметки о деятельности Сперанского в Пензенской губернии 49
П. Д. Степанов
Ещё один памятник древней мордвы в долине р. Суры . . . 56
М. Г. Сафаргалиев
Разгром Большой Орды 78
И. Воронин
Первые поселенцы Саранска 97
И. М. Корсаков
Разгром питейных домов на территории Мордовии (1859 г.) . . 132
И. Воронин
Сподвижник Степана Разина 155
И. Д. Воронин
Из истории старой Рузаевки 160
И. П. Рутневич
А. А. Тучков 167
М. И. Зевакин
К вопросу об участии мордовского народа в крестьянской войне под руководством Разина 201

Редколлегия: *М. В. Дорожкин, И. Д. Воронин, К. А. Котков.*

Выпускающий редактор *М. Н. Смунина.*
Техредактор *М. Д. Куделькина.*
Корректор *А. А. Стенюшина.*

Ю05733. Тираж 1500 экз. Подписано к печати 28 ноября 1949 г.
Объём: печатных листов 14; авторских листов 13.

г. Саранск, Московская 115, типография „Красный Октябрь".
Заказ № 2783.